

3 РУССКАЯ РЕЧЬ 1985

МАЙ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ИЮНЬ

В НОМЕРЕ:

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В. В. Иванов. Сорок созидательных лет	3
<i>Наши публикации</i>	
Из писем военных лет	13
С. Ф. Геккер, Р. П. Рогожников. Ленинградские лексикографы в дни войны	19

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. Огнев. О мужестве и стойкости советского человека	28
Ф. Г. Бирюков. Слова любви и гнева	37
Ф. М. Горленко. Суровая правда Победы (О языке повести Ю. Бондарева «Последние залпы»)	44
Л. Н. Дудина. Священный образ Родины (Цветопись в прозе Евгения Носова)	49
Г. В. Потапова. «Вся жизнь моя, вся боль моя — к оружию!»	56
Р. Р. Чайковский. «Души моей забота»	66
Л. А. Гладышева. «Ярославна рано плачет...»	71

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

<i>К 100-летию со дня рождения</i>	
М. В. Орешкина. Я. М. Свердлов — пламенный трибун революции	75

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Г. Н. Складневская. <i>Бюллетень, температурить, умничать, столарничать</i> (Разговорные слова в современной речи)	82
К. А. Солиева. Числа и образы: десятичник — шестидесятичник, тысячник — тридцатитысячник	86

Лексикография

Г. И. Мисськевич. Читая словарь «Новые слова и значения»	90
Р. Лузайа-Маминги. Заимствованные слова и словари	94
<i>Терминология</i>	
В. М. Лейчик. В мире названий: Рубип, Лада, Миц-ка косопалый	99

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	108
---------------------	-----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Николай Семенович Поспелов (1890—1984)	104
Иван Константинович Белодед (1906—1981)	109

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. В. Горбаневский. Бельгийцы изучают русский	113
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>К 800-летию «Слова о полку Игореве»</i>	
В. И. Тищенко. Загадки «темных мест» в «Слове о полку Игореве»	118
Р. А. Симонов. Рог инрога	125

РУССКИЕ ГОВОРЫ

В. Г. Долгушев. Первые собиратели вятских слов	133
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. И. Андреева-Васина. Слова — свидетели войны	137
Н. С. Журавская. Из партизанского лексикона	141
А. Н. Шустов. Авиация-«птицелетание»	145
В. М. Мокненко. Вверх тормашками	149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В. П. Петушков. Из воспоминаний о военной поре	154
О. Г. Сальникова. «Мы не забудем, не забудем...»	155

Кроссворд	153
---------------------	-----

На обложке: Рисунок В. Комарова

СОРОК СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ЛЕТ

В жизни советского народа есть такие памятные даты, о которых помнят не только люди старшего поколения — очевидцы прошедших событий, но и те, кого во времена далеких дней еще не было на свете. Среди таких дат — 9 мая 1945 года — день, который мы называем одним кратким и емким словом — Победа. И совсем не нужно расшифровывать, о какой победе идет речь: все, от мала до велика, знают, что это день победы света и разума над тьмой и безумием, день спасения мира от коричневой чумы фашизма, день торжества силы и могущества Советской страны, ее народа, ее мужчин, женщин и детей. Мы ежегодно празднуем этот день, отдавая дань памяти погибшим и честь оставшимся жить, но нынешний 1985 год — это особый год: это год сороковой годовщины победного, полного окончания Великой Отечественной войны, это сороковой год нашей мирной жизни, это сорокалетие созидательного труда советских людей. И поэтому сегодня мы не только вспоминаем о наших потерях, о суровых буднях военных лет, но, оглядываясь на послевоенные годы, итожим то, что было сделано за 40 лет, и думаем о будущем...

Советская наука о русском языке своими довоенными достижениями и успехами обязана следованию традициям классического русского языкознания, всегда осно-

вывавшегося не на умозрительных теориях, а на изучении фактов языка, его памятников и диалектов, его письменной и устной форм, его воплощении в литературе. Русское классическое языкознание воспитывало в новых поколениях лингвистов историко-материалистический подход к языку, признание его общественного характера, его тесной и непосредственной связи с народом, с его жизнью и историей. Первое поколение советских русистов, к которому относятся не только те, кто пришел в науку вместе с Октябрьской революцией, но и те, которые выросли еще в дореволюционный период и которые поняли и приняли Революцию,— это поколение, восприняв лучшие идеи русских языковедов XIX века, стало развивать их в новых исторических условиях.

К началу войны, к 1941 году, советская русистика уже имела ощутимые результаты своей работы, отразившиеся в фундаментальных трудах В. А. Богородицкого, Н. Н. Дурново, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, А. М. Селищева, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, П. Я. Черныха и других лингвистов, занимавшихся исследованием разных сторон русского языка. Был создан первый советский нормативный словарь русского литературного языка от Пушкина до наших дней — «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Авторами этого словаря, последний том которого вышел в 1940 году, были тогда еще сравнительно молодые, но уже заявившие о себе в науке, а позднее ставшие во главе советской русистики такие ученые, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов. Именно они, как и Д. Н. Ушаков, воспитанные в духе классического русского языкознания, воплотили в жизнь идею В. И. Ленина о массовом, общедоступном словаре литературного русского языка, призванного помочь народным массам приобщиться к многовековой культуре русского народа. Ведь толковый словарь — это не только и не просто собрание слов — это и сокровищница народной мудрости, воплощенной во фразеологии, это и богатейший материал образцового словоупотребления лучших русских писателей, это и разветвленная система грамматических и стилистических рекомендаций по образованию форм и употреблению слов и выражений. «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова служил, служит и всегда будет служить науке как источник знаний о русском литературном языке 20—30-х годов нашего века...

Война коренным образом изменила жизнь советских людей, потребовав от них величайшего мужества и огромного напряжения сил, но она не смогла остановить эту жизнь, не смогла остановить движение мысли и развитие науки. «Все для фронта, все для победы!» — конечно, этот лозунг был обращен прежде всего к труженикам тыла, делавшим оружие и растившим хлеб, но этот лозунг был обращен и к тем, кто отдавал силы духовному развитию общества, сохранению и укреплению его нравственного потенциала. Многие советские русисты воевали на фронтах Отечественной войны, а те, кто оставался в тылу, самоотверженно работали, помогая фронту, и, веря в победу, сохраняли духовное богатство нашего народа.

*

Прошло сорок лет... Нельзя сказать, что для русистики это были безоблачные годы. Наука о русском языке прошла через трудности, испытания, ни разу не предав своих идеалов — приверженности к фактам, вере в факты, опоре на факты. Ее не захлестнули разные «модные» течения в языкознании, ее не поглотили ни структуральная лингвистика, ни порождающая грамматика, ни дискриминативизм. Русистика осталась наукой о русском языке, о его истории, об истории народа, создавшего этот язык и сохраняющего его как самое свое драгоценное достояние.

И очень может быть, что судьба советской русистики оказалась такой счастливой потому, что сразу после войны в нее вернулись те ученые, которые с оружием в руках на фронте или в труднейших условиях тыла боролись за победу, и влились новые силы лингвистов, прошедших огненные схватки с фашизмом. Старшим было 40 или чуть больше, а младшим — 20—24 год, но и те и другие рвались к работе или к учебе, понимая, что только неустанный труд может принести желанные результаты. Им не было страшно ничего: ни полуголодные, полухолодные послевоенные дни, ни многожильцовые коммунальные квартиры, ни нехватка необходимой одежды и обуви — ходили в гимнастерках, шинелях и сапогах. Эти люди взяли на себя ответственность за будущее науки о русском языке. И именно эти люди приняли новое поколение русистов — поколение пятидесятих годов. Те, кому в 1941 было шесть — семь лет, а в 1945 — десять — одиннадцать, — не воевали, но это было военное поколение, детство которого,

как говорят, было опалено войной, и поэтому новые русисты тоже были твердыми и закаленными. Теперь им по пятьдесят, а их учителям — по шестьдесят — семьдесят, да и не всех учителей они уже досчитываются...

Наука о русском языке — она ведь стала совсем другой за эти сорок лет. Другой не в том смысле, что забыты традиции, наоборот — они в основе новаторства; другой в том смысле, что, опираясь на традиции русского языкознания и учитывая сегодняшние социальные потребности, русистика достигла огромных вершин в своем развитии. У нас есть отечественные фонологические школы, при всех их различиях объединяющиеся функциональным подходом к звуковой системе языка; есть отечественная школа лингвогеографии, получившая всемирную известность и признание таких международных организаций, как Общеславянский лингвистический атлас, Общекарпатский диалектологический атлас и Лингвистический атлас Европы; есть отечественная школа словообразования, заявившая о себе фундаментальными исследованиями в этой области русистики; есть отечественная школа лексикологии, известная глубокими разысканиями в области семантических связей слов в лексической системе языка; есть отечественная грамматическая школа, заслуги которой всенародно оценены присуждением академической «Русской грамматике» Государственной премии СССР в 1982 году.

*

За прошедшие годы «встала на ноги» история русского литературного языка, начало разработки которой было положено трудами В. В. Виноградова еще в довоенное время и расцвет которой приходится на 50—60-е годы; история русского литературного языка, тесно связанная с историей русской литературы, русской духовной культуры — это наука, имеющая огромное воспитательное значение, ибо она раскрывает пути обогащения духовной жизни народа, воплощенной в языке — первоэлементе литературы. Не случайно ведь именно в этой области русского языкознания обнаруживается в наши дни острая идеологическая борьба советской и буржуазной науки, стремящейся принизить русский литературный язык, а тем самым и русский народ, объявляя этот язык нерусским по происхождению. Задачей русистов нашей страны является твердый

отпор таким взглядам и их пропаганде, отстаивание самобытности и самостоятельности русского литературного языка, выступающего ныне в роли языка межнационального и международного общения.

Как известно, современности нет вне истории, и, хорошо понимая это, советские русисты в послевоенные годы отдали много сил изучению истории русского языка в его диалектном варьировании — истории его фонетической, морфологической и синтаксической систем: исследование памятников письменности различных исторических периодов и различной территориальной приуроченности, в которых нашли отражение явления и процессы прошлых эпох истории русского языка, изучение русских диалектов, сохраняющих в своем архаическом слое разные факты их исторического развития, а тем самым — исторического развития всего русского языка — все это не только способствовало стиранию многих «белых пятен» в истории русской языковой системы, но и позволило совершенствовать методы реконструкции прошлых состояний языка, разработанные в конце XIX — начале XX вв. в трудах А. И. Соболевского, А. А. Шахматова и др. Огромную роль в развитии русского исторического языкознания сыграло становление в советской русистике лингвистического источниковедения, связанного с изданием памятников письменности. Извлеченные из архивов, недоступные для многих рукописные документы и лингвистически точно передающие тексты таких памятников издания создали возможность расширить представления историков русского языка о наличии и распространенности тех или иных языковых черт и явлений в определенные эпохи развития русского языка и на определенных территориях его распространения.

За прошедшие 40 лет сложилась и развилась отечественная школа этимологии. В истории русского языкознания произошло так, что этимологические исследования не приобрели в дореволюционные и довоенные годы того размаха и значения, какого они заслуживали. Конечно, были этимологические словари Н. Горяева и А. Преображенского; конечно, проводились этимологические исследования в области русистики, но только в послевоенные годы этимологические разыскания приобрели настоящий размах, появилась советская этимологическая школа, что позволило создать ряд крупных исследований о происхождении лексики определенных тематических групп

в русском и — шире — в славянских языках и приступить к огромному труду по этимологии — к этимологическому словарю славянских языков, в котором реконструируются слова праславянского лексического фонда.

В 60—70-е годы нашего века в науке о русском языке получили развитие такие исследования, которых почти не было ранее и которые стали осуществляться лингвистами, пришедшими в русистику после войны, — исследования русской разговорной речи, т. е. тех явлений, которые характеризуют русский язык в его повседневном употреблении и которые проявляются в устном общении людей, и исследования в области культуры русской речи, которые, получив теоретическое обоснование, превратили эту область в одно из главных направлений русского языкознания.

Но, пожалуй, наиболее интенсивно развилась после войны русская лексикография — создание словарей русского языка самого различного характера и назначения. Вершиной лексикографической деятельности советских русистов в области создания толковых словарей явился 17-томный академический «Словарь современного русского литературного языка», удостоенный Ленинской премии в 1970 году. Настольной книгой не только специалистов-лингвистов, но и широких кругов образованных читателей стал однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, почти ежегодно переиздающийся и пользующийся огромным спросом как авторитетный справочник литературного слово- и формоупотребления. Малый академический 4-томный «Словарь русского языка», толковые словари для школьников, словари трудностей русского языка, орфоэпические и орфографические словари, словари синонимов, омонимов, антонимов, эпитетов — все они, созданные советскими русистами, служат благородному делу повышения культурного уровня советского народа, культуры русской речи.

В отечественной русской исторической лексикографии по существу был один, хотя и весьма успешный опыт создания исторического словаря русского языка — это «Материалы для древнерусского словаря» И. И. Срезневского, вобравшие в себя сведения о русских словах, зафиксированных в памятниках XI—XVII вв. Созданный в конце XIX в., этот словарь переиздавался в советское время и служил базой для многих исторических исследований в области русской лексики. Но потребность в новых исто-

рических словарях, основанных на новых материалах, извлеченных из памятников и лексикографически обработанных в соответствии с достижениями теории лексикографии, оставалась острой. Преодолеть трудности в создании исторических словарей, связанные как с необходимостью фронтального изучения новых памятников, так и с их лексикографической обработкой, стало задачей русского исторического языкознания. И эти трудности были преодолены. С середины 70-х годов начал издаваться «Словарь русского языка XI—XVII вв.»; создана обширная картотека, на основе которой написан и начинает издаваться «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.»; совсем недавно вышел I том «Словаря русского языка XVIII в.». Все это укрепляет лексикографическую базу историко-лингвистического изучения русского языка, базу изучения истории его словарного состава, которая, как известно, наиболее непосредственным образом связана с историей носителей русского языка, с историей русского народа.

Серьезных успехов достигла русская диалектная лексикография. Здесь в опыте отечественной русистики были немалые достижения — достаточно назвать «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля — эту сокровищницу русской лексики — словарь, высоко оцененный В. И. Лениным и теперь служащий науке, а также «Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему.

В послевоенные годы русская диалектная лексикография обогатилась огромным количеством словарей — от словарей одного говора до словарей очень обширных диалектных территорий; издается и обобщающий «Словарь русских народных говоров», объединяющий в себе диалектные факты, относящиеся к самым разным территориям распространения русского языка.

Особое место в послевоенной русской лексикографии занимают словари отдельных писателей, среди которых первое место принадлежит «Словарю языка А. С. Пушкина», зафиксировавшему всю лексику, которой пользовался великий русский поэт в своих произведениях.

*

Накопленный опыт словарной работы позволил советским лексикографам приступить к выполнению почетной и ответственной задачи — к созданию словаря языка

В. И. Ленина — величайшего мыслителя и философа, теоретика марксизма, пролетарского трибуна. Созданная в Институте русского языка АН СССР картотека слов, употребленных В. И. Лениным в его произведениях, превышает 37 тысяч словарных единиц! Словарь языка В. И. Ленина, отразив все богатство лексики, которой он пользовался, будет неоценимым источником наших знаний о литературном русском языке ленинской эпохи.

Если учесть еще и различные собрания иностранных слов, терминологические словари по отдельным областям науки и техники, словари новых слов и значений, фиксирующие сегодняшнее состояние русской лексики, то можно утверждать, что за прошедшие 40 лет русское языкознание сумело представить в лексикографическом виде развитие русского словарного состава во всем его диалектном многообразии и в литературном языке на длительном историческом пути от праславянского языка до наших дней, до 80-х годов XX века.

*

...Русский язык — это язык великого русского народа, им он создан, и ему он прежде всего принадлежит. Но русский язык в наши дни — это и язык, на котором общается между собою все многонациональное население Советского Союза, добровольно принявшее его в качестве средства межнационального общения, это и международный язык, один из официальных языков Организации Объединенных Наций.

Будучи средством межнационального общения народов СССР, русский язык функционирует наряду с родными языками советских наций и народностей, не подавляя их, но обогащая, вступая с ними во взаимодействие. Влияние национальных языков народов СССР на русский, возникающее при языковых контактах (так же, как и влияние русского языка на национальные), вызывает различные изменения в русском языке, связанные прежде всего с лексическими заимствованиями из национальных языков в русский, и в русской речи населения разных республик. Эти процессы не могли пройти мимо внимания советских русистов, ибо развитие русского языка в нашей стране, распространение его в республиках, расширение и углубление изучения русского языка в национальных школах — все это вызывало и вызывает необходимость изу-

чения этих процессов, осмысления их с теоретических позиций науки о русском языке и с практической — педагогической и методической — точки зрения.

Накопившийся в довоенные и особенно в послевоенные годы опыт преподавания и изучения русского языка в национальных республиках позволил развернуть в 70-е годы широкое научное изучение русского языка как средства межнационального общения народов СССР. Возникло новое направление в русистике — исследование социологических и лингвистических процессов, связанных с функционированием русского языка в нашей стране. Вокруг изучения этих процессов сосредоточены силы русистов всех национальных республик, решающих одну общую задачу — добиться того, чтобы все население страны, для которого русский язык не является родным, владело бы им как вторым родным языком. Решению задачи достижения гармоничного двуязычия народов СССР, при котором наряду с родным языком представители национальных республик владеют и языком межнационального общения, способствуют двуязычные русско-национальные и национально-русские словари, а также словари сочетаемости слов, наиболее употребительных русских слов и т. д., широко создающиеся ныне в нашей стране.

*

Победа советского народа в Великой Отечественной войне и последующие успехи СССР в науке, экономике и культуре вызвали в мире необычайный интерес к русскому языку. В послевоенные годы русский язык выдвинулся в качестве одного из мировых языков, он стал широко изучаться в разных странах в вузах и школах, на курсах и семинарах; в Советский Союз приезжают иностранные учащиеся для получения высшего образования в наших университетах и институтах.

В 1967 году была создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), объединившая в своих рядах многочисленную армию преподавателей советских и зарубежных вузов и школ, ученых-лингвистов, занимающихся русским языком и обучением ему как иностранному. Это тоже новое, послевоенное направление в русистике, оно, конечно, в определенной степени сближается с направлением, связанным с изучением русского языка как средства межнационального

общения (и в том и в другом случае речь идет об обучении русскому языку нерусских), но оно и отличается от него, ибо речь идет о разных условиях общения и о разных его целях. И все же с точки зрения лингвистической между этими двумя направлениями много общего, так как изучение русского языка равно связано с представлением его системы и ее функционирования в речи глазами нерусского. Это обуславливает необходимость для науки о русском языке теоретически осмыслить те явления и факты в русской языковой системе и в ее функционировании в речи, которые для носителя русского языка как родного могут представляться «само собой разумеющимися», а для нерусского оказываются «камнем преткновения»...

40 лет — в общем-то небольшой исторический срок, но 40 лет, прошедших после Великой Отечественной войны, явились годами расцвета нашей Родины, ее народного хозяйства, науки и культуры. Для русистики это были годы больших свершений, годы развития всех ее областей, годы создания фундаментальных теоретических трудов и практических работ, жизненно необходимых советским людям. Сделано многое, многое достигнуто, но еще больше предстоит сделать; в трудах русистов нуждается наше общество, в этих трудах нуждаются и в зарубежных странах — прежде всего люди, понимающие роль и значение нашей страны в мировой истории, роль и значение русского языка в распространении передовых, прогрессивных общественных идей.

Мы хорошо знаем и помним историю, мы ощущаем горечь утрат, но мы всегда верим в будущее, в торжество идей мира и социализма. Мы говорим: «Нам нужен мир!» — для того, чтобы трудиться, для того, чтобы жить, для того, чтобы наши дети и внуки были счастливыми. Этому служит советская наука, этому служит советская русистика.

*В. В. ИВАНОВ,
лауреат Государственной премии СССР,
доктор филологических наук,
профессор*

«Не могу жить без мыслей о языке...»

Выдающийся советский филолог академик Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) был ученым очень широких и разнообразных научных интересов. Его исследования в области морфологии, синтаксиса, словообразования, лексикологии и фразеологии русского языка относятся к числу таких работ, которые постоянно читаются и перечитываются лингвистами разных поколений. В. В. Виноградов был создателем новой лингвистической дисциплины — истории русского литературного языка, много сделал для изучения языка художественной литературы, а также языка и стиля целого ряда писателей XIX — XX веков — Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Лескова, А. Ахматовой и других.

Настоящая публикация основывается на письмах В. В. Виноградова к А. М. Земскому и освещает мало известный период из жизни и творческой биографии В. В. Виноградова — 1942—1943 годы.

Когда началась война, В. В. Виноградов работал в Московском педагогическом дефектологическом институте. На одной кафедре с ним работал и А. М. Земский (1892—1946), языковед и педагог, автор ряда учебников и лингвистических исследований (более подробно о жизненном и творческом пути В. В. Виноградова и А. М. Земского см.: Русская речь, 1985, № 1; 1982, № 6).

Осенью 1941 года В. В. Виноградов, А. М. Земский, как и многие преподаватели московских вузов, ушли добровольцами в ряды народного ополчения. Они вместе служили, армия и война сблизили их. Однако В. В. Виноградов не пробыл в ополчении долго, он был демобилизован по состоянию здоровья и эвакуиро-

ган вместе с женой Надеждой Матвеевной Малышевой в Тобольск. Оттуда Виктор Владимирович писал письма А. М. Земскому, который в то время также был демобилизован по состоянию здоровья и эвакуировался с семьей в Куйбышев.

Переписку составляют пять писем и одна открытка: четыре письма посланы из Тобольска в Куйбышев, одно письмо и открытка — из Подмосковья в Москву. Все эти письма не имеют даты, написанной автором. От трех писем конверты не сохранились. Одно письмо имеет конверт с почтовым штемпелем, другое — в форме треугольника военных лет — также со штемпелем. Датировка остальных писем лишь приблизительная. Однако последовательность писем, их относительная хронология устанавливается совершенно отчетливо по содержанию: письмо № 1 — без даты, вероятно, начало 1942 г.; № 2 — штамп «Куйбышев 19.5.42»; № 3 — без даты; № 4 — штамп «Омск. обл. 25.12.42»; № 5 — открытка, штамп «Михайловское Моск. обл. 1.7.43»; № 6 — без даты, судя по содержанию — не позднее 25 июля 1943 г. (далее — после цитат из писем в скобках указан порядковый номер письма).

*

Основным стержнем этих писем можно считать слова из первого письма: «Нет, я не променяю лингвистики ни на что» (№ 1). Эта мысль проходит через всю переписку, в каждом письме мысли и чувства Виктора Владимировича все время обращаются к его научным занятиям, к творческим планам, к тому, что он делает и что надеется осуществить. «...Я преподаю в Омско-Тобольском пединституте и пишу книгу из истории слов,— сообщает Виктор Владимирович.— Если останусь жив и не случится чего-нибудь экстренного, то к осени ее кончу и завещаю потомству, так как сам, наверное, выхода ее в свет не увижу» (№ 1). Виктор Владимирович жалуется на плохое состояние здоровья, на бессонницу, но это рождает в нем не желание отдохнуть, уйти от дел, а стремление работать еще активнее, больше. Он сообщает о публикации своих работ: «Удача у меня одна — выход в свет „Стиля Пушкина“. Говорят, что и сборник „Пушкин“ Института мировой литературы с моей статьей „Пушкин и русский литературный язык XIX в.“ вышел» (№ 1); «Я жалею, что сб. „Язык газеты“ (с моей статьей о толковых словарях) до меня не дошел и украден кем-то на почте» (№ 2); «В Большой Советской Энциклопедии напечатана моя статья „Русский язык“ (т. 49). Получил из Москвы книгу „Пушкин — родоначальник новой русской литературы“. Там моя статья „Пушкин и русский литературный язык XIX в.“» (№ 3).

Однако интенсивная работа не заменяла Виктору Владимировичу живого дружеского общения: «Очень тяжело без близких людей. Кроме Надежды Матвеевны, нет ни одного живого человека, с кем можно было бы поговорить по душам и по вопросам языка и литературы. Остается читать, читать — и немного писать. Много писать нельзя уже потому, что нет бумаги. Вот и письмо Вам пишу на промокашке» (№ 2). Особенно не хватало Виктору Владимировичу творческого окружения. Поэтому в письмах постоянно звучат такие слова: «Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке и проч., но не с кем» (№ 1).

В. В. Виноградов, любовь которого к острому слову широко известна среди его учеников, друзей, коллег, всех, кто знал его, шутит и в этих письмах, хотя шутки его по большей части грустные: «Конечно, мысли рвутся и в прошлое, и в будущее (вопреки К. Аксакову, который уверил, что для русских существует лишь настоящее время). Кто знает, а вдруг выживем? Наверное, для тех, кто выживет, жизнь будет — чище и светлее, чем была» (№ 1).

Виктора Владимировича живо интересует судьба его друзей и коллег. О многих из них он рассказывает в письмах: «Л. В. Щерба... живет очень тяжело и без книг пишет „Теорию орфоэпии и правописания“ для Института школ Наркомпроса» (№ 2). Сообщает о своей переписке: «Письма получаю от Обнорского (Казань), Булаховского (Уфа), Ларина, Бархударова, Жирмунского (Ташкент), Гудзия (Свердловск)» (№ 2). Делится скорбными известиями о кончине ряда лингвистов, происшедшей в то время: «И поражен смертями Сухотина [имеется в виду Алексей Михайлович Сухотин] и Ушакова. Боюсь, что мы все стоим в очереди за смертью. ... Утрата [Ушакова] — чувствительная потеря для филологии. И Сухотин — еще молодой, жизнеспособный, полный свежих мыслей» (№ 3). Отсутствие собеседников В. В. Виноградову до известной степени заменяет чтение: «Очень много, хотя и бестолково, читаю» (№ 3). Однако книг для чтения и для занятий не хватало, и он неоднократно жалуется: «Тоскую о своей библиотеке» (№ 4).

Именно в это время, в годы тяжелейшей войны, там, в Тольском, В. В. Виноградов задумал и осуществил обобщающую работу о русском языке как ценнейшем достоянии и величайшем достижении русской нации. Это был его вклад в народную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками: «Сейчас работаю над статьей для Ученых записок „Мощь и величие русского языка“. Многих необходимых пособий нет. Ищу „заменителей“. А план мой таков: 1) Русский язык как лучшее достояние русской нации (свидетельства и оценки); 2) Русский язык и старославянский; связь с другими славянскими языками; 3) Взаимодействие рус-

ского языка с украинским и белорусским; 4) Литературный язык и народная поэзия; 5) Литературный язык и народные говоры; 6) Русский язык и европейские языки; 7) Русский язык и язык национальностей; 8) Стилистические богатства современного русского языка. К 10 мая [1943] статью обязан закончить» (№ 3).

Эта работа увидела свет в 1944 году (подписана к печати 19 октября 1944 г.). Она вышла отдельной брошюрой в издательстве «Правда» как учебное пособие по русскому языку. Книга имеет примерно тот же план, который указан в письме. Печатаемая работа называется «Величие и мощь русского языка».

Можно только поражаться, как Виктор Владимирович, не имея библиотеки, а располагая, как он пишет, лишь «заменителями», смог наполнить эту книгу живым конкретным, разнообразным и свежим содержанием. Особенно интересны разделы «Русский литературный язык и живая народная речь», «Значение фольклора в развитии русского литературного языка», «Взаимоотношения между русским и другими языками».

Работа над этой книгой совмещается с продолжением исследований, начатых ранее. В мае 1942 года Виктор Владимирович пишет об уже упоминавшемся труде по истории русских слов: «Спешу закончить книгу из истории русского слова и русской мысли. Мне кажется, что второй Тобольской осени и зимы мне не прожить» (№ 2). А последующее письмо содержит уже такое сообщение: «Я написал большое исследование „Из истории русского слова и русской мысли“ (Очерки исторической лексикологии русского языка). Но обработать его до конца в здешних условиях я не могу: нет книг» (№ 4). Знаменательно название этого труда. Оно показывает, что для В. В. Виноградова занятия историей русских слов были не только собственно языковедческими, но ценны для него прежде всего в их связи с историей русской мысли.

Обстоятельства не дали Виктору Владимировичу возможности обработать это исследование и опубликовать его как книгу. В том же письме он пишет о своих дальнейших научных планах: «С февраля [1943 г.] начну писать курс синтаксиса, как пишется. Вы видите, что я, несмотря ни на что, не могу жить без мыслей о языке. Одно смущает: здоровье плохо стало» (№ 4).

Таков круг научных занятий Виктора Владимировича в Тобольске, как он вырисовывается из его писем. Следующие письма из Подмосковья (из дома отдыха Театра имени Евг. Вахтангова в Красной Пахре) — в Москву.

Перелом в ходе войны, возвращение в Москву, в родные места, к любимой работе меняет тональность писем. В письме от 1 июля 1943 года звучат идиллические ноты: «Мы живем по-

койно и счастливо, кругом леса, холмы, недалеко течет речка». Письма содержат некоторые бытовые просьбы и важное сообщение о служебных переменах, но главное — о новых научных планах: «Я окончательно утвержден в должности старшего научного сотрудника Института языка и мышления АН. Буду ездить в Ленинград и буду писать „Стилистику русского языка“. С 1 августа начну работать над статьями о Шахматове как лексикологе и о грамматике идиоматизмов. Пока же подготавливаю материал для курсов и практических занятий на следующий год» (№ 6).

Из этих писем видно, что в трудные для всего народа годы войны В. В. Виноградов не изменил несколько своему призванию и оставался прежде всего ученым-филологом, патриотом, рыцарем науки. Ему приходилось и пилить дрова, и сидеть без света и тепла, но главный интерес его жизни составляли занятия русским языком, мысли о русском языке, о русской культуре.

*Публикация доктора филологических наук
Е. А. ЗЕМСКОЙ*

Известный ученый-языковед член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин (1908—1982) в первые дни войны ушел добровольцем на фронт и воевал на Ленинградском направлении. После войны Ф. П. Филин продолжал научную работу в Ленинграде, затем в Москве: с 1968 года и до последних дней жизни был директором Института русского языка АН СССР. Его научная деятельность была исключительно плодотворной: он автор около 400 научных работ (более подробно о жизненном и творческом пути Ф. П. Филина см.: Русская речь, 1983, № 2).

Р. Э. Порецкая, лексикограф, составитель «Орфографического морского словаря» (М., 1974), передала нам письмо Ф. П. Филина, которое он написал ей в Ленинград с фронта 10 февраля 1944 года. Публикуем его с небольшими сокращениями.

Письмо с фронта

Два с половиной года без перерыва я на фронте. В августе-сентябре 1941 г. познал горечь отступления. Участвовал в нескольких горячих боях. Судьба мне благоволила, и я остался жив, здоров. В сентябре 1941 года был в рядах защитников [Ленинграда], которые остановили немцев у исторических вы-

сот. Затем тяжелый год блокады, долгая окопная жизнь. Город был совсем рядом, и я иногда, бывая в нем, видел все, что делалось. Опять бои, бои местного значения. И только летом 1943 года меня перевели...

А затем у нас начались, как тебе известно по газетам, большие дела. Все это время я находился в наступлении, немцам мы учинили настоящий разгром. Масса немецких трупов, множество разбитой и захваченной техники, разрушенные до неузнаваемости немцами города, теперь освобожденные нами пустые деревни (жители же или истреблены или угнаны). Печальная, страшная картина опустошения, словно неслыханный ураган прошелся по местности. Нет, ты только посмотрила бы своими глазами, что немцы тут натворили! Но у нас столько бодрости и уверенности!

Сейчас мы продолжаем гнать фрицев. Не будет им никакой площади! В ночь на 29 января мне посчастливилось первому вступить в один населенный пункт, с которым связана наша история с врагом Ивана Грозного. Фрицы бежали очень поспешно, и в домах топились еще зажженные ими печи.

Конечно, наступление вещь нелегкая. Большие марши, не поспишь и не поешь. Но зато какое хорошее настроение! Мы научились воевать и стали совсем не те, что были в начале войны. И ближайшие перспективы совсем иные, и настроение совсем совершенно другое (совсем не то, что было в июне-июле 1941 года)...

Ты спрашивашь о лингвистике... Да, в свободные минуты я иногда вспоминаю о ней, иногда и мечтаю об исследовательской работе. Но пока все дело ограничивалось и ограничивается только этим. Я не унываю: силы есть и после войны наведу свое. Изредка переписываюсь с Обнорским, Мещаниновым, Булаховским, Истриной, Лариным, Гринковой и еще кое с кем из товарищей...

Ф. Филин

Летопись Великой Отечественной войны 1941—1945 годов продолжает пополняться новыми, не известными дотоле страницами. Ленинградские языковеды С. Ф. Геккер и Р. П. Рогожникова в своих воспоминаниях живо воссоздают напряженную и тревожную обстановку первых лет войны, переход всего жизненного уклада на фронтовой, армейский лад.

«Всё для фронта, всё для победы!» — этот лозунг и призыв относился ко всем, в том числе и к людям, казалось бы, самой мирной профессии — филологам. Уходят на фронт, в действующую армию Ф. П. Филин, М. Д. Мальцев, А. В. Семериков и др. А на долю оставшихся в прифронтовом городе сотрудников выпадает немало дел: они участвуют в оборонных работах под Ленинградом, едут на лесозаготовки для отопления города, дежурят сутками в группах МПВО, охраняют здание Института, его словарные картотеки и рукописи во время бомбежек и артобстрелов противника.

Ни на минуту не прекращается напряженная научная жизнь: ставятся и обсуждаются доклады, пишутся статьи и монографии, ведутся работы над толковым (17-томным) и историческим словарями, оформляются диалектологические наблюдения мирных довоенных лет. Сотрудники Института в условиях тяжелой блокады немало делают и для непосредственных нужд фронтов, сражающейся Советской Армии. По поручению военного командования Ленинградского фронта они составляют компактные разговорники на 17(!) языках; готовят словари специальной терми-

вологи по отдельным видам оружия; делают переводы географических названий, проводят многочисленные ежедневные консультации. Специалистов-филологов в бытовых неурядицах, в нужде и лишениях военных лет не оставляет творческий подъем, основанием которого было живое ощущение своей необходимости и пользы в общем деле борьбы с врагом, вера в победу.

Авторы воспоминаний строят свой рассказ на свидетельствах очевидцев; они приводят отрывки из писем, официальных документов, широко привлекают архивные материалы. И у кого из читателей не дрогнет сердце при виде ставшей обычной в те блокадные годы строки из приказов по Институту: «Отчислить из состава Института по случаю смерти...». За этими горькими словами стоят не только ежедневные обстрелы, не только голодный ленинградский паек, не только смерть от холода и болезней. За ними стоит также беззаветный энтузиазм непокоренных и не сломленных духом советских людей, ежедневный, будничный подвиг защитников великого города на Неве.

Со страниц воспоминаний С. Ф. Геккер и Р. П. Рогожниковой встают имена Обнорского и Мещанинова, Щербы и Якубинского, Ларина, Филина, Бархударова, Истриной, Шишмарева — ученых, составивших славу советской филологии.

К ним, к их соратникам и друзьям, к десяткам и сотням безымянных героев минувшей войны обращается в этот юбилейный год память благодарных потомков, сохраняющих в своих сердцах верность их гражданскому подвигу.

*Л. И. СКВОРЦОВ,
доктор филологических наук*

Ленинградские лексикографы в дни войны

До войны ленинградский Институт языка и мышления АН СССР вел большие исследования по целому ряду проблем русского языка, в том числе по лексикографии. Здесь работали ученые, чьи имена стали гордостью советского языкознания. Так, в кабинете современного русского языка (заведовал кабинетом Л. В. Щерба, сотрудниками были Е. С. Истрина, Э. И. Коротаева, А. С. Никулин, С. С. Перепелкин и др.) создавалась Грамматика русского

языка. В кабинете русской диалектологии (возглавлял кабинет Ф. П. Филин, с ним работали М. Д. Мальцев, Н. П. Грицкова и др.) — собирали материалы для Атласа русских народных говоров. В кабинете истории русского языка у С. П. Обнорского работали несколько сотрудников, в том числе Л. П. Якубинский, готовивший к печати «Лекции по истории русского языка».

Самым большим был отдел Словаря современного русского литературного языка, насчитывавший более 30 человек; среди них были П. К. Абабков, П. Н. Берков, Г. С. Виноградов, И. К. Зборовский, Н. И. Колюбакина, Л. С. Ляпунова, А. И. Махонина, Л. В. Павленко, Р. Э. Порецкая, Ю. М. Северинова, С. С. Советов, И. А. Фалев, Е. Н. Шипова и другие. Руководил отделом В. И. Чернышев, заведовал картотекой А. В. Семериков. Перед самой войной был подготовлен к печати I том словаря, шла составление и редактирование следующих томов, активное пополнение и упорядочение фондов картотеки.

В отделе Древнерусского словаря, или ДРС (зав. отделом — Б. А. Ларин) работали А. Н. Котович, Г. Л. Гейерманс, Е. М. Иссерлин, Б. Л. Богородский, С. Ф. Геккер, И. И. Матвеев, Б. И. Коплан и другие. К июню 1941 года был составлен I том словаря (А—Б), шла работа над вторым томом. Подготовкой материалов картотек того и другого словаря занимались внештатные сотрудники — выборщики (около 50 человек). Руководство Института (директор — академик И. И. Мещанинов, зам. директора — С. Г. Бархударов) уделяло большое внимание словарной работе. Консультантами словарей были ученые — специалисты по различным языкам.

*

Война, обрушившаяся на нашу страну, помешала этой плодотворной работе. Прежде всего необходимо было сохранить уникальные материалы картотек. Словарные отделы в то время находились на третьем этаже Пушкинского Дома (набережная Макарова, д. 4). Сотрудники перенесли картотеки на первый этаж и расставили в одном из помещений, где были толстые стены, прочные перекрытия и большие оградительные щиты у окон, заполненные песком. В сентябре 1941 года в Архив АН СССР был сдан на временное хранение один машинописный экземпляр I тома Древнерусского словаря и некоторые

вспомогательные материалы: Указатель источников ДРС, Дополнения к инструкции по составлению словаря и др.

В первые дни войны десятки тысяч ленинградцев ушли добровольцами на фронт и в народное ополчение, среди них сотрудники Института Ф. П. Филин, М. Д. Мальцев, С. С. Перепелкин и др. В то же время были призваны в действующую армию А. В. Семериков, Б. А. Цинман и другие. Значительно уменьшилось количество штатных и внештатных сотрудников. Однако научная жизнь в Институте продолжалась. Сотрудники выполняли спецзадание: разрабатывали текст военного разговорника, русский словарь военного словаря.

30 июля 1941 года И. И. Мещанинов сообщал в Президиум АН СССР об обстановке в Институте в первый месяц войны [все письма, приведенные здесь и далее, хранятся в Архиве АН СССР, фонд 77, опись 1]:

«Около 15 человек ушли по мобилизации и добровольцами. Несколько из них возвращены обратно в Институт, на днях вернутся еще человека два-три. Больше половины оставшихся работают за городом. В первые же дни войны мы выработали военную тематику, схему кот[орой] Вам послали. На этой тематике сидят $\frac{3}{4}$ состава Института (...с частичным привлечением и словарников).

...Мы послали Вам копию того, что было представлено в штаб. Я лично ездил туда и кратко информировал о наших научных силах. В штабе созвали особое совещание, на котором я сделал более подробный доклад. В результате совещания мне сказали, что тематика избрана правильно. После этого мы засели за реализацию: составляем по 17 языкам (список Вам послан) разговорники. Образец разговорника просмотрен, военными специалистами дополнен и исправлен.

Заканчиваем еще три разговорника. Руководство над ними приняли С. П. Обнорский, В. Ф. Шишмарев и Е. С. Истрина (сидят в Институте целыми днями). Вчера получили поручение составить русско-немецкий и обратно словарчик специальных терминов по отдельным родам оружия. Организовались и обещаем закончить к 8 августа. Составили словарь для военного словаря на 3500 слов. Будем его тоже переводить на те же 17 языков... Наши сотрудники постоянно вызываются в Геодезическое управление Ген[ерального] штаба (перевод географических названий).

Последние дни к нам, чуть не ежедневно, являются

работники штаба. Наши сотрудники видят их и усвоили себе, что нашей работой заинтересованы, что мы работаем не зря. Это страшно подняло у всех настроение. Все как-то чувствуют себя уверенно и очень бодро. Сотрудники рвутся к этой работе. Нужно еще отметить, что штабные работники своим примером поднимают у нас организованность. Они необычайно любезны и все время подбадривают, и это на всех нас действует: сотрудников не приходится разыскивать, они сами просятся на работу».

В письме от 18 августа 1941 года (отправленного в Президиум АН СССР с оказией в сентябре) И. И. Мещанинов пишет:

«Наш Институт ежедневно принимает участие в работах штаба Северной армии и геодезической части НКО, в последней сегодня сидят шесть человек, вызванных для работы у них». За эту работу Ленинградская геодезическая часть Наркомата обороны выразила письменную благодарность Институту, выделив следующих сотрудников: Юшманова Н. В., Ларина Б. А., Якубинскую Э. А., Латикайнен Е. П., Шишмарева В. Ф., Советова С. С. Командование части особенно отметило исключительное внимание, которое было уделено этому делу со стороны директора Института академика И. И. Мещанинова и секретаря парторганизации П. К. Абабкова.

*

Уже в сентябре — октябре 1941 года встал вопрос об эвакуации академических институтов из осажденного города и об организации их работы в тылу. Сотрудники Института языка и мышления должны были выехать в Алма-Ату и Ташкент. Возможность массовой эвакуации была исключена: город находился в кольце блокады. Институт готовился к отъезду, и только в феврале 1942 года в Алма-Ату выехала первая группа сотрудников во главе с Е. С. Истриной. Туда же несколько ранее был эвакуирован И. И. Мещанинов, а в Ташкент — С. Г. Бархударов.

Многие ученые, в том числе и лексикографы, все еще оставались в Ленинграде и продолжали работать. В Словарном секторе Института сохранились протоколы заседаний отдела ДРС, происходивших до конца 1941 года. Здесь под руководством Б. А. Ларина обсуждались словарные статьи Древнерусского словаря. И это в то время, когда Ленинград чуть не ежедневно обстреливался, по-

чами приходилось дежурить, охраняя город; норма выдачи хлеба сокращалась.

Приказы дирекции за 1942 год нельзя читать без волнения. В приказе № 1 от 10 января говорится:

«§ 3. Т. Гейерманса Георгия Логиновича, работавшего в качестве младшего научного сотрудника ДРС, отчислить из состава Института по случаю смерти с 4 января 1942 г.

§ 4. Отчислить из состава Института по случаю смерти: 1. И. о. старшего научного сотрудника т. Фалева Ивана Александровича с 19 декабря 1941 г. 2. Младшего научного сотрудника Словарного отдела т. Давидович Ольгу Георгиевну с 19 декабря 1941 г. 3. Аспиранта ИЯМ т. Конусова Александра Павловича с 19 декабря 1941 г. [ранее работавшего в ДРС]. 4. Старшего научного сотрудника т. Никулина Александра Стефановича с 3 января 1942 г.»

Такие приказы издавались вплоть до эвакуации Института. Всего в течение 1942 года умерло 15 сотрудников. При эвакуации, в пути скончались 4 сотрудника, в том числе ученый секретарь Института С. Л. Быховская.

Однако, несмотря на огромные трудности, работа не прекращалась. 1 апреля 1942 года Институт возглавила Эрика Антоновна Якубинская и «начала налаживать снова научную жизнь в Институте, которая в тяжелых условиях ленинградской зимы замерла» (Из письма Э. А. Якубинской И. И. Мещанинову от 12 июня 1942 г.). Все с удовлетворением встретили ее предложение об организации научных заседаний с докладами. Было проведено шесть заседаний, на одном из которых 12 июня 1942 года С. С. Советов прочитал доклад «Работа Лермонтова над языком „Мцыри“».

*

В середине июля 1942 года оставшиеся сотрудники были эвакуированы. Для охраны имущества и научных материалов в Институте осталось пять человек, среди них Э. А. Якубинская, специалист по финно-угорским и славянским языкам (после войны она заведовала кафедрой славянской филологии в ЛГУ имени А. А. Жданова) и С. Ф. Геккер, работавшая в отделе Древнерусского словаря. С 20 января 1943 года к ним присоединился М. Д. Мальцев (специалист по русской диалектологии), демобилизованный из армии по состоянию здоровья. Они

много сделали, чтобы сохранить научные ценности Института: библиотеку, картотеки, рукописи работ.

В отчете за первое полугодие 1943 года указывается, что научные сотрудники подготовили материалы для сдачи в Архив АН СССР. Э. А. Якубинская участвовала в комиссии по обследованию и выявлению убытков, причиненных академическим учреждениям в Ленинграде вражеской бомбардировкой и артиллерийскими обстрелами. По заданию геодезической части Ленинградского фронта она занималась транскрибированием географических наименований и переводами с финского и эстонского языков.

В трудное военное время ученым пришлось заниматься необычными делами: они овладевали боевым оружием, строили оборонительные сооружения, дежурили в командах противовоздушной обороны, тушили зажигательные бомбы. Приходилось работать и на лесозаготовках. И все же они находили силы и время для научной работы. Так, Э. А. Якубинская писала монографию о местоимениях в прибалтийско-финских языках, статью «Эстонский язык» для сборника «Языки народов СССР». М. Д. Мальцев занимался материалами по северо-западным русским говорам, собранным им в 1941 году, подготовил к печати исследование «Из наблюдений над народными говорами по тракту Череповец — Устюжна — Белый Бычек» (около двух печ. л.). С. Ф. Геккер вела работу по совершенствованию I тома Древнерусского словаря. Ею была сделана дополнительная выборка лексического материала, которая дала возможность внести ряд дополнений и изменений в датировку слов, позволила расширить иллюстративный материал, относящийся к XVI — началу XVIII века, ввести в словарные статьи новые значения.

Небольшой коллектив самоотверженно трудился в блокадном городе и ждал возвращения своих коллег, чтобы продолжать общее дело. Вот выдержка из письма Э. А. Якубинской С. Г. Бархударову от 1 июля 1943 года: «С нетерпением ждем возвращения в Институт всех уехавших товарищей, чтобы опять жизнь закипела полным ходом. Сейчас научная жизнь и работа идет не так интенсивно, как этого бы хотелось. Заботимся о том, чтобы сохранить все те научные материалы, которые остались после эвакуировавшихся, ушедших в армию, а также скончавшихся товарищей... В условиях нашей жизни много внимания приходится уделять бытовым вопросам. Сейчас усиленно заняты огородной кампанией, чтобы обеспечить

себя на зиму овощами. В общем чувствую себя бодро. Правительство отметило нашу работу, наградив нас медалью „За оборону Ленинграда“, что обязывает нас еще самоотверженнее стоять на своем трудовом посту, несмотря на все трудности жизни и работы в городском фронте».

А ученые, находившиеся в это время в эвакуации, продолжали научную работу и занимались педагогической деятельностью в университетах и институтах разных городов страны: в Ташкенте — С. Г. Бархударов, Б. Л. Богородский; в Яранске — Б. А. Ларин, А. П. Евгеньева; в Нолинске Кировской области — Л. В. Щерба; в Казани — С. П. Обнорский; в Пензе — Е. М. Иссерлин. В Алма-Ате работали И. И. Мещанинов и группа лексикографов, в том числе Е. С. Истрина и В. И. Чернышев. За выдающиеся научные заслуги в 1943 году И. И. Мещанинову была присуждена Государственная премия СССР, а в период работы в Казахстане ученому присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР. Е. С. Истрина занималась лексикографической работой, а также была профессором Казахского университета; в 1943 году она была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

В. И. Чернышев, несмотря на преклонный возраст, продолжал трудиться над Словарем современного русского литературного языка, писал статьи, рецензии на диссертации. А вернувшись в Ленинград, ученый прочитал доклад «Русская фразеология. Материалы и принципы классификации данных русской фразеологии», написанный им в Алма-Ате.

Большую работу вели и другие сотрудники Института. В письме к Э. А. Якубинской от 10 апреля 1944 года П. К. Абабков (и. о. зам. директора Института) сообщал: «Еженедельно, по пятницам, читаются научные доклады нашими сотрудниками и др. научными работниками Алма-Аты (которых мы привлекаем). В этом месяце в нашем Институте две защиты: докторская и кандидатская (казахи защищают)».

*

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады. В родной город возвращались ленинградцы. Начались восстановительные работы, очистка домов от разрушений, нанесенных фашистскими

обстрелами и бомбардировками; Институт активно участвовал в этих работах. Приводим выдержку из докладной записки Э. А. Якубинской в административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН СССР: «Много времени заняла уборка помещения Словарного отдела на Тучковой набережной, д. 2, где пришлось убирать стекла от разбитых арт. обстрелом и бомбежкой окон, отбивать отставшую местами (после протечки крыши) побелку потолка, обметать комнаты, убрать песок и пыль и проч. Всего на восстановительных работах сотрудники отработали 831 час — 8 человек».

Теперь надо было перенести с первого этажа на третий картотеки словарей (1100 ящиков). Это было сделано уже в октябре 1945 года с помощью солдат одного из подразделений Советской Армии. Приведение в порядок материалов картотек было продолжено, а после возвращения в Ленинград сотрудников Института возобновлена и словарная работа. Только в 1948 году вышел в свет I том «Словаря современного русского литературного языка», хотя он был подготовлен еще накануне войны...

С. Ф. ГЕККЕР,
научный сотрудник Словарного сектора
Института языкознания АН СССР

Р. П. РОГОЖНИКОВА,
доктор филологических наук
Ленинград

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где правильно поставить ударение в слове *искра*?»

Н. Т. Кучумов, Вольск

Литературным признается ударение на первом слоге: *и́скра*. Ударение на последнем слоге — *искра́* — характерно для профессиональной речи.

Творчество М. А. Шолохова, как все великое в мировой литературе, поражает своей неисчерпаемостью. Мудрый гуманистический мир этого художника отличает многоцветье и удивительное богатство точного, образного слова, красок, звуков, запахов. Картины жизни, характеры его героев исполнены достоверности, самобытности и правдивости.

Правда жизни — вот первейшая заповедь, которой на протяжении долгой творческой биографии следовал великий писатель современности М. А. Шолохов. Мастер художественного исследования эпохи великих свершений, Шолохов навсегда останется в благодарной народной памяти как создатель «Донских рассказов», всемирно известного романа-эпопеи «Тихий Дон», а также романов «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину», в которых нашла отражение история нашего государства в трудные и героические годы коллективизации и Великой Отечественной войны.

Уже само название шолоховского рассказа «Судьба человека», написанного как бы с дистанции времени и опубликованного писателем впервые в 1956 году, символизирует судьбу всего советского народа, с честью прошедшего сквозь тяжкие испытания Великой Отечественной и послевоенного строительства. В этом рассказе писатель художественными средствами исследует природу советского патриотизма, русского национального характера, показывает величие и героизм советского народа в минувшей войне. В образе Андрея Соколова, центрального героя рассказа, с жизнеутверждающей силой раскрылось

О МУЖЕСТВЕ И СТОЙКОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

то устойчивое, что своими корнями уходит в глубь истории русского народа — смелость и бесстрашие, нестигаемая стойкость и мужественное терпение, беспредельный патриотизм и подлинный гуманизм, стремление к свободе и социальной справедливости, способность к самопожертвованию во имя великих идей.

Социально-исторический конфликт в этом рассказе осмысливается в обобщенно-философском аспекте. Фашизм, чужая земля несут в себе смерть. Советские люди, Соколов и маленький Ваня олицетворяют собой жизнь с ее вечным цветением и постоянным обновлением, с ее победным торжеством над веянием смерти.

Художественная форма рассказа сугубо жизнеподобна. В нем нет ни условно-сказочных ситуаций и персонажей, ни опоры на какое-то определенное фольклорное произведение, но есть созвучие с устным народно-поэтическим творчеством, его образной символикой.

В характеристике советской земли существенную роль в рассказе играет символика, связанная с образами солнца, звезд, света. В народной поэзии яркое солнце символизирует молодость и здоровье. В «Судьбе человека» значение его расширяется, оно олицетворяет истоки жизни. Солнце своими горячими лучами успокаивает автора-повествователя, помогает ему забыть все тревожное и горестное. Картина наступающей весны, борьба двух начал в природе, смена зимы с ее белым цветом ярким красным солнцем — все это становится философской экспозицией рассказа, эпическим предвестием трагической судьбы Соколова.

Образ солнца в рассказе становится сквозным, все более углубляется, вбирая в себя немалый философский смысл. Дополнительные оттенки своего значения этот образ приобретает в результате органической включенности в целостную художественную систему произведения. Когда Соколов попадает в плен, немецкий ефрейтор приказывает ему идти «на заход солнца», то есть туда, где чужой мир, где ночь и смерть. Когда же Соколов совершил побег из плена, он держал путь «прямо на восход солнца» — туда, где свет и жизнь, в Советскую страну, к своим людям, ведущим борьбу за свое правое дело. Когда нашелся его сын Анатолий, «блеснула радость, как солнышко из-за тучи».

Радость и солнце в понимании Соколова чуть ли не синонимы. «На душе стало легко и как-то светло», когда он решил усыновить Ваню. Затем метафора, связанная со сближением понятий света и жизни, получает дальнейшее развитие: у мальчика «глазенки — как звездочки ночью после дождя». Несказанной радостью начали освещать эти глазенки жизнь Соколова после кошмарной яви фашистского плена и страшных вестей из дома.

*

Народному художественному мышлению свойственна крупномасштабность, которая в «Судьбе человека» доведена до известной всеобщности, собирательности образа Андрея Соколова, что отразилось в обрисовке этого героя, в поэтике произведения и в его языке. В характере Соколова, в его самоотверженных, чуть ли не на грани возможного поступках и в средствах их изображения можно найти общее — типологическое — с фольклорными героями. Вместе с тем Соколов обрисован с такой силой жизненной убедительности, проявившейся в передаче даже малых подробностей его внешности, поведения, дум и дел, что он воспринимается нами как самый что ни на есть реальный, земной человек, настоящий тип русского характера.

В «Судьбе человека» используется троекратность — излюбленный фольклорный прием. Немецкий комендант Мюллер трижды предлагает Соколову выпить и закусить перед смертью. Действие приобретает характерную для фольклора трехчленную формулу, оно развивается по принципу нарастающего напряжения. У Соколова трое детей, трижды он теряет своих родных, трижды находит

близких людей, трижды был ранен, трижды он вспоминает о своем доме, трижды говорит о своей вине перед женой. При помощи троекратного повторения обозначенный вначале мотив углубляется, делается более ощутимым.

Шолохов эффективно использует характерную для фольклора синонимию («друзья-товарищи»), повторяющиеся слова или словосочетания, сгущающие смысловое и эмоциональное значение высказанной мысли. В предложении «Месяц отсидел в карцере за побег, но все-таки живой... живой я остался!..» пауза, обозначенная многоточием, и повторяющееся слово *живой* подчеркивают, усиливая эмоциональную окраску повествования, неукротимое жизнелюбие, радость героя от сознания того, что он вопреки всему остался жив. А затем речь идет о том страшном, что очень трудно представить человеку, не побывавшему в фашистском аду: «Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли замученные там, в лагерях — сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...». Здесь повторяются «тяжело... вспоминать» («еще тяжелее рассказывать»), слова «как вспомнишь» и формула «там, в Германии» («там, в лагерях»). И завершается мысль до предела накаленным трехчленным оборотом «сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...». Такое построение с использованием приема градации великолепно подчеркивает нарастание чувства гнева и боли у Соколова.

Разработанный фольклором прием градации, последовательное нагнетание определенного признака, мысли, действия прослеживается в «Судьбе человека» в отдельных предложениях, сценах и, если говорить об общей эмоциональной атмосфере, во всем произведении. Это помогает Шолохову рельефнее подчеркнуть характерную особенность героя, с огромной выразительностью донести до читателя свои важнейшие мысли и вызвать у него острые ответные эмоции.

М. Шолохов идет в рассказе от внешнего к внутреннему, от видимого к сущему, от конкретно-предметного к философскому, что подтверждается всей логикой изображения. Сначала был «теплый ветер», а потом он предстал как военный ураган, ставший важным звеном в обрисовке

судьбы героя. Описание трудностей весенней дороги, по которой шел автор, сменилось рассказом Соколова о своем жизненном пути — и это помогает философскому осмыслению его трагической доли.

*

В «Судьбе человека» два рассказчика: один — внешний, другой — внутренний. Такое построение обусловлено тем, что первый рассказчик, автор-повествователь, лишен права всезнания, он — действующее лицо, может судить с достаточной полнотой лишь о том, что ему видно, что ему стало известно, если дело не касается лично его. А главный интерес произведения связан с трагической долей Андрея Соколова. В избранной автором ситуации внутренний мир и судьба Соколова не могли быть исчерпывающе раскрыты без его обстоятельного монолога. Оба рассказчика играют активную роль в произведении, взаимно дополняют друг друга.

Авторский язык в рассказе заметно отличается от языка Соколова — литературностью, живописностью. Драматический по своей природе, ускоренный рассказ Соколова «резко контрастирует с замедленным эпическим зачином автора» (В. Кожин). Для Шолохова обязателен принцип строгой соотнесенности языка рассказчика с его характером, кругозором, с особенностями его мировосприятия и настроения. В «Судьбе человека» тональность, лексику речи Соколова в его воспоминаниях о довоенной жизни определяет чувство сильнейшей любви к жене: «Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьется, чтобы и при малом достатке сладкий кусок тебе приготовить. Смотришь на нее и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь ее, скажешь: „Прости, милая Иринка, нахамил я тебе“». И вообще Соколов любит ласковые обращения, слова с уменьшительными суффиксами (как известно, они особенно свойственны фольклорным произведениям). В соответствующем контексте они принимают ласкательную окраску, отражают открытость, душевность, дружелюбные чувства героя (*милая Иринка, милоч, браток, детушкам, папанька, воробышек, звездочка*).

Язык Соколова, по сравнению с авторским, более экспрессивен, его отличает разговорный характер, употребление просторечных слов (*жрать, тюкнуть, огромный,*

ихний, милаха, посымали, мужчинская, помру), в том числе и вводных (стало быть, может). Встречается в нем и несколько вульгаризмов и бранных слов (сволочей, шалава). И, пожалуй, только несколько диалектных слов (катухе, глушно, под застрехой), которые не получили широкого распространения в русском языке.

Речь Соколова отражает не только и даже не столько его социальные признаки (в ней есть профессионализмы — «сел за баранку», «сбавил газ», просторечные выражения крестьянского происхождения — «как куль с овсом», «на рысь переходит», слова, взятые из военной терминологии, — «так точно», «походным порядком»), сколько то устойчивое, повторяющееся, обобщенное, что свойственно народному языку. Это сказалось и в широком использовании разговорных слов и выражений, многих эпитетов, метафор и образов, взятых из народно-поэтического творчества или связанных с ним («детская память, как летняя зарница», «горючая слеза», «при ясном солнышке») устойчивых фольклорных сочетаний, идиом, пословиц и поговорок («своротили скулу набок», «остался в чем мать родила», «почем фунт лиха», «не к теще на блины собрался»).

Отметив в статье «Сокровища народной мудрости» богатую насыщенность меткого и образного русского языка пословицами, М. Шолохов писал, что в них «беспрерывно промываются временем и шлифуются рассыпанные... золотые крупы народной жизни, борьбы и традиций бесчисленных поколений». Как настоящий гимн пословицам воспринимаются его слова: «И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах. ...Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...»

Иногда Шолохов стремится обновить пословицы и поговорки, преодолеть известную изношенность их формы и извлечь из них новые выразительные возможности. Так, до сих пор еще живет в нашем языке поговорка «Одни кости да кожа», зафиксированная в свое время В. И. Дале. А вот как рассказывает Андрей Соколов: «Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу».

Соколову присущи мудрое знание жизни, умение объективно взглянуть на окружающий мир, высокое чувство справедливости. Он постоянно ощущает свою слитность с товарищами, с массой, с народом, что позволяет ему естественно чередовать «я» и «мы», разговор о себе с рассказом о многих. Вспоминая о довоенной жизни, Соколов говорит: «За десять лет скопили мы немножко деньжонок...». Здесь речь идет о семье, жене, детях. Затем под словом «мы» подразумевается иное — люди войны. Например: «Формировали нас под Белой Церковью»; «И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы». Это чувство органической слитности с народной жизнью и помогает Соколову с удивительной естественностью переходить от рассказа о своих личных переживаниях к широким жизненным обобщениям.

Соколов не может быть посторонним, безучастным в любом серьезном деле. Он анализирует, оценивает не только поступки других, но и самого себя, свое поведение, свое душевное состояние в острые моменты жизни. Ему хочется понять, почему же так сложилась его судьба. Он сдержан в проявлении своих чувств, свой рассказ сопровождает самооценками и самоосуждениями: «И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась?»

Говоря о своих переживаниях, Соколов сначала рассказывает о том, что вызвало у него тягостную реакцию, в общем плане обозначает свои чувства, а затем завершает метким выражением, взятым из народно-разговорной речи. Оно уточняет, детализирует эмоционально-смысловой оттенок в обрисовке страданий героя. Так, когда Соколов узнал о гибели семьи, у него «в глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается».

О своих мыслях и чувствах, которые связаны у него с критическими ситуациями, Соколов говорит просто. Вот немецкий солдат спял автомат с намерением убить его. «И вот как потешно человек устроен: никакой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: „Сейчас даст он по мне короткую очередь, а куда будет бить? В голову или поперек груди?“ Как будто мне это не один черт, какое место он в моем теле прострочит». В этот момент Соколов не видит возможности спасти свою жизнь, главное: умереть стоя, как подобает настоящему человеку. И здесь и в ряде других случаев общая оценка психологического состояния конкретизируется очень кратким внутренним монологом

героя. Здесь совмещаются чувства и оценки солдата военного времени и человека, уже пережившего войну, глядящего на нее с позиций мирного времени («И вот как потешно человек устроен...»).

В «Судьбе человека» есть свои тональные контрасты, спады и подъемы — и в рассказе Соколова, и в авторском повествовании. Во вступлении господствует умиротворенный авторский настрой, который взрывается вопросом героя: «За что же ты, жизнь, меня так искалечила? За что так исказила?». Соколов не ждет ответа, хорошо зная, что его нет. Вопрос адресован самой судьбе. Герой, раздумывая над тем, что с ним случилось, хочет лучше понять жизнь. Такую же функцию несет и вопрос «Спроси у любого пожилого человека, заметил он, как жизнь прожила?». Сразу же дается ответ: «Ни черта он не приметил». По сути дела это разговор героя с самим собою. Его вопросы оживляют рассказ, разнообразят интонацию, сильнее акцентируют высказанную мысль, делают ее более конкретной.

Риторический характер вопроса отчетливо дает себя знать, например, в такой фразе: «Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться?». Собственно, здесь высказан не вопрос, а утверждение. Неспроста же эта фраза подкрепляется очень краткими, наполненными сгущенной экспрессией восклицательными предложениями: «А вот не согнулись! Выстояли!»

Диалогичность повествования наиболее ярко проступает в тех сценах, в которых Соколов сталкивается с врагами. Здесь резкая антитеза разделяет Соколова и его противников.

Когда читаешь рассказ, создается ощущение, что рядом с Соколовым все время находится человек, которому он повествует о своей лихой доле. Это сказывается и в самой форме обращения к автору: «Это как, браток? Лихо?»; «А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил?». Интересно, что и внутренний монолог Соколова приобретает в какой-то мере диалогический характер. Например: «Думаю про себя: „А кое-чего ты не хочешь, герр комендант?“»; «Думаю: „Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?“»

Вопросительные предложения помогают установить контакт, особо доверительные отношения между героями-собеседниками и в конечном счете усиливают художест-

венное воздействие рассказа на читателя. Показательно, что в авторской речи встречаются вопросы, прямо обращенные к читателю: «Видали ли вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной тоской, что в них трудно смотреть?»; «Что-то ждет их впереди?». Шолохов максимально приближает нас к своему герою и заставляет как можно сильнее ощутить гнетущую силу его переживаний. Исповедь Соколова глубоко потрясла автора-повествователя, которому он стал очень близким человеком, и это отразилось на языке обоих. Эпический авторский зачин в начале произведения сменяется в конце лирическим авторским монологом. Рассказ Соколова начинается с высокой эмоциональной ноты и заканчивается раздумчиво, интонация становится несколько спокойнее, сдержаннее, в языке его — в финале произведения — исчезают диалектные слова, по своей фразеологии, ритмике и тональности он приближается к авторскому. Поведав о своей несложившейся жизни, Соколов словно бы отдал часть своего горя слушателю, и потому в конце его рассказа преобладает уже не мятежная лирическая взволнованность, а горькое сосредоточенное раздумье о своем житье-бытье.

Финал произведения вобрал в себя и первоначальную эпическую настроенность и драматическую взрывчатость эмоционального рассказа Соколова, и одновременно переживания взволнованного автора, его страстное стремление заглянуть в «завтра», в будущее, предсказать более счастливую судьбу своего героя.

В результате Шолохову удалось создать динамичное, психологически насыщенное повествование, удивительно богатое по своей эмоциональной окрашенности, в самых конкретных нравственно-душевных проявлениях показать морально-политическое единство советского народа, его определяющие черты. Вместе со своим народом герой М. А. Шолохова выпил до самого дна чашу трагических испытаний и не сломился, до конца выполнил свой солдатский и гражданский долг, сохранил в себе жизнелюбие, непрестимую способность творить добро.

*А. В. ОГНЕВ,
доктор филологических наук
Калинин*

Рисунок В. Толстоногова

СЛОВА ЛЮБВИ И ГНЕВА

Михаил Шолохов вошел в историю отечественной культуры не только как огромный эпический талант, художник, создавший яркие и величественные полотна, но и как страстный публицист. Его статьи и очерки, ставшие образцами художественного творчества, заметным явлением времени, составляют значительную часть литературного наследия писателя. «Я хотел бы,— говорил Шолохов при вручении ему Нобелевской премии в 1965 году,— чтоб мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Шолохову это удалось. Его книги, статьи, публичные выступления поднимают уровень общественного сознания, помогают людям понять серьезность и сложность выдвигаемых жизнью проблем, учат мыслить диалектически, постигать бытие во всех его проявлениях — политических, экономических, исторических, социальных и т. д. Основа

шолоховского мастерства в тесной связи с глубинной жизнью народа.

В эти дни, когда наша страна отмечает сорокалетие Победы в Великой Отечественной войне, необходимо вспомнить Шолохова как мастера художественной публицистики, борца за мир. С 1948 по 1950 год он выступил с яркими статьями — «Слово о Родине», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов.» Написаны они в связи с трумэнзовской политикой «холодной войны», стратегическими планами уничтожения социального строя Советского Союза, превращения нашей Родины в колонию американского империализма.

По жанру «Слово о Родине» — статья, но с преобладанием очеркового материала, который служит образным обоснованием главных посылок ее публицистической части. Статья начинается с напоминания «дорогому соотечественнику и другу», то есть всему нашему народу, о недавнем прошлом — полыхавшей войне. Обозревая карту, писатель вспоминает о местах, изрытых траншеями. Таких мест много — Белоруссия, Смоленщина, Подмосковье, Украина, Ленинград, Курск, Орел, Тула, Крым, предгорья Кавказа, от Сталинграда до Берлина и от Кавказа — до Баренцева моря.

Войны всегда связаны в памяти народа с городами, селами, полями, реками. В древности были Дои, Куликово поле. Затем — Бородино, Шипка, Цусима. Первая мировая война — обгаренные кровью поля Галиции, Буковины, Восточной Пруссии. Географические обозначения обрастают новым смыслом, превращаются в символы с многозначным эпическим содержанием, поскольку с ними связана история страны, человеческие судьбы.

Общий план обзора в статье сочетается с детальным воспроизведением местных примет: «холодный, белесый туман призрачно клубится над Белоруссией»; «под густым северным ветром клонят вершины и глухо шумят иссеченные осколками сосны Смоленщины и Подмосковья»; «Солнечные тени скользят по воскресшим полям Украины»; «В бескрайних степях под Сталинградом... заволжский злой ветер гонит перекати-поле»; «А в Крыму, в голубых предгорьях Кавказа еще плавают в прозрачном исхоловевшем воздухе ослепительно белые нити паутины».

Крупное, глобальное у Шолохова всегда конкретизировано, овеңествлено — такова особенность его патетики. На какие бы высоты ни поднималась мысль художника и

какие бы пространства ни обнимала, она у него никогда не теряет связи с землей, подается точно и зримо благодаря выверенности деталей. Это как бы символизм и импрессионизм на строго реалистической основе. Он скажет: «Погожими утренними зорями там, где когда-то не затишали бои, окопы и воронки, опущенные по краям лохматым бурьяном, как серебряной сеткой, затянуты паутиной, и каждая ниточка ее прогибается и тихо дрожит, вся унизанная крохотными блистающими слезинками росы...»

Воспоминания о войне переданы символикой траурной окраски: «Падают с деревьев последние, сожженные заморозком листья, и всюду — в полях, на большаках и проселках, вдоль и поперек, шаг за шагом исхоженных терпеливыми ногами нашей лучшей в мире пехоты, — краснеют они, как выступающая из-под снега кровь».

Шолохов всегда и всюду стремится видеть людей, а через них события. Ему представляется, как в эту «долгую и просторную для горестных воспоминаний зимнюю ночь» вдова прижмет к «постаревшему лицу ладони», вспоминая мужа, как будут оплакивать старики — муж и жена — своих погибших сынов.

И после этого, обращаясь вновь к соотечественнику, писатель — по контрасту — переносит свой взгляд на тех, кто причинил нам неизбежную боль, и на факельщиков новой войны, обезумевших атомщиков, проповедующих технический фетишизм, культ насилия.

В этой статье Шолохов выступает как трибун-обличитель. Он подбирает слова по их предельной насыщенности, наполняя их взрывным отрицательным смыслом: *проклятия, гадливость, черная погибель, надежные удавки, неистребимая ненависть*. Писатель-публицист громко и энергично призывает: «Пусть не остынет наша ненависть к врагу, даже поверженному! И пусть с удесятеренной яростью кипит, клопочет она в наших сердцах к тем, кому нет названия на человеческом языке, кто все еще не насытился прибылями, нажитыми на крови миллионов, кто в сатанинском слепом безумии готовит исстрадавшемуся человечеству новую войну!»

Затем Шолохов переходит к тому, чем живет наша Родина, как «с дивной, сказочной быстротой врачует народ-созидатель нанесенные войной раны». Тяжела горечь утрат, говорит писатель, но советские люди не пали духом. Шолохов — мастер пристальных наблюдений, в арсенале которого богатый подбор изобразительных средств,

точная лексика, пластика фразы, разнообразные разговорные формы с неожиданными поворотами,— опирается в этой статье на сравнение из столь знакомого ему быта земледельца: «Бывает так, что по соседству с пшеничными полями, в цветущем густом разнотравье сизым дымом расстелется, раскустится степная полынь, и вот хлебное зерно, наливаясь и зрея, вбирает в себя полынную горечь... Но хлеб от горьковатого привкуса не перестает быть хлебом!»

*

Отвечая врагам, которые никак не хотят понять, что сила Страны Советов в ее новом социальном строе, и повторяют «траченные молью» рассуждения о «загадочности славянской души», о «русском фанатизме», Шолохов переходит к художественному повествованию о том, как постепенно менялся характер нашего человека.

Сюжетная линия проста и очень естественна. Автор вспоминает, как в январе 1930 года ехал из Миллерово в Вешенскую. Вез его возница Прокофьевич — «бородатый, пожилой, но все еще, несмотря на годы, по-молодому статный казак с шельмовскими, глубоко запрятанными глазками и лихо зачесанным чубом». Прямо-таки репинский тип! Народный, степной, трудовой человек. Оказалось, наделен и талантом рассказчика.

«— Поглядел бы, братец ты мой, что у нас на хуторах творится... Не дай и не приведи!

— А что?

— Да ведь колхозы же начались...»

Речь возницы расцвечена фразеологическими оборотами: «приобьик к хомуту, притерся к беде, как паршивая лошаденка к коросте»; «как жеребенку на лугу ни взбрыкивать, а придет время и к матке бежать». На лошадей он кричит: «Прислушались к чужому разговору, чертоты единоличники! Вот я вам покручу хвостами», и с юмором воссоздает бытовые сцены, типы хуторян.

В колхоз Прокофьевич пока не вступает:

«— Чума его знает, куда податься... Ну, поживем — увидим!»

В хуторе Нижне-Яблоновском — почевка у незнакомого крестьянина. Тут история не легче. Хозяйка рассказывает:

«— А старик мой, истинный бог, умом тропулся... А сказать ему ничего не могли: вывернется на меня гла-

зами, дверью хлопнет и молчком уйдет на баз... И как ему этот табачище не осатанеет, в ум не возьму. Весь почернел обличьем... только хворость у него душевная, она его и точит...»

Причину такого странного поведения хозяин раскрыл так: «Побарывает меня тоска, и никакого сладу с ней нету! Вздумать только, с малюшки возрастал я возле лошадей да быков, всю жизнь кормился от них... а теперь вот остался без тягла один, как старый пенек в лесу... Не к кому на баз выйти, баз-то пустой... Понимаешь ты это, добрый человек, не к кому выйти! Или, может, ты думаешь, что такое горе пухом на сердце ложится?»

Шолохов находит говорящую, очень емкую деталь: старик всю ночь гладит ягненка и, несколько оживая от тоски, любителю живым существом:

«— Вот какая насекомая, без году неделю на свете живет, а понимает, где лучше, к теплу жметесь». О самом ягненке Шолохов скажет: «Он долго стоял, покачиваясь на расслабленно подогнутых ножках, потом тихонько заблеял, призывая мать, и снова лег у ног старика, уставился на огонь бесовскими, выпуклыми, желтыми глазами; в продольных, косо прорезанных зрачках его трепетали радужные отблески пламени».

Такой была привязанность к личному. Шолохов ценит в трудовом опыте старого крестьянина распорядительность, радение о хозяйстве, животных. Но он хорошо знает, как этот уклад порождает обособленность, недоверие, распри.

* *

И вот совсем другой сюжет — поездка автора из Сталинграда в 1947 году, на легковой машине. Неподалеку от Калача остановились на ночевку у председателя колхоза Корнея Васильевича. Это человек новой деревни, коллективист, организатор общего хозяйства. Мыслит он по-государственному. Пошел на фронт добровольцем. Трижды был ранен. После восстанавливал родной колхоз. Он весь от народа, от природы, от земли. Любит повторять присловье «Это тоже надо понимать», когда внушает всем, что значит труд, обязанность перед обществом, страной.

Он тоже рассказчик, и очень живой, со своим словом и интонацией, но говорит по-другому, чем Прокофьевич и старик из Нижне-Яблоновского, — уверенно, спокойно —

и о другом: как скорее наладить жизнь, какой отличный в селе трудовой народ, как настрадались люди за долгие годы войны, особенно женщины, какую силу составляют они теперь. «Так я по своему стариковскому разумению думаю, что памятник они себе заслужили», — заключает он.

Шолохов — лирик, он выражает свою кровную связь с деревней: «Было что-то родное и милое сердцу в озаренной... лунным светом картине: новые белые хатки и словно караулящие их, устремленные ввысь, пирамидальные тополя. Шофер остановил машину — и тотчас же повеяло горьким запахом полыни с близкого выгона».

Так жила наша Родина в 1947 году, после военного разора и жесточайшей засухи. Жила, уверенной поступью вступала в новую реальность.

Логика сопоставления типов крестьян в этой статье доказывает, что если наш народ совершил революцию, одолел трудности периода коллективизации, разгромил фашизм, то причина тут не в «загадочности славянской души», а в том, что «Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный, и потому — непобедимый». Эти слова принадлежат В. И. Ленину. Их Шолохов привел в статье как точную формулировку того закона общественного развития, по которому мы живем, идем к новому с Октября 1917 года.

В статье дается публицистическая отповедь американским империалистам: «Они пытаются привить своему народу захватнические чувства, отравленной, лживой пропагандой разжигают в нем стремления к «завоеванию мира», они всячески стараются возбудить ненависть к нашей Родине — стране, не так-то уж давно спасшей мир и цивилизацию от немецкого фашизма, главари которого некогда так же идиотски мечтали о мировом господстве...»

Шолохов грозно напоминает: «В прошлом году на Дону я видел символическую картину: полузасыпанный окоп, рядом — немецкая каска, в окопе — прикрытый истлевшими серо-зелеными лохмотьями полулежащий скелет убитого гитлеровца. Карающий осколок советского снаряда рассек ему лицо. Рот его с выбитыми зубами был полон плодородного чернозема. Из него уже тянулась к стенке окопа курчавая веточка повители, униженная голубыми и розовыми цветочками...

Да, у нас много плодородной земли. И ее с избытком хватит, чтобы набить ею рты всем, кто вздумает перейти от разговора о тотальных схватках к действию».

Символика очень внушительная, образная и до сих пор не утратившая актуальности.

Статья заканчивается возгласом:

«Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!»

«Слово о Родине» по содержанию, жанру, композиции, интонационным переходам, народности языка произведение новаторское. В нем нашел отражение патриотический и гражданский энтузиазм нашего народа, статья воспринимается и теперь, как летопись жизни, достоверная и поучительная. Шолохов мастерски развернул тему, выставил серию доказательств, подкрепленных мощными художественными средствами, нашел, где это необходимо, нежное слово любви или, напротив, раскаленное, как железо, суровое слово гнева и проклятия.

*

Писатель перенес в публицистику многие особенности индивидуального стиля, которые известны по «Тихому Дону» и «Поднятой целине». Она стала художественной в такой мере, что возникает затруднение — считать ли «Слово о Родине», «Свет и мрак» статьями или очерками. Дело, конечно, не в формальном определении, а в размышлении о том, сколь важна и необходима нам и сегодня такая публицистика, в которой автор свободно переходит из одного временного и пространственного плана в другой, где мысль, наряду с логизированными средствами публицистической речи, принимает развернутое образное выражение, а патетика чередуется с сатирой, и где находится место и для бытового юмора.

Михаил Александрович Шолохов оставил нам блестящий образец такого жанра.

*Ф. Г. БИРЮКОВ,
доктор филологических наук
Рисунок В. Толстоногова*

Писатель, и в особенности писатель-фронтовик, ответственен не только перед памятью павших, но и перед памятью тех, кто живет сегодня, будет жить завтра, ибо их память о Великой Отечественной войне складывается из той суровой правды о ней, которая живет в слове каждого настоящего художника.

СУРОВАЯ ПРАВДА ПОБЕДЫ

О языке повести
Ю. Бондарева
«Последние залпы»

«Если б кто-нибудь из писателей-фронтовиков, — пишет Ю. Бондарев, — заявил нам, что с памятью о войне покончено, что он, этот писатель, не желает помнить и знать о трагических годах недавней истории, не хочет тревожить себя воспоминаниями, а хочет жить без прошлого и наслаждаться сиюминутным покоем, то никто не осудил бы его за усталость. Его осудили бы за предательство памяти всех павших на полях сражений».

Память Ю. Бондарева с величайшей ответственностью хранит правду о минувшей войне, побуждая писателя к воссозданию реалистических картин того героического времени. Их мы находим и в повести «Последние залпы».

Подробности, детали ожесточенных схваток артиллеристов батареи капитана Новикова с озверелым противником переданы Ю. Бондаревым рельефно и выразительно, они отражают внутреннее, психологическое состояние, которое охватывает человека в мгновения между жизнью и смертью.

При изображении противоборства двух непримиримых сторон автор опирается на метафорические сопоставления «бой — поток», при этом целостное художественное полотно слагается из кусков-эпизодов, воссоздающих картину боя. Писатель широко использует именные сочетания, рассчитанные на зрительное и слуховое восприятие изображаемого: «брызнувший осколок дерева», «слитый поток танков», «всплеск выстрела», «удары волн в спину», «фонтанчики очередей», «багровые выплески пулеметов» и др.

Метафоризованные образы обретают рельефность благодаря использованию глаголов *вытекать, нырять, тонуть, литься, вливаться, переливаться*, ассоциативно связанных

с именами существительными: *брызги, струи, всплески, фонтаны, ливни*. В результате создается панорама бушующего сражения: «Три первых танка миновали уже позицию Овчинникова, неуклюже и круто ныряя»; «С пронзительным звоном истребители вынырнули из дыма...»; «...искрой брызнул и исчез фиолетовый огонек...»; «...светящаяся полоса пуль стремительно потекла над ней»; «...после беглых разрывов на высоте заструилась по стенам земля, застучала по плечам дробным, усиливающимся ливнем».

Глагольное слово у Ю. Бондарева — это и средство характеристики поведения солдат в пекле разгорающегося боя: «...падали, вскакивали, тонули в полосах мглы»; «...как при взрывах нырял он большой головой» и т. д.

Художественное описание боевого сражения строится на уподоблении слов и понятий, близких и знакомых читателю: «Выгибаясь фантастическими рыбами, скользили там, среди огненного моря, выгнутые хвосты реактивных мин...». Пулеметные очереди изображаются в виде «снопа пулеметных трасс», движение танков как перемещение «тучи танков», «стены танков», пикирование самолетов — это «клубок вьющихся в выси самолетов». Более того, автор как бы одушевляет орудия войны, наделяя их человеческим обликом: «покатый лоб танка», «лишь синяя точка спичкой чиркнула там по широкой груди танка», «черный, пусто-круглый глаз дула зорко целился».

Образность изображению придают не только зрительные, но и слуховые ассоциации: «Врезаясь в зарево, искрами рассыпались над крышами очереди пуль, грубый, взхлеб, треск пулеметов не заглушал тонкого шитья

автоматов, тивкающего звона мин. Тяжелые снаряды ту-гим громом раскалывались на каменных мостовых, жар-кий ветер вздымал ворохи сухих листьев, швырял в лицо, корябая, как горячим наждаком».

*

Ю. Бондарев заостряет внимание читателя на огнен-ном зареве, являющемся образным и символическим стержнем цветовой гаммы повести: «Молча Новиков отогнул рукав шинели, взглянул на часы, на фосфоресци-рующие цифры, потом посмотрел назад — на отдаленный город, залитый заревом. Там беспрестанно возникали косматые звезды разрывов, вспышки танковых выстрелов вылетали навстречу друг другу...». Варьирование синони-мичных прилагательных, обозначающих цвет (красный, розовый, багровый, огненный, малиновый, кровавый), сте-пень его насыщенности (темно-красный, тускло-багро-вый), неполноту проявления цветового признака (розова-тый, красноватый), сравнение одного цветового признака с другим (кроваво-красный), создают образно-цветовую тональность пейзажа войны.

Цветовые прилагательные выполняют в повести Ю. Бондарева не только изобразительную функцию, они, как и образ пылающего зарева, символизируют кровопро-литие ожесточенных схваток: «Впереди жарко горели дачные коттеджи на берегу длинного озера. Красный от-блеск воды стоял в воздухе. Над озером, в дыму, сталки-ваясь, перекрещиваясь, мелькали огненные нити пуле-метных очередей; и частые вспышки оружейных зарниц в горах, мерцающие сполохи танковых выстрелов, мали-ново-круглые разрывы мин на берегу, звуки непрек-ращающейся автоматной стрельбы — все это бросал и рвал над окраиной опаляющий до сухости в горле ветер».

Цветовой фон батальных зарисовок становится более колоритным по мере употребления глагольных сочетаний (багрово светилось, розово дымились, жарко горели) и ге-нитивных метафорических словосочетаний (хвосты огня; щупальцы огней; метели искр, огня, пепла; всплески огня и т. д.).

Гаммы цветовых обозначений создают представление об общей картине боя, способствуют сгущению «баталь-ного полотна»: «Небо за высотой все время меняло окрас-ку, наливалось плотной багровостью, — что-то горело в го-роде».

Безжизненность, бесприютность, пустынно́сть пространства, охваченного огнем сражений, подчеркивается повтором однокорневых слов (мертвенно, мертво, мертвенный, мертвый). Изображение буйства «пляски смерти», сметающей на своем пути все живое и неживое, опирается на образность текста, усиливаемую антонимичным словоупотреблением «мертвый — живой»: «Тишина, душная, беспокойная, распростершаяся от ущелья и леса к высоте, где стояли орудия Алешина, мертвым прострапством окружала позиции Овчинникова... Все знали: одно лишь живое дыхание было там наверху — в четырех шагах от блиндажа дежурил у пулемета разведчик Горбачев».

С помощью художественных средств писателю удается передать приметы войны, воспринимаемые не только органами зрения и слуха, но и обоняния: «В теплом воздухе, плотно насыщенном запахом пота и бинтов, не колебались язычки немецких свечей» или «Он видел, как маслянисто светились во тьме белые спины раздевшихся до пояса солдат. Запах крепкого пота доходил до него от работающих тел».

*

Центром идейно-художественного изображения в повести Ю. Бондарева становится человек, его поступки, поведение, состояние в экстремальных условиях боевой обстановки. Метафоризованные глаголы подчеркивают тяжесть невероятных усилий, которые предпринимают солдаты в бою: «Расчеты Овчинникова, вгрызаясь в твердый грунт, окапывались в полном молчании...». Семантический диапазон словообраза «вгрызаясь», реализованный в глагольной метафоре, способствует реалистическому изображению и рельефа местности (действие происходит в Карпатах, поэтому необходим максимум усилий для рытья окопов), и напряженности сложившейся военной обстановки (преградить путь фашистам любой ценой), а также психологического и физического состояния людей (ведь уже конец войны, силы на исходе). Один точный словесный образ вобрал всю информативную глубину происходящих событий.

Смелость, находчивость, широта души капитана Новикова находят выражение в его голосе, жестах, в движениях тела, даже во взгляде: «...не скомандовал, а скорее глазами приказал Новиков». За категоричностью тона,

сухостью команд и приказов капитана скрывается глубокое проникновение в психологию своих подчиненных. Он сам участвует в бою и умело руководит солдатами, постоянно поддерживая их боевой дух: «— К орудию! Степанов, заряжай! — И только сейчас все поняли, почему Степанов должен заряжать. Наводчик Степанов, вздрогнув широким, конопатым лицом доброго деревенского парня, растерянно озибался на тихо застывшего в неудобной позе Богатенкова». Силой воли, личного примера капитан Новиков поднимает людей на подвиг, и люди, охваченные страхом, берут себя в руки, одерживая победу над самими собой: «И снова волчком метнулся Ремешков к раскрытому ящику, выхватил оттуда, родственно прижал к животу снаряд, переступая крепкими ногами, будто земля жгла его. — С этим парнем кончено, — удовлетворенно мелькнуло у Новикова. — Кажется, солдат родился».

Глубоко лиричны строки, раскрывающие рождение светлого, чистого чувства взаимного влечения капитана Новикова и санинструктора Лены. И в том, что это чувство, не успев родиться, умирает с гибелью капитана Новикова — жестокая, беспощадная правда войны, показанная автором как дисгармония жизни и смерти: «Голые ветви яблонь уходили в низкое, кипящее облаками небо, там выгнутыми фиолетовыми полосами стоял непонятный мягкий свет, плыл, переливаясь, под холодным осенним солнцем. «Откуда этот свет? И зачем он? — подумала она. — Зачем все это? И небо, и воздух, когда его нет... Зачем все это?..»

Герои повести «Последние залпы» живут глубокой внутренней жизнью, борются не только с врагом, в них самих возникает множество противоречий, сомнений, которые надо преодолевать, находя разумный выход. Ю. Бондарев проводит своих героев не только через горнило войны, но и изображает их в таких ситуациях, которые выявляют истинную ценность этих смелых, отважных людей. Правдивому изображению в повести в немалой степени способствует выбор художественных средств, благодаря которым автору удается предельно образно и убедительно запечатлеть героический подвиг советского народа-освободителя, мужественно и честно исполнившего свой интернациональный долг.

Ф. М. ГОРЛЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

Священный образ Родины

Цветопись в прозе Евгения Носова

Художественный мир Евгения Носова наполнен звуками, красками, запахами, воздухом; он слышим, видим, осязаем, вдыхаем. В этой полноте восприятия действительности нет излишеств, стихийного «буйства красок», пестрой многоцветности, но есть правдивая точность каждого слова, каждой детали. Прозе Е. Носова присуща неторопливая, несуетная, живописно изобразительная манера письма, насыщенная мудрой философией очевидца происходивших событий.

Писатель-фронтовик Е. Носов обладает тонким, отзывчивым слухом ко всему окружающему. Оплаченное ценой многотрудного жизненного опыта творчество этого мастера, нашего современника, пронизано непримиримой борьбой светлого и темного начал, глубоко философским, обостренно пристальным отношением к проблемам войны и мира. Эта лично выстраданная концепция выражена

в прозе Е. Носова через сложную систему образов, в том числе цветowych.

Для ранних лирических рассказов Е. Носова характерна жизнерадостность цветовой гаммы. В них яркая, мажорная радуга словно рассыпается цветовыми бликами, пятнами и полутонами. Природа выступает как источник красоты, гармонии. Уже в этих рассказах сформировался один из образов художественной реальности Е. Носова — образ мира, который позднее обогатится у него пластическими и колористическими решениями, но не утратит главного — видения природы в мажорно светлой цветовой тональности.

Утверждающий пафос пронизывает степной пейзаж в рассказе «Потрава». Развернутость пейзажа в пространстве и во времени подчеркивает нескончаемость происходящего в природе процесса, что сообщает образу степи дополнительный, чрезвычайно емкий философский смысл: «По всему горизонту зыбился перегретый воздух, вместе с ним текла и струилась степь...»; «Как и сотни лет назад, шумят, переливаются серые ковыли, одиноко в вечном сне дремлют курганы, подернутые синеваой марью...». Степь в этом рассказе — метафора жизни. Живописное начало у Е. Носова словно взламывает плоскость образа, обнажая его грани, на которых последовательно возникают и исчезают краски цветовой гаммы. Их подвижность и смена — свидетельство вечной, неостанавливающейся жизни, и это подтверждает оптимистический аккорд: «И так год за годом, века, а может быть, и тысячелетия в неумном и неистощимом круговороте».

Более мягкая, приглушенно сдержанная манера присутствует в рассказе Е. Носова «Во субботу, день ненастный...». Живописный элемент тяготеет здесь к психологической конкретности. Предельная суженность тонального диапазона (однообразно-серое небо; сизая морось; серой туманной шубой простирались камыши; заметно посветлело, размыто синело) неожиданно наполнила однообразную по колориту картину осеннего дождливого дня скрывшей, очищающе светлой поэзией.

*

В художественную реальность Е. Носова входит и другой образ — образ войны, и тогда живописные элементы пересекаются с графическими. Выразительность колорита

повести Е. Носова «Шумит луговая овсяница» достигается именно такими выразительными средствами. В звучную красоту ночи с тончайшей нюансировкой тонов в пределах серо-голубой гаммы (слепящей голубизны; трепетно-дымным голубым светопадом; ликующе-голубой свет; кольчужно серебрилась; все голубело) вторгается черный цвет лунного затмения (угасающая луна; черный диск; луна с мертвым незрячим ликом), который ассоциируется с образом войны («Какие-то балки огненные рушатся... Люди бегут... Черные против огня... Бегут и падают»). Живописный колорит образа мира уступает место скупой выразительности графического рисунка войны, метафорически скрепленного резким сочетанием красного и черного цветов.

В контрастно цветовой манере воссозданы образы войны и мира и в рассказе Е. Носова «Шопен, соната номер два». Синхронно взятый в двух временных плоскостях (прошлом и настоящем) один и тот же пейзаж в этом рассказе позволил словам заговорить на языке красок, а краскам обрести звучание слов. Образ войны, как картина приблизившегося прошлого, графичен, он скорбен по композиции и цветовой гамме: «...сухой ветер рассеивал золу с горячих еще пепелищ». Образ мира в его торжествующей реальности живописен, ликующе жизнерадостен: «Перед домами за весело раскрашенными штaketниками багряно кучерявилась вишневая молодь».

*

От внешней антитезы цветовых образов войны и мира писатель приходит к утверждению внутренней диалектики цвета и образа, их взаимообусловленности и взаимозависимости. Цветовая динамика и символика составили одну из главных особенностей произведений Е. Носова, посвященных исследованию перехода человеческой души из состояния войны в состояние мира («Красное вино победы») и, напротив, из состояния мира в состояние войны («Усвятские племоносцы»).

Сюжетному психологизму рассказа «Красное вино победы» строго соответствует его цветовая композиция. Последние дни пребывания раненых в госпитале, наполненные ожиданием скорой победы, автор передает через белый цвет, который как бы заполняет пространство между войной и миром: «...белое мельтешение снега; две-

надпять белых коек и шесть белых тумбочек; белые гипсы; белые бинты, белые халаты сестер и врачей, и этот белый, постоянно висевший над головой потолок, изученный до последней трещинки... Белое, белое, белое...

Художественная функция помещенного в центр композиции белого цвета несомненна, им скрепляется форма рассказа, но взятый изолированно, вне спектральной гаммы, он неожиданно приобрел явно негативный психологический оттенок: «Какос-то изнуряющее, цинготное состояние одолевало от этой белизны». Белый цвет — это не совершенный пока переход из одного состояния в другое, в своей пограничной нейтральности он все еще близок к войне, включенной в рассказе в гамму серого и черного цветов (землисто-серое белье; серые блиндажи; слякотные дороги; липкая хлябь; в своих черных коротеньких френчах, похожие на тараканов, немцы).

Цвет в рассказе «Красное вино победы» — это не только видимая сущность предмета, но и его эмоциональная характеристика. Уходящий в прошлое черно-белый мир войны («Мрачные руины... белые флаги и простыни на балконах и в окнах домов») оказывается близок черно-белой трактовке образа фотографа («поверх черного сюртука был наброшен госпитальный халат»), творящего обман и обманом прикрывающего правду войны...

Диалектика цвета и образа войны в этом рассказе Е. Носова такова, что делает как бы невозможным появление какой-либо другой краски цветового спектра, и когда это все-таки происходит, то чужеродная для данной обстановки тональность воспринимается как эстетический сигнал-символ, как явление иного семантико-цветового поля (не просто из голубого чайника льется на стол горячая вода в лазаретной роще на фронте, а «из голубого домашнего чайника»). Цвет позволил раздвинуть временное пространство рассказа, окружить образ войны более смкким образом довоенного и послевоенного мира.

Напряженный психологизм рассказа выявляет интенсивный красный цвет. Однако драматизм заключен не в самой природе красного цвета, он привнесен в этот цвет извне — так суровые приметы внешнего мира находят в цвете свое трагедийное воплощение. Красный цвет — это и правдивая беспощадность детали (хирург с «красноватыми от бессонницы глазами», таз с «красной кашей из мокрых бинтов») и возвышенная горечь символа (красные

банты на пижамах; рубиново-красные, наполненные до краев стаканы). Красный цвет, вступая в единоборство с «бесцветным» белым, утверждает торжество жизни, обретая новую смысловую роль — роль памяти:

«— Ну... прости-прощай, брат Иван.— Саенко плеснул немного из стакана на изголовье, на котором еще только что лежал Копешкин. Вино густо окрасило крахмальную наволочку.— Вечная тебе память...

Оставшееся в стакане вино он разнес по койкам, и мы выпили по глотку. Теперь оно показалось таинственным, как кровь.

В вечернем небе снова вспыхивали праздничные ракеты».

Основной цветовой спектр рассказа отдан писателем обретенному в войне миру: «Уже курились зеленым дымком верхушки госпитальных тополей»; «За окном в светлой лунной ночи сочно расцвела малиновая ракета; переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась зеленая». Красочной доминантой образа мира служит наполненный пространством, светом и воздухом зеленый цвет:

«— Солнце вижу... Поле вижу...— не оборачиваясь, ответил Михай.

— Далеко, спрашивает,— переводил я шепот Копешкина.

— Поле? А там... За рекой.

— Какое оно? — говорит.— Что посеяно?

— Зеленое. Хлеб будет».

Три глубоко народных образа — солнце, река, хлебное поле в своем цветовом решении сливаются в единый символ мирной трудовой жизни.

*

Зеркальным отражением цветовой динамики в рассказе «Красное вино победы» явилась повесть Е. Носова «Усвятские шлемоносцы». Показательны слова автора о творческих истоках этого произведения: «Повесть своевременна для меня и, если хотите, злободневна. Потому что меня глубоко оскорбляют истерические голоса на Западе о том, что наша страна кому-то угрожает, кого-то устрашает. ...Самой своей повестью я хочу сказать: посмотрите, какой мирный наш народ! Он никому не может угрожать. Конечно, если его побеспокоят, он стоит за себя». Несом-

ненно, что одним из важных компонентов художественного воплощения авторской идеи и в этой повести выступает цвет. Писатель прекрасно владеет техникой раскрытия его философского потенциала. Если в рассказе «Красное вино победы» цвет как бы накладывается на форму, овладевает ею, постепенно заполняет «бесцветное» пространство, то в повести «Усвятские шлемоносцы» цвет сам создает форму, и нужны немалые усилия, чтобы заставить его отступить. Подчеркнуто контрастна цветовая динамика этих произведений: смене образов (война — мир) в рассказе «Красное вино победы» соответствует смена изображений (черно-бело-цветное), иное кольцевое обрамление образов (мир — война) в повести «Усвятские шлемоносцы» определяет и иной принцип смены изображений (цветное — черно-белое).

Полихромия (многоцветность) начальной сцены повести «Усвятские шлемоносцы» (июньский покос) — это и художественная реальность, и символ, который в полной мере проявится лишь тогда, когда на маленькое село Усваты обрушится весть о войне, и состояние человека, оглушенного «этой зловеющей вестью, ее неисцелимым дурманом», выразит монохромизм: «Вытравленным, посеребрившим зрением глядел он на пригорок, и все там представлялось ему серым и незнакомым: сиротливо-серые избы, серые ветлы, серые огороды, сбегавшие вниз по бугру, серые ставни на каких-то потухших, незрячих окнах родной избы». Здесь знаковая природа цвета проступает особенно явственно, потому что — и это подчеркнуто автором — ставни на родной избе отличала «веселая» голубизна: «...покрасил голубеньким, а кое-где, в нужных местах, сыграл киноварью...»

В основе цветовой гаммы войны лежит семантический принцип, сообщающий краскам силу все той же символики. Таков «вещий» сон Касьяна: бубновый туз (красный цвет) — «в разные стороны красные перья, будто огонь брызжет, жаром пылает»; дама пик (черный цвет) — «белая невестина фата на ней, а сама желтый цветок нюхает». Таков «образ-предзнаменование» луны: «...иссиня-красная, в каких-то червоточинах и прожилках, ...клочковато оборванная, окромсанная с одного края... Сквозь застойную духоту, без звезд и светлого разлива, сопутствующих прохладным росным ночам, луна цедила на деревню какой-то хворый, немощный свет». Таков финальный образ повести — образ курганного орла, кружившего и кру-

жившего в вышине и похожего «на распростертую черную рубаху».

Цвет в этой повести Е. Носова имеет и пространственное значение. Война — это дорога, поэтому в метафорической обрисовке войны присутствует цвет пыли (пепельно-серый то ли от пыли, то ли от усталости; пухлой дорожной пылью; серых, пропыленных мужиков; пропыленный конь; запыленная гармонь; вослед пыльному облаку; взбитую пыль; зарастить пылью до серой безликой неузнаваемости; в неподвижной, омертвелой маске из пыли).

В повести «Усвятские шлемоносцы» белый цвет выступает символом чистоты, незащитности, символом мира (ср.: белый голубь мира): «И сразу стало видно, с чем остаются Усваты — с белыми платками, седыми бородами да белоголовыми малолетками». Троекратное упоминание белого цвета не случайно, близость к фольклорной поэтике обусловлена органичной для повести философией мира. «Главное в ней... идея защиты Родины», — так определил пафос своей повести автор.

*

Цветовые образы войны и мира в прозе Е. Носова свидетельствуют о философском характере его художественного мышления. Обращение этого талантливого писателя к цветоживописи обусловлено необычной особенностью его природного дарования. Вспоминается его высказывание: «Я и в самом деле, когда что-нибудь описываю, то непременно спрашиваю себя: «А как это можно нарисовать красками?»... И когда мысленно себе это представляю, то вместо красок вставляю слова». Надо признать, что писателю мастерски удастся проникнуть в тайны образной жизни слова. Под пером Евгения Носова слова-образы выступают не только носителями авторской мысли, но и сама эта мысль обретает в образе свой художественный эквивалент.

*Л. Н. ДУДИНА,
кандидат филологических наук
Усть-Каменогорск*

Рисунок Б. Захарова

**«Вся жизнь
моя,
вся боль
моя —
к оружию!»**

Наряду со стихотворными произведениями военной поры А. Твардовского, К. Симонова, О. Берггольц, М. Алигер и других признанных мастеров в золотой фонд советской литературы прочно вошла поэма П. Антокольского «Сын». Появившаяся в печати в суровом 1943-м году, эта поэма имеет глубоко личную историю возникновения, о которой читатель узнает из строгих, скупых слов авторского посвящения: «Памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942 года».

Каждая строка поэмы так открыто, так исповедально рассказывает о трагедии отца, потерявшего сына, что поначалу этой обнаженностью чувств и объясняешь ее сильное эмоциональное воздействие. И только вникнув в манеру письма, в слог автора, открываешь для себя его замечательное мастерство. В чем же оно?

На первый взгляд поэма П. Антокольского «Сын» на-

писана неприязнательно, без использования **ощутимых** поэтических средств. Определения в большинстве случаев традиционны, условно оценочны:

Мой сын погиб. Он был хорошим сыном,
Красивым, добрым, умным, смельчаком.

Тропы несложны:

Опять запел гудок, совсем осинный
В неравной схватке с песней ветровой.

Словарь в основном составляет будничная, стилистически нейтральная лексика:

Пошли мы на вокзал — таким беспечным
И легким шагом, как всегда вдвоем.
Лежал табак в мешке его заплечном,
Хлеб, концентраты, узелок с бельем.

Однако все это — на первый взгляд, и все это — отдельные фразы, выделенные из контекста. А во взаимосвязи друг с другом живут и обретают поэтичность самые простые, обыденные, лишенные всякой иносказательности слова. И здесь едва ли не главную роль играет грамматика стиха, его ритмико-синтаксический строй, отличающийся большим разнообразием.

Поэма, включающая десять глав, в соответствии с композицией ритмически расчленяется на три части: вступление (диалог с сыном), основную часть (повествование о детстве и юности Володи, его службе в армии и гибели) и заключение (прощание с Володей). В отличие от основной части, написанной от лица автора, экспозиция и финал представляют собой прямое обращение поэта к сыну, однако и они различаются не только ритмикой, но и интонацией, синтаксическим строем предложений. Закон поэмы — поток стремительных вопросов, в которых рядом с большой душой еще живет надежда быть услышанным сыном:

Вова! Я не опоздал! Ты слышишь?

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?

Слышишь, слышишь, слышишь канонаду?

В финале речь отца — это горестный, щемящий сердце монолог. Синтаксис предельно простой: ни вопросительных, ни восклицательных знаков. Одни только точки в конце коротких фраз:

Прощай. Поезда не приходят оттуда.

Прощай. Самолеты туда не летают.

Прощай. Никакого не сбудется чуда.

А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Кроме прямого обращения к сыну, приведенные строки из вступительной и финальной частей поэмы обнаруживают еще одну общность — повторы. В зачине неоднократное «слышишь» несет страстное желание вопреки всему достучаться, докричаться до сына. В последней главе многократное «прощай» передает чувства отца, в котором необходимость поставить точку борется с невозможностью расстаться с сыном.

Повторы — синтаксическая доминанта и всей поэмы в целом. Повторяются слова, словосочетания, строки, целые строфы. Повторяются начала и концы фраз. Повторяются вопросы, императивы, обращения, другие синтаксические фигуры.

Помимо обычного назначения — усиления, подчеркивания авторской мысли — повторы выполняют ряд других функций. Так, они создают интонацию особой искренности, доверительного отношения к читателю. Словно присутствуешь при рождении стиха, невольно вместе с автором задерживаешься на повторах, отражающих его раздумья, работу памяти:

Что он любил еще? Бродить без цели

С товарищами в выходной денек,

Вплоть до зимы без шапки. Неприлично?

Зато удобно, даже горячо.

Он в сутолоке праздничной, столичной

Как дома был. Что он любил еще?

В ряде случаев повтор дополняет основное значение слова, например указывает на стремительную смену воспоминаний в сознании Володи в последние секунды жизни:

«И вспомнил он, и вспомнил он и вспомнил / Все, что забыл, с начала до конца»; усиливает ощущение безысходности, безвозвратности потери отца: «Почему в глазах твоих навеки / Только синий, синий, синий цвет?»; делает слышимым стук колес поезда: «А поезд шел все шибче, шибче, шибче / С его открыткой первой фронтовой».

С помощью повторов усложняется психологический рисунок, достигается более тонкая передача душевного состояния сына, фиксируется внимание читателя на этом состоянии:

Какая мысль гнетет его? Как скудно
Освещена под лампой часть лица.
Меняется лицо ежесекундно.
Он смотрит и не смотрит на отца.
И все в нем недолюбленное, недо-
Любившее...

В мозгу — как звон косы,
Как взмах косы: «Я еду, еду, еду».
Он смотрит и не смотрит на часы.

Троекратное *еду*, подкрепленное двойным сравнением со звоном, со взмахом косы, как нельзя более точно передает назойливо пульсирующую в мозгу, неотступно повторяющуюся мысль. «Он смотрит и не смотрит», повторенное дважды, заключает в себе все смятение сына, которому пора уезжать на фронт, который мысленно считает минуты, но не решается огорчить отца, сказать ему, что время истекло и пора прощаться. Наконец, нарочито повторенная и вынесенная в конец строки часть слова *недо-*, рифмующаяся с *еду*, подчеркивает совсем юный возраст сына, еще не успевшего выйти до конца из детства.

В композиции поэмы повтор выполняет роль фона, соотносенного с описанием тех или иных событий. Таким фоном служит неоднократно упоминаемая *метель*, что гуляет по лощинам, воет в дымоходах, вопит в развалинах, метет и в «рог охрипший дует» или «трубит в охрипший рог». Под аккомпанемент метели проносятся воспоминания поэта о детстве сына, его юности, недолгой службе в армии, том довоенном времени, где осталась залитая светом, солнцем летняя Москва с ее памятниками, театрами, пурпуром знамен. Фон, на котором происходит столкновение отца комсомольца с отцом фашиста, создается повтором целой строфы:

Снега. Снега. Завалы снега. Взгорья.
Чащобы в снежных шапках до бровей.
Холодный дым кочевья. Запах горя.
Все неоглядней горе, все мертвей.

Здесь характерными для творческой манеры Антокольского номинативными предложениями очень емко, в четырех строках дана картина страшной военной зимы, принесшей столько горя народу. В первом случае эта строфа, от которой веет холодом, страданием, смертью, сменяется натуралистической зарисовкой фашистского разбоя, во втором — страстно звучащим авторским монологом, вызовом врагу, где поэт вновь прибегает к повтору, на этот раз — антитезы:

Мы на поле с тобой остались чистом,—
Как ни вывертывайся, как ни плачь!
Мой сын был комсомольцем.

Твой —
фашистом.

Мой мальчик — человек.

А твой — палач.

Сопоставление противоположных явлений, представленное в одинаковых синтаксических конструкциях (прием параллелизма), понадобилось автору для предельно четкой, категоричной оценки происходящего, что для поэта-историка, каким был П. Антокольский, чрезвычайно важно. В этом сопоставлении крайне сжато, афористично передана основная идея поэмы, которая написана о сыне, но также и о двух мирах — социализме и фашизме, двух мировоззрениях, двух нравственных полюсах.

Как видим, повтор в поэме «Сын» — основное средство стилистической экспрессии. Особенно часто прибегает автор к единоначатию (анафоре):

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек.

Анафоры сближают стих поэмы с русской народной поэзией. К фольклору восходят и частые обращения поэта к природе:

Ты, море, всей гремящей солью брызги,
Чтоб подтвердить печальный мой рассказ.

Ты, высохший степной ковыль, наполни
Весь мир звонками крохотных цикад.

Повествование основной части поэмы постоянно прерывается авторскими обращениями, риторическими вопросами, восклицаниями. Объект обращения меняется. Кроме природы, это — Москва, читатель, отец фашиста, убившего Володю, наконец, сам автор, его творческое воображение, призванное правдиво воссоздать картину гибели сына. В последнем случае мы наблюдаем еще один прием поэтического синтаксиса — градацию:

Не лги, воображение.

Что ты тянешь

И путаешься?

Ты-то не мертво.

Смотри во все глаза, пока не станешь

Предсмертной мукой сына моего.

Интересно, что эти строки, в которых автор без утайки, на глазах читателя переживает муки творчества, святое недовольство собой, завершаются строфой, где призыв, обращенный к своей творческой воле, жизненному опыту, достигает кульминации также не без помощи повторов, в данном случае определительных местоимений:

Так не стихай и вырвись вся наружу,

С ободранною кожей, вся как есть,

Вся жизнь моя, вся боль моя — к оружию!

Все видеть. Все сказать. Все перенести!

Значительное место в тексте поэмы занимают риторические вопросы, обращенные то к сыну, то к читателю, то к отцу убийцы. Но более всего трогают, берут за сердце щемящие раздумья-вопросы автора к самому себе. В них желание понять, представить, о чем думал, что чувствовал Володя в последние минуты жизни:

Что вспомнил он? Мелодию какую?

Лицо какое? В чьем письме строку?

Пока, о долголети кукуя,

Твердила птица мирное «ку-ку»?

Следующие за этим строки продиктованы стремлением как можно более достоверно, психологически точно пока-

зять состояние сына, которого вдруг настигла смерть посреди мирного «ку-ку»:

...Но как он удивился этой липкой,
Хлестнувшей горлом, жгуче молодой!

Здесь автор опустил дополнение (прием эллипса). Понятно, что речь идет о крови, и понятно это умолчание. Главное для поэта было показать, как сын воспринял смертельную пулю, что он почувствовал, а почувствовал он что-то липкое и жгучее, может быть, и не успев осознать, что это кровь.

Таким образом, широко используемые автором повторы, обращения, параллелизм, градация и другие стилистические ресурсы синтаксиса создают напряженно-лирическую интонацию, драматический накал, благодаря которым поэма читается на одном дыхании — и это несмотря на смену ритмов и сложность композиции. По-иному обстоит дело с привлечением других выразительных средств языка. Признанный мастер неожиданного сравнения, эпитета, смелой метафоры, литературной и исторической реминисценции, Антокольский в данном случае с большой осторожностью пользуется этими приемами.

Конечно, задавшись целью, в поэме можно отыскать почти все элементы поэтического языка. Есть здесь и эпитеты, правда, чаще логические, традиционные и даже постоянные: беспечный легкий (шаг), любимые, чужие (сыновья), смертный (бой), сказочный (лес), бессмертные (книги), сыра (земля), чистое (поле); метафоры: гремющая соль моря, звонки крохотных цикад, снежная штора метели; олицетворения: «под нами вспышки лающих зениток», «гудок заплакал железнодорожный»; сравнения. В последнем случае не обошлось без литературных реминисценций. Так, сравнивая своего сына с молодым оленем, бегущим по лесу, автор упоминает Диану — богиню охоты и луны в древнеримской мифологии, а описывая фашистского отпрыска («Вотан по силе, Зигфрид по здоровью»), пользуется образами древнегерманской мифологии и древнегерманского эпоса. В другом месте сын фашиста сравнивается с сыном Адама Каином, согласно библейской легенде, убившим своего брата.

Использует П. Антокольский и экспрессивно-оценочную лексику. Это слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Например, поэт обращается к сыну или

рассказывает о нем: *сыночек, мальчик, дружок, личико, ручонки*. Есть и высокая лексика — и тоже в рассказе о сыне: «Не мальчика я вел, а полубога...»; «Предвидел ли погибельный багрец, своей души последнюю обитель?» Ореол возвышенности, юношеской чистоты вокруг сына создается и заимствованиями из пушкинской фразеологии: «Мой сын дышал во всю грудную клетку, но был какой-то робостью томим». Однако гораздо чаще тоска по сыну, незаживающая боль выражаются простыми, безыскусными словами, традиционными эпитетами: *сын мой ненаглядный, мой мальчик, мой милый сыночек, мой бедный дружок*. И это не случайно. Такие слова адекватно передают чувства, типичные для многих людей, отцов и матерей, познавших горечь утрат в военные годы. Вероятно, по этой же причине словарь поэмы в целом, как уже отмечалось, характеризуется простотой, обыденностью, неприязательностью. Что же еще, кроме экспрессивного синтаксиса, заставляет «работать» нейтральные слова?

Посмотрим, как происходит наделение прозаизмов поэтичностью в конкретном контексте:

Стамеска. Клещи. Смятая коробка.
С гвоздями всех калибров. Молоток.
Насос для шин велосипедных. Пробка
С перегоревшим проводом. Моток
Латунной проволоки. Альбом для марок.
Сухой разбитый краб. Карандаши.
Вот он, назад вернувшийся подарок,
Кусок его мальчишеской души,
Хотевшей жить Не много и не мало —
Жить. Только жить. Учиться и расти
И детство уходящее сжимало
Обломки рая в маленькой горсти.
Вот все, что детство на земле добыло,
А юность ничего не отняла
И, уходя на смертный бой, забыла
Обломки рая в ящиках стола.

Перечисление бытовых реалий — атрибутов мальчишеского счастья — сменилось горькими мыслями о несостоявшейся жизни сына, которая так многообещающе начиналась — и все бытовое, предметное оказалось вовлеченным в размышления об этой жизни и о смертном бое, который ее прервал. Вещи из стола Володи обернулись обломками

рая, частью мальчишеской души. Произошло взаимопроникновение двух лексических рядов. Слова, соответствующие высоким мыслям: *душа, жить, рай, смертный бой* и отвлеченные понятия: *детство, юность* — как бы растворились в обыденной лексике, но в то же время, хотя их и немного, наделили эту лексику поэтичностью, подняли ее на высоту задачи — показать через вещи вступающего в жизнь подростка, с его привычками, миром его увлечений. Такую же роль, как и высокая лексика, играют в тексте и метафорические изображения уходящего детства, которое «сжимало обломки рая в маленькой горсти», и юности, что, «уходя на смертный бой, забыла обломки рая в ящиках стола». Синтаксическая экспрессия и здесь, как в большинстве случаев, создается повтором наиболее значимых для данного текста слов: *жить* и *обломки рая*.

В приведенном отрывке, как и во всей поэме, П. Антокольский достигает широкого обобщения. Советский юноша и его антипод, молодой гитлеровец, — два типичных образа современников поэта. На противопоставлении этих двух образов — комсомольца и фашиста — построена вся поэма.

Вот, например, как обличается отец, взрастивший фашиста:

Ты отнял у него миры Эйнштейна
И песни Гейне вырвал в день весны.
Арестовал его почные тайны
И обыскал мальчишеские сны.
Еще мой сын не мог прочесть, не знал их,
Руссо и Маркса, еле к ним приник,—
А твой на площадях, в спортивных залах
Костры сложил из тех бессмертных книг.

Словарь здесь тоже чрезвычайно прост. Правда, все глаголы первого четверостишья употреблены в переносном значении, но эти метафоры несложны и потому мало ощутимы. Зато имена Эйнштейна, Гейне, Руссо, Маркса сами по себе настолько информативны и так прочно связаны в сознании читателя с высшими, непреходящими ценностями, что достаточно их назвать, чтобы вдохнуть в текст поэзию, придать ему многозначный смысл и звучание.

Но есть строки, которые совсем лишены каких бы то ни было поэтизмов:

Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.
На этом кончается повесть о сыне.

Этой строфой завершается поэма. Поэтическое чутье, интуиция подсказали автору не громкие, но тихие слова, которые, как и все другие слова прощания в десятой главе («Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть. / Прощай, моя молодость, милый сыночек...»), потрясают своей естественностью, простотой.

*

«Вся жизнь моя, вся боль моя — к оружию!» — скомандовал себе поэт и выполнил свою команду. Жизненный и литературный опыт, высокий профессионализм, мастерство, соединившись с болью утраты, со страстным желанием воскресить сына, уберечь его от забвения, позволили поэту создать вечный памятник младшему лейтенанту Владимиру Павловичу Антокольскому, а в его лице всем советским юношам, павшим смертью храбрых за победу в Великой Отечественной войне.

Г. В. ПОТАПОВА
Рисунок Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *исполать*?»

Л. А. Цветков, Мценск

Исполать и *исполати* — старинное междометие. Выступая в значении сказуемого, оно означало: «хвала, слава кому-либо» (в восклицательном обращении). Например: *Исполать, тебе, добрый молодец!*

«ДУШИ МОЕЙ ЗАБОТА»

«Каждое стихотворение истинного поэта отвечает не только за себя, но и за свою родословную, за стихи, вошедшие в биографию написавшего их человека», — так писал в свое время известный советский поэт А. Коваленков. Пожалуй, эта мысль требует уточнения — не только стихотворение, но и каждая строка настоящего поэта вольно или невольно измеряется особой мерой — мерой жизни их создателя, степенью слияния поэтического слова и гражданской позиции автора. Особенно если это строки о войне, особенно если это строки о Победе — «одной на всех». Именно так сказал о Победе поэт-фронтовик Булат Окуджава в своей знаменитой песне «Мы за ценой не постоим», ставшей песней-памятником всем тем, кто внес в календари новую красную дату — 9 мая 1945 года.

Памятники на пустом месте не возникают. Они рождаются из памяти и верности. Из памяти о боевых товарищах, о военных дорогах, о боях и потерях, из верности солдатскому и сыновнему долгу рождались и первые строки поэта, посвященные Победе:

Последний залп
 прорвал тишину
и за горной грядой
 смолк,

будто бы там
расстрелял
войну
артиллерийский полк.

Уже в этой строфе явственно проступает главная особенность поэтики Б. Окуджавы — тяготение к использованию преимущественно нейтральной лексики, почти полное отсутствие так называемых поэтизмов, ярких словесно-образных средств, кажущаяся прозаичность стихотворных строк. Поэт не любит громких и красивых слов, о чем в одном из стихотворений он писал так:

Есть разные красивые слова:
послушаешь —
кружится голова.

Б. Окуджава сторонник иных слов — слов, на первый взгляд, неприметных, непримечательных, обыденных, но действенных и надежных:

А есть слова: шинелей серый ряд.
В литые сапоги
они обуты,
ремни свои затягивают круто,
махоркою прогорклою дымят.
Вот так дымят: размеренно,
не наспех.
Но позови — сигарки под каблук
и за тебя — в любой огонь,
хоть на смерть,
оружия не выпустив из рук.

...Смолкли залпы, остыли орудия, и зазвучали оркестры Победы. Но музыка Победы настояща одновременно на ликовании и печали, на радости и боли. Поэтому так чеканно, так строго ложатся слова поэта:

Играет оркестр
над Курой
в саду.
Как много невест
в этом году!

В тбилисском майском саду звучит оркестр, а в московском дворе в это время:

вновь играет радиола, снова солнце в зените...

Музыка и солнце да счастье с грустью пополам — таков образ Победы в ранних стихах Б. Окуджавы. И вновь мы убеждаемся — и лексика, и синтаксический рисунок этих стихотворных строк лишены каких бы то ни было поэтических украшательств, они естественны, взвешенны, просты, и именно поэтому так впечатляющи, такие запоминающиеся.

Неисчерпаема тема Победы, многолик ее образ. В песне поэта «Бери шинель, пошли домой» победивший и вернувшийся домой солдат страстно зовет своего погибшего однополчанина встать, воскреснуть из мертвых и самому увидеть Победу — ту, за которую он отдал жизнь:

А мы с тобой, брат, из пехоты.
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты...
Бери шинель —
пошли домой,—

говорит живой солдат мертвому, но тот не откликается, как будто не верит своему боевому другу. Может быть, просты, сухи его слова, может быть, надо по-иному попросить друга? —

Война нас гнула и косила.
Теперь конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель —
пошли домой.

Не устает солдат звать своего фронтового товарища, вновь и вновь говоря ему о Победе:

Опять весна на белом свете...

Ты видишь,— слышится в этих словах,— опять весна, ее не было долгих четыре года, ты видишь — опять свет белый, а не черный, каким он был все эти долгие четыре года.

...Не поднимается, не встает убитый солдат, не слышит он своего боевого спутника. Но живой обязан достучаться до сердца погибшего друга, и он снова рассказывает ему:

К золе и пеплу наших улиц
опять, опять,
товарищ мой,
скворцы пропавшие вернулись...

Написанная от лица фронтовика песня — а текст, содержание ее у всех на слуху — несет отчетливо выраженные черты разговорного стиля. Это и элементы разговорного синтаксиса (почти каждая строфа — характерное для разговорной речи полипредикативное высказывание перечислительного типа), и многократное употребление частицы *а* в качестве начального элемента фразы, и вопросы риторического характера («Что я скажу твоим домашним? Как встану я перед вдовой?»), и целый ряд обращений (брат, товарищ мой, однополчанин), и лаконизм рефрена «Бери шинель — пошли домой», и чисто житейский афоризм «А летом лучше, чем зимой», и просторечная лексика («неужто», «твоим домашним») и т. п.

Каждая строфа в песне — одновременно и образ, и аргумент, и призыв. Все они образуют сложный синонимический ряд на уровне высказывания с неназванной, но присутствующей в каждой строфе синонимической доминантой — «мы победили». Своеобразие же лексической организации этого стихотворения заключается в том, что его основное тематическое и опорное слово *победа* также ни разу не употреблено в нем. И рядом со словом *победа* из всех этих строк как бы прорастает тоже ни разу не названное слово *мир*, ибо конец войны, расчет с войной, новая весна и вернувшиеся скворцы — это символы мира. Того мира, ради которого остался лежать под фанерной звездой солдат. В этом и состоит подлинное мастерство поэта — рассказывая о малом, на первый взгляд незначительном (играет радиола, скворцы вернулись), говорить о важном, о великом.

Все стихотворения Б. Окуджавы, посвященные — прямо или косвенно — теме Победы, пронизывает идея возвращения — возвращения домой, возвращения к миру. Именно поэтому слова *вернуться*, *возвращение* одни из наиболее часто встречающихся в этих стихах: они и в стихах о тех вдовах, что не верят «в смерть мужей и ждут их возвращения», и в строках о дорогах домой — дорогах любви, «которыми сам я вернулся однажды», и в стихотворении о женщинах-фронтовичках — «и ведь, огнем опалены, вернулись снова молодыми седые женщины войны», и в знаменитом призыве-заклинании к мальчикам и девочкам военных лет: «Постарайтесь вернуться назад!»

Параллельно с темой возвращения поэт всегда так или иначе проводит в этих стихах и мысль о Победе как об обновлении Земли, обновлении жизни. По этой причине

так часты в них слова со значением повторительности — *вновь, опять, снова*. Многократно повторяясь в самых разнообразных комбинациях, эти непритязательные, на первый взгляд, синонимичные наречия в контексте стиха приобретают дополнительную смысловую нагрузку и существенно усиливают воздействие стихотворной строки на читателя. Их умелое использование не навязчиво, но убедительно дает нам возможность полнее осознать ту страшную цену, какую пришлось заплатить и за вновь разливающиеся звуки музыки, и за опять вернувшихся скворцов, и за снова вставшее над землей солнце. Теперь становится ясно, почему поэт часто прибегает к такому стилистическому средству, как лексический повтор — раз найдя слово, выбрав его, проверив его, автор доверяет ему больше, чем другим. Он сознательно не стремится к обильному разнообразию лексики (хотя в целом словарь поэта чрезвычайно богат), к словесной пестроте — для него важнее точность выражения мысли, выверенность интонации, чистота строки.

...А в майские праздничные дни на наших улицах и площадях, со сцен концертных залов и из окон наших домов вновь звучит мелодия победного марша:

От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот.
Такие, брат, дела...
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А пынче нам нужна одна победа,
Одна на всех. Мы за ценой не постоим!

Весь народ и каждый в отдельности заплатили эту цену. Как заплатил ее и провоевавший четыре долгих года на передовой доброволец Булат Окуджава — солдат и поэт, который пишет о Победе по-сыновьи нежно, преданно и строго. Поэзия и жизнь, война и победа слиты в его стихах воедино.

Р. Р. ЧАЙКОВСКИЙ,
кандидат филологических наук
Магадан

Рисунок Б. Захарова

Великое творение
древней Руси
«Слово
о полку Игореве»
тысячами
прочных нитей
связано с русской
литературой
последующих
столетий
и с нашей
современностью.
А имя героини
«Слова»
Ярославны
давно стало
крылатым
и
традиционно
используется
в художественных
и
публицистических
произведениях.

«Ярославна рано плачет...»

Известно, что Ярославна — не вымышленный образ, а подлинная историческая личность русской жизни XII века. Она — дочь могущественного князя Ярослава Владимировича Галицкого, названного в «Слове» Ярославом Осмомыслом, вторая жена князя Игоря, с которой он связал судьбу за год до своего неудачного военного похода.

Проходят столетия, но образ Ярославны, трогательный и прекрасный, по-прежнему волнует воображение, вызывая у читателей чувства восхищения и радости.

Поэтичность, верность и преданность в любви к мужу и к отечеству, забота о русских воинах, защитниках родной земли, горячий порыв взволнованной и страстной души, внутреннее слияние с природой, песенная вырази-

тельность речи — таковы черты народного женского характера, которые воплотились в образе и имени Ярославны.

Яркий художественный образ древнерусской литературы творчески воспринят современной советской поэзией. В стихотворении «Северные Ярославны» Сергей Наровчатов величает этим именем женщин русского Севера, славя их красоту, лебединую походку, былинный росчерк их губ и глаз. Ярославне посвящают свои стихотворения Павло Тычина, Александр Прокофьев, Вера Звягинцева.

Особенно близким и родным для советской поэзии образ Ярославны стал в тяжелые годы военных испытаний. В стихотворении Ольги Берггольц имя Ярославны сближается с образом Отчизны, не сводящей пристальных глаз с защитников Ленинграда:

Так некогда, друга отправив в поход,
На подвиг тяжелый и славный,
Рыдая, глядела века напролет
Со стен городских Ярославна.

Я буду сегодня с тобой говорить

И в стихотворении Людмилы Татьяничевой, где героизм солдат Великой Отечественной войны рисуется на фоне военных побед древней Руси, Ярославна вновь оживает в образах современных русских женщин, умеющих любить и ждать:

Труден путь твой, суровый и браанный.
Но свободной останется Русь,
И тебя я, твоя Ярославна,
В славе подвигов ратных дождусь.

Ярославна

В поэзии военных лет образ Ярославны заметно мужает, обретает черты героической защитницы Родины. Так, от имени партизана Великой Отечественной войны обращается к Ярославне Платон Воронько, образ которой сливается в его поэзии с образом современной молодой женщины, подруги и помощницы воина в борьбе с врагом, вдохновляющей на подвиг:

Победным огнем осиянна,
Путивля родная земля!
Спасибо тебе, Ярославна,
За плач, что сердца окрылял.

За верность, что в каждом столетии
Венчала наш путь боевой,
За песню, что первой на свете
Сменила твой плач вековой!

Ярославна

В военные годы поэт П. Антокольский создает свой цикл «Ярославна»; в нем он дарит это исконно русское имя героической советской девушке, проводившей своего друга на бой с фашизмом:

И моя Ярославна, моя красота,
Пусть участвует в нашем бою.
Ибо песня о ней высоко поднята.
Я о верности женской пою.

К образу прославленной русской женщины, наряду с другими священными именами русской старины, обращалась также военная публицистика. Советский воин стал мудрее, писал Л. Леонов, увидев, как братья «качались в петлях над Одером», как «сестры и невесты горше Ярославны плакали в немецком полоне».

Романтически прекрасный образ героини древней Руси обретает новую силу в очерке бр. Тур «Голос Ярославны». Этот очерк о героической гибели учительницы Ольги Ивановны Нестерович, переплывшей замерзающую реку и босиком бежавшей по снегу, чтобы передать советскому командованию важные сведения о готовящемся наступлении немцев, заканчивается словами:

«Ее хоронили у фронтовой дороги, под низким зимним небом,— древним русским небом, под которым было сложено еще «Слово о полку Игореве». Мимо ее невысокой могилы шли тягачи, громыхали кухни, тяжело гремели гусеницы танков.

Отгремят выстрелы, пройдут танки и времена и, как сказано в вещем «Слове»: «Дружины поганных птицы крыльями прикроют, а звери кровь их вылижут». А память об учительнице Нестерович будет стоять во временах, как голос Ярославны!»

Советская публицистика вот уже четыре десятилетия свято хранит великую память об Отечественной войне, о подвиге народа.

Примером может служить газетный очерк «Ксения, фронтовая прачка», в котором воспоминания о труженицах войны и о русской женщине далеких веков сливаются в единый символ:

«Каждый видит свое. И совсем уж из далекой, древней дали является, соткавшись из воздуха, русоволосая дева, со строгими, в пол-лица глазами, припала к стремяни коня, уносящего ее избранника на бой с проклятыми... Глядит Ярославна, сама Древняя Русь глядит, праматерь наша, вечная солдатка поневоле... Тут врывается в видение мое ровный, спокойный голос Ксении Мартыновны: „Всю Европу прошла я, пять держав, и до Берлина остались считанные десятки верст...“»

Ярким образцом публицистики наших дней является статья Ларисы Васильевой «Женщина и война», в которой поэтесса вновь обращается к образу Ярославны. У Васильевой он международен, общечеловечен и, как и в первоисточнике, соотнесен с темой мира:

«Ярославна рано плачет... Опять Ярославна. Тревожно-нежный голос пронизывает века, напоминая, предостерегая. Кому слышны эти трепетные предостережения в воздухе двадцатого века, израненного двумя мировыми войнами — да только ли имя? В атмосфере предчувствия третьей мировой войны. Женщина стоит перед войной лицом к лицу, ненавидит и страшится ее, ибо идея войны противоречит существу, дающему жизнь».

Поэтесса расширяет смысл имени Ярославны, относя его к миллионам женщин планеты, и заканчивает свое публицистическое слово о женщине пророческими словами: «С тех пор, как отгремели залпы победного салюта в мае 1945 года, прошло без малого сорок лет. И если за это время не случилось всемирного взрыва, если человечество могло более или менее спокойно совершать свой земной путь, то большая заслуга в этом принадлежит маленькой женщине-матери человечества, идущей в многомиллионной толпе борцов за мир на площади и улицы городов сказать «Нет!» войне... Такая женщина готова стоять перед войной насмерть. Она сделает все, чтобы этой войны не допустить».

Русская женщина XII века, тоскующая в тревоге за мужа и его воинов; плачущая в разлуке жена; вечная солдатка; героиня Великой Отечественной войны; бесстрашная защитница мира на всей планете — таков образ Ярославны, неизменно сопутствующий русскому народу на всех этапах его исторической жизни.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Рисунок В. Леонова

К 100-летию
со дня рождения

**Я. М. СВЕРДЛОВ —
пламенный трибун
революции**

«В Пантеоне всемирной революции,— писал А. В. Луначарский,— среди большевистской старой гвардии, столь богатой фигурами, полными сил и драматизма, фигура Свердлова стоит на одном из первых мест» (Рассказы о Свердлове. Сб. воспоминаний. М., 1982, с. 215).

Первый Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Яков Михайлович Свердлов был прекрасным оратором и пропагандистом. Его ораторское мастерство ковалось еще на подпольной работе, когда он руководил кружками рабочих, вел политические занятия, организовывал диспуты по разным вопросам и сам в них участвовал.

В первые годы Советской власти Я. М. Свердлов много выступал в разных городах нашей страны на митингах и съездах с приветствиями и обращениями к различным категориям населения, писал воззвания, резолюции, открытые письма.

По свидетельству современников, для Свердлова были характерны уверенная и убеждающая интонация, сильный, хорошо поставленный голос, решительные жесты, темпераментность выступления. Л. А. Фотиева вспоминает: «Я поражалась, как он умел подчинить своей воле многие сотни, а порой и тысячи людей. Его могучий голос перекрывал любой шум, его сильная воля покоряла

массу. Он быстро наводил порядок в самой шумной шершавой аудитории и овладевал собранием» (Яков Михайлович Свердлов. Сб. воспоминаний. М., 1959, с. 30).

Свердлов был пламенным трибуном революции; он был мастером митинговой речи, того жанра социально-политического красноречия, который получил большой размах в годы Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. Его, как правило, короткие речи всегда носили острополитический и мобилизующий характер, отличались яркой эмоциональностью и простотой изложения, были насыщены публицистической лексикой и фразеологией, экспрессивными средствами языка, лозунгами, призывами.

Для примера обратимся к двум работам Я. М. Свердлова — устному выступлению и публицистическому произведению, которые близки и по времени создания (февраль 1919 г.), и по манере изложения, по лексике и фразеологии. Это соединение двух начал — ораторского и публицистического — характерно для всей творческой работы Я. М. Свердлова.

*

23 февраля 1919 года, в годовщину создания рабоче-крестьянской Красной Армии, Я. М. Свердлов произнес речь на заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов (Свердлов Я. М. Избранные произведения. Статьи, речи, письма. М., 1976, с. 275—278). Построение речи предельно просто. С первых же слов, после приветствия, оратор переходит к существу вопроса: «Год тому назад декретом Всероссийского ЦИК был решен вопрос о создании рабоче-крестьянской армии».

Затем Я. М. Свердлов рассматривает этапы, которые прошла наша армия, и противопоставляет ей сначала старую царскую армию, а затем армии капиталистических держав, борющихся против Советской России. Изложение идет по двум контрастным линиям: боеспособность армий ряда западноевропейских стран вследствие деморализации резко уменьшается, а рабоче-крестьянская армия, защищающая свои кровные интересы, с каждым днем растет и крепнет. В заключение оратор определил задачи, стоящие перед Красной Армией на данном этапе, и подготовил, таким образом, аудиторию к восприятию лозунга, зовущего массы к сплочению. «Да здравствует Красная Армия, да здравствует международная солидарность рабочих и крестьян!»

Идейно-композиционное противопоставление в речи обеспечивается различными языковыми средствами и приемами. Прежде всего бросается в глаза употребление местоимений *мы* (Советская власть, рабоче-крестьянское правительство) и *они* (западноевропейские агрессоры и белогвардейцы) в прямой и в косвенной формах (*мы — они, мы — у них, у нас — у них*): «Если мы прислушаемся к тому, что говорят о нашей Красной Армии наши противники..., мы увидим, что и англичане, и французы все в один голос говорят о том, что в то время, как у них армия все больше разлагается, боеспособность их армии нарушается, уменьшается, у нас в России происходит наоборот». Местоимение *мы* проходит по всей речи и количественно преобладает над *они*. Следует отметить и такой факт, что *мы* «интимизирует» изложение, то есть сближает оратора с аудиторией, с одной стороны, и подчеркивает их общность, единство — с другой.

*

В этой речи противопоставление усиливается синтаксическим параллелизмом (повтором). Оратор использовал здесь фразы-периоды, такие сложные синтаксические построения, ритмичность которых сообщает речи высокую эмоциональность. Два периода композиционно как бы обрамляют главную часть, они расположены в начале и в конце ее. Первый, более сложный, период состоит из нескольких однотипных предложений, построенных на антитезе. Он заканчивается своеобразной синтаксической градацией, нагнетанием параллельных синонимичных фразеологизмов: «Это сознание заставляет его [рабочего, крестьянина] сомкнуть плотнее ряды, становиться плотнее друг к другу и ударить на врага сильнее». С помощью системы градаций возрастает экспрессивность речи.

А вот как звучит концевой период: «Мы не только создали армию, которая способна на деле отстаивать социалистические завоевания, не только создали армию, которая способна отражать удары белогвардейцев на всех фронтах, но мы создали армию, которая в настоящее время служит примером для наших западноевропейских братьев, западноевропейские рабочие у нас учатся, как строить свои рабочие рати, чтобы идти на штурм капитализма».

Примером синтаксического параллелизма может также

служить анафора, состоящая в повторении начального слова. Я. М. Свердлов на протяжении всей речи повторяет местоимение *мы* с глаголом: *В тот момент мы имели перед собой..; Если мы посмотрим.., то мы поразимся..; В настоящее время мы имеем...* Однако к концу речи повторение этой модели происходит уже в начале предложения: *Мы видим ясно, как..; Мы можем сказать, что..; Мы уверены, что..; Мы знаем, что...*

Большой экспрессией обладает прилагательное *красный*. Оно проходит через всю речь, многократно повторяясь в названии нашей армии. В зачине речи *красный* выполняет чисто символическую роль: *красный Совет, красный пролетарский город* — здесь это прилагательное еще отсутствует в названии нашей армии (она определяется как *рабоче-крестьянская*). Затем *красный* переходит в состав названия — *Красная Армия*. В конце речи символика находит свое подкрепление в сочетаниях *красный рабочий флаг, красное знамя*: «Мы уверены, что рабоче-крестьянская Красная Армия России удержит красное знамя в своих руках...»

В речи дается и характерное противопоставление *красный — белый*: *Красная Армия — белогвардейские банды; красный рабочий флаг — белый флаг*. При этом для характеристики Красной Армии оратор подбирает положительные эмоционально-оценочные слова, синонимы: *лучшая боеспособность, наиболее дисциплинированная армия в мире; крепкие, сплоченные, боеспособные отряды нашей доблестной Красной Армии; мощная, крепкая рабочая армия*. Врагов же молодой республики он характеризует отрицательно экспрессивно — *белогвардейские банды; армии капиталистических держав* — посредством местоименных и наречных слов: *их армия, у них армия, армия там*, снижая тем самым их значимость.

Противопоставление этой линии заканчивается так: «...мы можем сказать, что близки те дни, когда вся Донская область будет очищена от белогвардейцев и там везде будет развеяться красный рабочий флаг, вместо того белого флага, который до сих пор развеялся».

Речь насыщена эмоциональной, стилистически разнообразной фразеологией и лексикой, отражающей революционный пафос: *написать на своем знамени всеобщий мир; плотнее спланировать свои ряды; великая и грозная опасность; восторгается рабочей властью, международная солидарность рабочих и крестьян; творить, созидать, востор-*

жестовывать, отечество, эпоха, доблестный; сниженные и разговорные слова составляют незначительную часть — о врагах: гнать, разбить, очистить, банды, атаман и др. Используется книжная, общественно-политическая терминология: декрет, капитализм, пролетариат, агитатор, фронт, армия, полк.

*

Теперь рассмотрим «Письмо ЦК РКП(б) комитетам, организациям Российской Коммунистической партии, всем членам партии», опубликованное в «Правде» 8 февраля 1919 года (Свердлов Я. М. Избранные произведения, с. 267—274). В этом публицистическом письме рассмотрены два вопроса: во-первых, задачи партийного строительства в первые годы Советской власти и партийного руководства социалистическим хозяйством в городе и деревне, организационной работы по укреплению партийных рядов; во-вторых, борьба рабочего класса за свое освобождение и за новую жизнь.

Композиция письма отличается от построения речи. Изложение материала в письме строится вокруг основной темы — задач партийного строительства и партийного руководства. После краткого обращения Я. М. Свердлов начинает текст с делового зачина: «Дорогие товарищи! На нашу партию, партию революционного пролетариата, выпала почетная, но и крайне тяжелая работа». После рассказа о борьбе рабочего класса оратор вновь возвращается к партийному вопросу: «Тяжелую ношу взвалили трудящиеся массы на Российскую Коммунистическую партию»; «Трудные, многообразные задачи приходится выполнять нашей партии».

В соответствии с идейно-содержательным замыслом письма все языковые и стилистические средства распадаются на две группы, существенно отличающиеся друг от друга. Изложение основного партийного вопроса дается в стиле официального документа. Общественно-политическая лексика и фразеология здесь более стандартны, менее образны и эмоциональны, чем в речи, хотя и публицистические ноты остаются сильными и заметными. Так, наиболее употребительны устойчивые выражения делового и терминологического характера (*твердая дисциплина, руководящие силы, первейшая обязанность члена партии, ответственные посты, организационная работа*), от-

глагольные существительные, входящие во фразеологические обороты (*понимание задач, поднятие на должную высоту, разрешение вопросов*), словосочетания с неполнозначными глаголами (*принимать участие, направить усилия*); для синтаксических средств характерны распространенные предложения, прямой порядок слов, инфинитивные предложения со значением необходимости (*Необходимо помнить...; Необходимо добиться...*).

Часть письма, в которой рассматривается второй вопрос — борьба рабочего класса за свое освобождение, характеризуется обличительным пафосом, чувством ненависти к эксплуататорам и их пособникам. Она написана яркими красками, насыщена публицистической лексикой и фразеологией, экспрессивными синонимами и др. Все эти средства мы наблюдали и в митинговой речи с той лишь разницей, что в письме они отличаются большим разнообразием и колоритом. Однако если в речи преобладали положительно окрашенные элементы, то в письме происходит накопление отрицательной экспрессии. Объясняется это тем, что перед Я. М. Свердловым стояли разные задачи. В речи он должен был показать авторитет и доблесть молодой Красной Армии, вдохновить слушателей и призвать их к борьбе и победе. Для этого нужны самые высокие слова. В письме же стояла другая задача — разоблачить сущность империалистических эксплуататоров и агрессоров, мобилизовать народные массы на защиту своих завоеваний. Здесь публицист выбирает резко отрицательные интонации.

*

Выразительным приемом оказалось анафорическое построение двух абзацев, начинающихся попарно соединенными отрицательно окрашенными синонимами. Инверсия и параллелизм подкрепляют экспрессию. Приведем начало одного абзаца: «Тюрьмами и каторгой, виселицей и расстрелами пытаются остановить капиталисты различных стран борьбу рабочего класса за свое освобождение». Другой абзац начинается так: «Подкупом и обманом, ложью и клеветой, силой и угнетением заставляют они еще несознательные, еще темные слои рабочих и крестьян вести войну с трудящимися массами России».

А вот пример градации: «Призыв нашей партии к вооруженному восстанию против грабительской политики

хищников-империалистов, к свержению власти эксплуататоров и шедших с ними заодно соглашателей — меньшевиков и эсеров, Черновых и Церетели, Авксентьевых и Данов, Керенских и Либеров, — наш призыв был подхвачен миллионами, десятками миллионов рабочих и крестьян».

Через всю эту часть письма проходит опорное слово *хищник*, положенное в основу обличительной метафоры (*хищники-капиталисты, хищники-империалисты*) и повторяющееся в тексте в разных вариантах (*грабительская политика хищников-империалистов, кольцо хищников, хищнические цели войны*). Для разоблачения классовых врагов Я. М. Свердлов использует серию метафор: *тяжелое ярмо буржуазного господства; мертвую петлю оденут белогвардейцы, зажмут в железные тиски рабочих и крестьян; туман лжи*.

Большую роль в усилении положительной экспрессии играет употребление лозунгов, что также является общим для речи и для письма; при этом в письменной форме важно и графическое выделение лозунгов (графика задерживает внимание): «Выставив на своем знамени: „Всеобщий мир между народами“; „Право каждого народа устраивать свою жизнь по своему свободному решению“, — рабочие и крестьяне должны были после роспуска старой армии перейти к созиданию новой, Красной рабоче-крестьянской армии». Положительно окрашивает текст яркая метафора: «Поднятое им [рабочим классом России] знамя коммунистической революции стало ярким факелом, путеводной звездой для борющихся за свое освобождение рабочих масс во всех странах».

Ораторское и публицистическое наследие Я. М. Свердлова для современных пропагандистов и агитаторов является примером литературного мастерства, а его жизнь и деятельность — образцом служения и преданности революционному делу. Знаменательны в этом смысле слова В. И. Ленина: «Тов. Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 74).

М. В. ОРЕШКИНА

Рисунок В. Леонова

**БЮЛЛЕТЕНИТЬ,
ТЕМПЕРАТУРИТЬ,
УМНИЧАТЬ,
СТОЛЯРНИЧАТЬ**

Разговорные слова
в современной речи

В современном русском языке чрезвычайно широко употребляются слова сниженной тональности (в словарях они обычно оцениваются как разговорные или просторечные), образованные от сочетаний: *зачетная книжка — зачетка, работник порта — портовик, работать слесарем — слесарить, чистить вещи пылесосом — пылесосить*. На стилистические качества слова влияет множество факторов: его значение и сфера употребления, эмоционально-оценочные наслоения, степень новизны или традиционности, социальная отнесенность и др. Взаимное и перекрещивающееся действие этих факторов и создает сложную картину стилистических оттенков, определяя место слова в системе языка. Структура слова также оказывает влияние на его качества.

Иными словами, стилистическая гибкость русского языка проявляется не только в многообразии синонимов, но и в словообразовательных вариантах. Как синонимы способны передавать смысловые, эмоциональные и функциональные оттенки разных контекстов (*написать, настроить, накатать, намарать*), так и словообразовательные варианты обычно употребляются в разных стилях речи и имеют смысловые и экспрессивные различия. Например, в ряду *секретарствовать — секрета-*

речь значение первого глагола свободно от дополнительных оттенков, то есть слово стилистически нейтрально, а второй глагол, употребляясь в том же значении «работать секретарем, исполнять обязанности секретаря», отличается своей сниженной, фамильярной окраской и употребляется обычно в разговорной речи: «Самгин догадывался, что она секретарствует в местном комитете и вообще играет большую роль» (Горький. Жизнь Клима Самгина); «— Вы на газетной работе давно? — Не очень. Два лета был на практике, да кроме того, секретарил в университетской многотиражке» (Берггольц. Журналисты).

Таким образом, существуют не только известные книжные словообразовательные средства (суффиксы *-ение*, *-ство*, *-ировать*, приставки *воз-*, *низ-* и т. п.), но и типичные разговорные модели. Об одной такой словообразовательной модели речь шла в статье «Активный суффикс *-ик*» (Русская речь, 1981, № 5), теперь расскажем о словах на *-и(ть)* и *-нича(ть)*: *слесарить*, *слесарничать*, *столярить*, *столярничать*, *балагурить*, *лодырничать*, *каламбурить*, *пылесосить*, *откровенничать* и т. п. Такие глаголы образуются от основ имен прилагательных и существительных и называются отыменными. Все они свойственны непринужденной речи, их отличительные свойства — лаконизм, экспрессия, сниженность, дополнительные смысловые оттенки.

Традиционно основным значением этих глаголов было «род деятельности, занятий»: *маллярить* — *маллярничать*, *портняжить* — *портняжничать*, *скорняжить* — *скорняжничать*, *слесарить* — *слесарничать*, *столярить* — *столярничать*, при этом между глаголами на *-ить* и *-ничать* почти не было смысловых и стилистических различий. Другое значение — «быть кем-либо, поступать подобно кому-либо»: *балагурить* — *балагурничать*, *грубиянить* — *грубиянничать*, *обезьянить* — *обезьянничать*, *проказить* — *проказничать*. В этой группе глаголов уже можно обнаружить смысловые различия: значение поведения более свойственно глаголам на *-ничать*. Не случайно множество таких слов не имеют соответствующей пары с суффиксом *-и(ть)*: *лоботрясничать*, *паясничать*, *попугайничать*, *ротозейничать*.

Только глаголы на *-ничать* имеют значение «проявлять черты характера, свойства личности (обозначенные в основе)»: *важничать*, *великодушничать*, *деликатничать*, *наивничать*, *насмешничать*, *оригинальничать*, *осторожничать*, *откровенничать*, *своевольничать*, *скромничать*, *умничать* и др. Глаголы этой группы имеют отчетливо выраженную отрицательную окраску (неодобрения, порицания), которая вполне естественна, когда глагол образуется от имени существительного или прилагательного отрицательной качественной характеристики: *схидный* — *схидничать*, *подхалим* — *подхалимни-*

чать. Экспрессия суффикса *-нича(ть)*, таким образом, легко и естественно сочетается со стилистически сниженными разговорными и просторечными словами. Однако в XIX веке соединение книжных слов с разговорными и просторечными суффиксами было распространенным явлением и не противоречило нормам: *аристократничать*, *идеальничать*, *наивничать*, *обскурантничать*, *филантропничать* и т. п. (см.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965).

Новообразования последних десятилетий показывают, что сниженный суффикс *-нича(ть)* с легкостью соединяется даже с основами слов, обозначающих некие «положительные» и даже «возвышенные» свойства личности: *активный* — *активничать*, *виртуозный* — *виртуозничать*, *гениальный* — *гениальничать*, *гуманный* — *гуманничать*, *интеллигентный* — *интеллигентничать*, *принципиальный* — *принципиальничать* и т. п. Такие образования отличаются особой стилистической выразительностью: обозначают действия, предосудительные с точки зрения говорящего. Как правило, в значении глагола возникает смысловой сдвиг — оттенок «проявлять какое-либо свойство чрезмерно или неуместно». Глагол *принципиальничать* невозможно употребить в нейтральной речи в значении «быть принципиальным, проявлять принципиальность», он употребителен только в сниженных контекстах: «А некоторые принципиальничают. Аптенну для телевизора попросил согнуть, так заговорили: „Мы рабочие, мы на фабрике, а не у твоей тещи“» (Комс. правда, 1965, 15 дек.).

Глагол *дипломатничать* имеет значение «говорить или действовать не прямо, а скрывая свои истинные чувства и намерения»: «Самедов взглянул сочувственно... Не умея дипломатничать, сказал: „Ничего, годы твои немалые, все равно скоро на пенсию“» (Коптяева. Дар земли); «Максим: Я прямо и без обиняков написал ей все, что о ней думал! Я не очень-то вилял и дипломатничал» (Арбузов. Встречи с юностью).

Глаголы на *-ничать* обычно соотносятся с именами существительными, обозначающими лицо (как во всех рассмотренных нами случаях), а глаголы на *-ить* — с существительными, обозначающими предмет (обычно инструмент или объект действия), и имеют значение «производить какие-либо действия»: *грязнить*, *желтить*, *кислить*, *прямить*, *светлить*, *тупить*, *ваксить*, *одеколонить*, *перчить*, *лопатить*, *приклонить*, *утюжить*, *графить*, *дырять*, *запротоколировать* и т. п.

Однако в современном словоупотреблении разрушаются эти прямолинейные связи, глагол может образоваться от самых различных словосочетаний и иметь самые разнообразные значения: *авралиить* — работать в лихорадочной спешке; *бюллетениить* — иметь

больничный листок, «бюллетень»; *диетничать* — соблюдать диету; *температурировать* — иметь повышенную температуру. Множество таких образований зафиксировано в справочнике «Новые слова и значения» (под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971): *заякорить* — поставить на якорь; *камеральничать* — производить камеральную (т. е. кабинетную, в отличие от полевой) обработку материалов; *опредметить* — соотнести с вещами, предметами; *разболтить* — вынув, сняв болты, освободить что-либо; *раскавычивать* — раскрывать кавычки, приписывать себе сказанное другими; *оморачить* — приучить к морю и т. д. А вот примеры из газет и художественной литературы: «Мне очень жаль Николая Литвина — бригадира комсомольско-молодежной бригады слесарей-сборщиков. Он уже почувствовал на себе действие принципа „план любой ценой“. Четверо суток „авралила“ его бригада» (Комс. правда, 1964, 8 мая); «Машинистки бюллетенят» (Привалов. Одним пальцем); «— Можно и в ресторанчике душу отвести, — сразу согласился Иван Сергеевич. — Жаль, Шустин диетничает, а то посидели бы хорошей компанией» (Кукушкин. Хозяин); «Оба они работали шоферами-сменщиками, оба калымили и выручку делили пополам» (Семин. Семеро в одном доме); «Дождь пошел. Иван Егорыч никого не пустил на полевые работы: „Будем камеральничать, вписывать поправки в пикетажные записи“» (Атаров. Коротко лето в горах); «Чувствовалось, что с новичком старпому и боцману придется повозиться... — Ну, что ж, попробуем оморачить» (П. Капица. Ревущие сороковые); «Тер-ри-кон — танец для изобретательного ума... Попробуйте и подумайте, понравился ли вам танец — терриконьте на здоровье! Не терриконят» (Комс. правда, 1964, 6 сент.).

Как видно из приведенных примеров, одни слова получили широкое распространение, вошли в словари литературного языка с соответствующими пометами: *бюллетенить*, *температурировать*. Другие остаются на периферии языка, выделяясь своей экспрессивностью (*авралить*) или являясь профессиональными (*камеральничать*). Наконец, большую группу глаголов составляют окказионализмы, то есть слова, порожденные ситуацией, когда говорящий воспользовался готовой моделью и создал слово «па случай», для конкретной фразы (*оморачить*, *терриконить*).

Многочисленные разговорные глаголы на *-ить* и *-ничать* интересны для исследователей как живой источник, из которого со временем одни слова войдут в язык, а другие «отомрут» и будут забыты.

Г. Н. СКЛЯРЕВСКАЯ,
кандидат филологических наук
Ленинград

ЧИСЛА И ОБРАЗЫ:

ДЕСЯТНИК —
ШЕСТИДЕСЯТНИК,
ТЫСЯЧНИК —
ТРИДЦАТИТЫСЯЧНИК

Словарный состав языка находится в непрерывном движении. Одни слова уходят, другие приходят. Но нередко бывает так, что слово, которое ушло из языка, снова возвращается в него, приобретая другое, новое значение. Покажем это на словах *десятник*, *сотник*, *тысячник*.

В древнерусском языке слова *десятник*, *сотник*, *тысячник* входили в одну тематическую группу. Они обозначали начальников десятен, сотен, тысяч, на которые делились население и войско. В дальнейшем семантическое развитие этих слов пошло разными путями. С XVI века, когда было организовано стрелецкое войско, *десятник* и *сотник* стали обозначать лиц, командующих десятью и ста воинами. В 20-е годы XVIII века, после упразднения стрелецкого войска, *десятник* и *сотник* выходят из употребления: значение военного чина у них теряется. Однако развитие этих слов все же продолжалось. Так, у слова *десятник* появляются другие значения.

В «Истории Пугачева» А. С. Пушкина читаем: «За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца»; здесь *десятник* — командир десятка в войсках Пугачева. К XIX веку у этого слова на базе старого значения развивается новое, что можно установить, сравнивая данные словарей того времени. Если в «Словаре Академии Российской» (1806—1822) одно из значений — «поставленный над десятью», то в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) находим — «надсмотрщик над работниками», и Толковый словарь В. И. Даля отражает установившееся значение — «ныне большак над рабочими, мастеровыми, низшая степень надсмотрщика, укащика, парядчика».

В наше время слово *десятник* приобрело более специализированное осмысление — лицо низшего технического персонала, старший над группой рабочих, обычно на строительстве: «Вавила приходил на покос только раз в неделю. Он теперь работал на шоссе десятиником» (Тарасевич. Охотник Аверьян). Значение же «начальник над десятью воинами» в толковых словарях советской эпохи отмечается как устаревшее.

Не без влияния слова *десятник* появляются *шестидесятник*, *семидесятник*, *восьмидесятник*, образованные по аналогии с *пятидесятник* (начальник над пятьюдесятью воинами, которому непосредственно подчинялся десятиник). Во второй половине XIX века слово *пятидесятник* приобретает значение «общественный прогрессивный деятель 50-х годов». Именно в это время появились и слова *шестидесятник*, *семидесятник*, *восьмидесятник* как обозначения общественных деятелей 60-, 70-, 80-х годов, выражавших передовые идеи этих лет: «Ножин принадлежал к тем характернейшим деятелям эпохи, к тем „энергичнейшим умам“, для которых два начала — личное и общее — находились в нерасторжимом единстве, породившем, собственно, сам термин „шестидесятник“» (Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин).

Интересна судьба слова *сотник*. Оно с начала XVIII века стало обозначать старшего офицера в казачьих войсках. В этом значении слово просуществовало до 1917 года, до отмены военных чинов дореволюционной России.

Казалось бы, слова *сотник* и *тысячник*, входя в одну и ту же тематическую группу, должны бы в своей эволюции пройти одинаковый путь развития значений или их дифференциации. Тем не менее слово *тысячник* развило совсем другие значения. У него появилось значение «главный распорядитель в русском свадебном обряде», которое вышло из употребления к XIX веку. Но это слово оказалось очень жизнеспособным. В значении «богач, обладатель тысячного капитала» оно употреблялось в XIX веке в разговорно-обиходной речи как синоним к словам *богач*, *богатеи*: «Миллионщиков за Волгой нет, тысячников много... Много за Волгой таких, что десятками тысяч капиталы считают» (Мельников-Печерский. В лесах).

В XX веке судьбы слов *сотник* и *тысячник* снова пересеклись. У них появились сходные значения. Они вернулись в язык как в составе сложных слов, так и отдельно для обозначения новых общественных явлений: *двадцатипятидесятник*, *пятисотник*, *стотысячник*, *двухсотник*, *трехсотник* и др. Словом *двадцатипятидесятник* называли тех, кто по призыву партии поехал в числе 25 тысяч коммунистов на хозяйственно-организационную работу в деревни в начале 1930 года. *Пятисотником* — участника движения маши-

нистов, которые обеспечивали пробег локомотивов 500 километров и более в сутки при безаварийной работе и экономии топлива; это движение возникло в конце 1935 года. Шофера, добивающегося пробега автомобиля свыше 100 тысяч километров без капитального ремонта, называли *стотысячником*; движение началось по почину И. И. Мальцева в 1936 году.

В начале Великой Отечественной войны появляется слово *двухсотник* со значением «участник движения рабочих, выполнявших 200 процентов норм выработки за один рабочий день». Вот как отмечали газеты появление этого слова: «На наших заводах слово „двухсотники“ появилось месяц назад. Разумеется, и раньше некоторые рабочие выполняли две ¹/нормы, но их было немного. А в дни Отечественной войны все рабочие сразу подхватили лозунг: „Выполнять не менее двух норм!“ Началось массовое движение двухсотников» (Комс. правда, 1941, 16 авг.); «Это слово появилось недавно на передовых предприятиях страны. Двухсотники — это стахановцы военного времени» (Комс. правда, 1942, 6 авг.).

В 40-е годы были образованы и другие слова, обозначающие участников движения рабочих-сотников, — *трехсотник*, *четырёхсотник*, *многосотник*: «Комсомольцы этих мастерских, среди которых — около 50 двухсотников, трехсотников и даже четырехсотников, — живут полнокровной, полезной производственной жизнью» (Комс. правда, 1941, 7 сент.).

Все эти названия сейчас ушли в пассивный словарный запас. Но существование их в языке не прошло бесследно. Именно под влиянием *двухсотник*, *трехсотник*, *четырёхсотник* и *многосотник* вернулось в язык и само слово *сотник* в значении «участник движения за стопроцентный результат по каждому показателю»: «По инициативе молодежи на заводе началось движение „сотников“ — за 100-процентный результат по каждому показателю» (Известия, 1979, 8 авг.). Это значение *сотник* зафиксировано в словаре-справочнике «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 79».

Вслед за движением рабочих-сотников во время войны появляются рабочие-тысячники: «„Все для фронта, все для победы над врагом!“ — под этим лозунгом партии, проникшим в самую толщу народных масс, ширилось движение двухсотников, трехсотников, тысячников, то есть тех, кто своим ударным трудом перевыполнял производственные нормы в два, в три, в десять раз...» (История КПСС в 6 томах. Т. 5, кн. I. М., 1970, с. 441).

Слово *тысячник* стало обозначать участника движения передовых рабочих, выполнявших по десять или более норм (тысячу процентов) выработки за одну рабочую смену. Это движение, инициатором которого был фрезеровщик Д. Ф. Босый, зародилось на Урале в феврале 1942 года: «Тысячниками стали у нас люди самых

разных профессий» (Известия, 1942, 30 апр.). Это слово можно встретить в современной публицистике в значении «тот, кто вырабатывает рекордную норму в тысячах единиц чего-нибудь»; «„Тысячниками“ называют на Севере лесорубов, которые добывают за месяц тысячу и более кубометров» (Комс. правда, 1963, 4 янв.); «Использование передовых приемов труда позволило его бригаде твердо встать в ряды „тысячников“. Так здесь называют коллективы, добывающие по тысяче и более тонн руды в сутки» (Правда, 1984, 18 апр.).

Кроме того, *тысячник* выступает как опорный компонент в сложных словах, образованных по модели «числительное в род. падеже и *тысячник*».

Интересно, что слова со второй частью *-тысячник* имеют как раз то значение, которое словарь Д. Н. Ушакова указывал с пометой «новое» в *тысячник*, — «лицо, командированное куда-нибудь в числе тысячи других». При этом первая часть слова уточняет число: сколько именно тысяч. *Тридцатитысячник* — так в 50-е годы называли тех, кто по призыву партии в числе 30 тысяч добровольцев — опытных кадров — поехал руководить колхозами. Образуются сложные слова со значением «тот, кто вырабатывает рекордную норму в нескольких тысячах единиц чего-нибудь»: «Все призовые места в районе за уборку получили учащиеся ПТУ. Были у нас тринадцати- и двенадцатитысячники. В среднем же ребята намолотили на комбайне по 9100 центнеров, что в два раза лучше среднего показателя по району» (Комс. правда, 1979, 16 июня).

По той же модели образуются сложные слова со значением «насчитывающий в своем составе, охватывающий несколько тысяч каких-либо единиц»: «К разведке готовятся опытейшие мастера, известные во всем мире сложнейшими восхождениями. Они носят звание „снежных барсов“, которое присваивается за покорение всех четырех „семитысячников“ нашей страны» (Правда, 1979, 20 февр.), *семитысячник* — вершина высотой семь тысяч метров над уровнем моря; «— Как покажут себя новые хранилища в разных поясах страны — судить не берусь. Что касается использования „десятитысячника“ в нашей и соседней Брянской области, то результаты тут более чем обнадеживающие» (Правда, 1978, 2 авг.), *десятитысячник* — картофелехранилище на 10 тысяч тонн.

Так, за свою долгую жизнь в языке слова *десятник*, *сотник*, *тысячник* не раз меняли свои значения, устаревая в одних и приобретая другие. Появление этих слов обусловлено потребностями в обозначении новых реалий, а также системными отношениями в лексике и продуктивностью в языке тех моделей, по которым они образуются.

К. А. СОЛИЕВА

Читая словарь «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ»

Толковые словари русского языка, выполняя культурно-историческую, научную и воспитательную миссии, всегда несколько отставали от своего времени. К моменту их выхода неизбежно оставался пласт лексики, который пробуждался к жизни в период создания того или иного словаря и не попадал на его страницы.

Темпы жизни нашего времени, все убыстряющееся ее течение периода НТР выдвинули перед русской наукой о языке настоятельную необходимость своевременной регистрации потока рождающихся слов и выражений. Первым ответом на это требование эпохи явилось появление словаря-справочника «Новые слова и значения», который был подготовлен по материалам прессы и литературы 60-х годов коллективом ленинградских лексикографов под руководством Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. В 1984 году издательство «Русский язык» выпустило такой же словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов (под редакцией Н. З. Котеловой). Теперь, можно полагать, описание новой лексики станет традицией русской лексикографии.

Материалами словаря послужили обследованные тексты прессы и литературы разных жанров за три года — 1973—1975 и дополнительно за два года — 1972 и 1976. Следует обратить внимание на два принципа, которые положены в основу словаря: 1) строго выдержанный хронологический признак новых слов и выражений и 2) четко очерченный круг источников. Эти два принципа оказались очень важными для решения основной проблемы теории новых слов (неологии) — определения самого понятия нового слова (до сих пор, как известно, категория этих слов в науке не имеет единой, общепринятой трактовки).

Составители словаря разработали и претворили в практику лексикографии теоретическое понятие новых слов, исходя из двух основных признаков — времени и «языкового пространства», то есть сферы и жанра употребления. Неологизмы понимаются словом как «такие слова какого-либо периода, которых не было в

предшествующий период» (Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов.— сб. Новые слова и словари новых слов. Л., 1978), но непременно принадлежащие строго определенной сфере употребления — национальному языку, литературному, разговорному либо какой-то терминосфере.

В словарь вошли новые слова и сочетания слов двух категорий (около 5500 словарных единиц). Прежде всего это слова, называющие новые реалии, вещи, предметы и явления производственной жизни, общественных отношений, развития науки, техники и культуры, новые черты быта советских людей, то есть лексика, возникновение которой обусловлено социальными, экстралингвистическими причинами: *агрокомплекс, БАМ, видеопластинка, гамма-телескоп, голографирование, Знак качества, иглоукалывание, лавинорез, луноход, планетология, радиохirurgия, сад-ясли, спортан, токамак, универсам, фианит* и др. Появление другой группы обусловлено различными тенденциями и процессами внутриязыкового развития (такими, как экономия языковых средств, рост экспрессивных и выразительных свойств языка и др.): *автодорога, автопроисшествие, гидроресурсы, главмех, разведотдел, районка, семхоз, темплан, термичка, термояд, физматшкола* и др.

Словарь включает и новые сочетания слов: *выйти на финишную прямую, красная суббота, под ключ, рабочая встреча, трудовой семестр*. Большую группу представляют так называемые вхождения: заимствования из диалектов и жаргонов (*белолістка, задергушка, марафет*); заимствования из других языков (*багги, икебана, каратэ, слайд, фломастер*). В новое издание включены слова и сочетания слов, известные ранее, но получившие новые значения (в словаре они отмечены звездочкой) — так называемые семантические неологизмы; здесь их — 630, то есть 11,5 процента от общего состава словаря. Это позволяет утверждать, что словарный состав языка в 70-х годах в основном пополнялся за счет новообразований и заимствований, рост же семантических неологизмов происходил значительно медленнее. Вот примеры старых слов, в которых развились новые значения: *база* — показатели, характеристики, берущиеся за основу, типовой вариант, норму; *дозорные* — о группе народного контроля, о членах такой группы; *классик* — тот, кто занимается классической борьбой (преимущественно в речи спортсменов); *суббота, красная суббота* — то же, что Ленинский коммунистический субботник.

Словарь не только называет новую лексику, пришедшую в литературное употребление в этот период, но и во многих случаях показывает специфику ее стилистической или эмоционально-экспрессивной окраски, тем самым выполняя нормативные функции. Так, регистрируя новые слова, составители не могли быть в стороне

от живых тенденций развития русской речи, от ее разговорной и просторечной стихии. Поэтому совершенно закономерно помещение в словарь лексики, находящейся на периферии литературного языка, но подача этих слов сопровождается специальными пометами, которые свидетельствуют о выразительных функциях данного слова в литературной речи. Помета в разг. речи используется для стилистической характеристики слов и сочетаний типа *вѣлик, мультик, мультяшка, многоэтажка, еще не вечер, катить бочку на кого; в простореч. — бормотуха, кранты*.

Находим в новом словаре и слова из различных профессиональных сфер, которые получают употребление в широкой печати. Некоторые из этих слов имеют пометы: в проф. речи (*метротрасса, обетонированный, валоемкий, гофротара*); в разг. проф. речи (*валовка, генералка — генеральная репетиция, трехсотка*).

Важную роль выполняет справочный отдел, которым завершается каждая словарная статья. Сведения, заключенные в этом отделе, необходимы в словарях подобного типа. Ведь многие слова могут восприниматься как окказионализмы, являющиеся принадлежностью лишь определенного контекста. Представленный же здесь полный перечень источников, в которых встретилось данное слово, и указания на энциклопедии и словари, зарегистрировавшие его, дают объективную информацию о распространенности слова (или выражения), о сфере его употребительности, о степени вхождения в язык.

В справочном же отделе читатель найдет и сведения о способе образования слова или указание на источник его заимствования. Эти данные помогают раскрытию значения слова, облегчают восприятие и усвоение его, разграничивают собственно заимствования и образования с интернациональными элементами. Например, слово *олигомеры* — не заимствование, а образовано в родном языке от интернациональных элементов: *олиго-* (содержащий что-либо меньше нормы) и *-меры* (ср. *полимеры*); *космизация* — *косм-* (космический) и *-изация*.

Правда, в отдельных случаях словообразовательный анализ подменяется морфологическим. При этом указания на источники заимствования, сами по себе вызывающие большой интерес, приведены недостаточно последовательно; многие заимствования лишены этих сведений. Не называется исходное слово, например, у слов *мумие, кася, кешью, феромон, трикони, тодес* и др.

В словаре отмечены разные варианты слов: орфографические (*каланхое и каланхоэ, киббуц и кибуц, каратэ и карате, капокорень и капо-корень, нототения и нотатения*), словообразовательные (*облепиховый и облепихный, костроплита и костраплита, квадрафония и квадрофония*), фонетические (*джинсовый и джинсовый*,

киноиндустрия), лексические (видеотерминал — то же, что видеотерминальное устройство; биоритмология — то же, что хронобиология), а также грамматические (биотерм и биотерма; вагон-клуба и вагона-клуба; тэхасы — род. п. тэхас и тэхасов). Особенно интересны варианты лексические, поскольку в них — истоки появления новых значений. Развитие лексики современного литературного языка невозможно без вариантов, фиксация их на стадии возникновения имеет несомненную научную ценность.

Новые слова — это лексические единицы, жизнь которых в языке лишь начинается. Они не имеют устоявшейся традиции употребления; их семантическая и грамматическая структуры только формируются. Тем труднее давать характеристику каждому слову. Раскрытию лексических и синтаксических особенностей новых слов способствует принятая в словаре система развернутого цитирования. Во многих случаях цитаты самостоятельно раскрывают значения слов: Вещемáн, а, м. О человеке, склонном к вещизму. Вещеманы — рабы вещей, сами обкрадывают себя, сами ограничивают радости души только стремлением приобретать, копить и снова приобретать (Сельская жизнь, 13 авг. 1974); Сáкура, ы, ж. Японская декоративная вишня, цветущая красивыми розовыми цветками. Сакура — японская вишня. Цветет она, рассказывают, каким-то изумительным цветом. В красках сакуры будто есть и синева неба, и белизна снега, и золото солнечных лучей (Труд, 16 дек. 1971).

Ученые — исследователи неологизмов отмечают, что для этой категории слов характерна узкая сочетаемость с другими словами. Система цитирования, принятая в словаре, позволяет максимально отразить их формирующуюся сочетаемость. В том случае, если приводимый иллюстративный материал не показывает всех случаев, в справочном отделе приводятся остальные зафиксированные сочетания заглавного слова. Так, на слово *загрязнение* в цитатах-иллюстрациях даны сочетания: *загрязнение среды, тепловое загрязнение, загрязнение речных вод*; в справочном отделе — *бактериологическое загрязнение, загрязнение воздуха* и др.

Выход словаря «Новые слова и значения» — большое событие в науке о русском языке и русской культуре. Зафиксированные словарем живые явления русской лексики явятся основой для словообразовательных и лексикологических исследований, для изучения современных тенденций языкового развития, для нормализаторской деятельности языковедов. А самые широкие круги читателей современной литературы и прессы обрели в словаре надежного и верного помощника.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
кандидат филологических наук

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА И СЛОВАРИ

Тема заимствований в русском языке давно привлекает внимание не только лингвистов, но и широкой литературной общественности. Как нельзя представить себе жизнь русского народа обособленной, изолированной — вне контактов с другими народами, так нельзя представить и развитие русского языка вне процесса заимствования слов из других языков.

Составители различного рода малых и больших словарей задолго до нашего времени проявляли исключительный интерес к словам иноязычного происхождения. Уже в XIII—XVIII веках составлялись азбуковники — старинные рукописные сборники статей учебного, правоучительного и энциклопедического характера, используемые главным образом как толковые словари. Интерес к словарям иностранных слов постоянно возрастал, о чем свидетельствуют многочисленные лексикографические издания.

Однако несмотря на богатые традиции русской и советской лексикографии, некоторые проблемы в этой области остаются нерешенными, и в частности недостаточно изучен вопрос о составе словника словарей иностранных слов. В самом деле, можно заметить, что составители словарей этого типа иногда включают в них заимствованные слова, прошедшие стадию освоения, приспособления, прочно укоренившиеся, «обрусевшие» в языке и воспринимаемые как таковые языковым сознанием носителей русского языка. Иначе говоря, в Словарь иностранных слов включается наиболее употребительная лексика иноязычного происхождения, встречающаяся в художественной, публицистической и научно-популярной литературе. Однако из-за такого решения, очевидно, возникает несоответствие между названием словаря «иностранных слов» и помещенным в нем материалом (см. об этом: Апажев М. Л. О пересмотре названия «Словаря иностранных слов» и расширении в нем круга экзотизмов. — Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 43. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1971).

Именно поэтому, как видно, и надо, говоря словами Л. В. Щербы, «затронуть один практический вопрос, очень волнующий словарные издательства,— это вопрос словника, т. е. вопрос о том, какие слова надо брать в словарь того или другого типа, а какие нет» (Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974).

Вопрос отбора заимствований в Словарь иностранных слов оказывается исключительно трудным. Если провести сопоставление ряда филологических словарей русского языка, изданных в XVIII—XX веках (включая текстовые материалы вестей-курантов первых рукописных газет XVII века) с данными 4-томного академического «Словаря русского языка» и «Словаря иностранных слов» (1980), то можно выявить следующее:

1) ряд иноязычных по происхождению слов регистрируется только в «Словаре иностранных слов»: *абазия, абвер, акрокефалия, ахтерштевень, барицентр, бестселлер, буйрен, буцефал, ваганты, веляризация, виват, вольфрамит, габион, гурд, деидеологизация, жакерия, зообентос, иммурация, йоркширы* и др.;

2) ряд слов включен в «Словарь иностранных слов» и в 4-томный Словарь с соответствующей пометой об их иноязычном происхождении: *амазонка, брудершафт, водевиль, гангрена, дейтерий, зона* и др.;

3) ряд слов регистрируется в «Словаре иностранных слов» и в 4-томном Словаре, но в последнем они не снабжены пометой об иноязычном происхождении: *абонент, библиоман, египтология, жиронда, зебра* и т. п.;

4) наконец, есть слова с соответствующими пометами, регистрируемые в 4-томном Словаре, но их нет в «Словаре иностранных слов»: *абрикотин, багаж, вермишель, деонтология, ефрейтор, журнал, зал* и т. д.

Рассмотрение приведенных списков слов вызывает вопрос: каковы критерии, на которые опирались составители словарей, помещая в них одни слова и отбрасывая другие?

При формировании словника Словаря иностранных слов нашего времени необходимо проследить историю отражения слов в словарях, установить (что удастся не без труда) время заимствования слов русским языком, а также момент первой их фиксации в словарях, определить сферу функционирования слов иноязычного происхождения и процесс смысловых изменений на почве русского языка. Разумеется, время появления в языке слова далеко не всегда совпадает с его фиксацией в словарях, и проследить историю развития значений в заимствованных словах бывает трудно, а иногда и невозможно.

В конечном счете, необходимо, таким образом, отделить соб-

ственно заимствованные слова (хорошо освоенные носителями русского языка) от слов иностранных (мало освоенных). При этом целесообразно учитывать языковые и социолингвистические аспекты в их тесном и сложном переплетении, т. е. учитывать, с одной стороны, специфику самой лексики иностранного происхождения, в том числе терминологии, а с другой, — общий уровень культуры носителя русского языка. Этот последний аспект чрезвычайно сложен, так как средний культурный уровень (не говоря уже об образованном человеке) еще не подвергался точному измерению. Однако вряд ли можно ждать утвердительного ответа на вопрос о том, все ли говорящие и читающие (независимо от рода занятий, возраста и знания иностранных языков) в равной степени могут объяснить значение слов иноязычного происхождения, которые встречаются в письменной и устной речи.

В решении вопроса об отборе слов в Словарь иностранных слов большое значение имеют частотные словари русского языка, представляющие собой свод статистических данных о лексическом составе русского языка. Наиболее полный «Частотный словарь русского языка» (М., 1977) под редакцией Л. Н. Засориной отражает устойчивую часть лексики, общеупотребительной в русском языке. Как отмечают его составители, «одной из важных целей словаря является представление живого словоупотребления образованного человека наших дней». В этом плане он может помочь избежать субъективности в оценке иноязычного эффекта заимствований в лексикографической практике. Согласно данным «Частотного словаря», есть иноязычные слова, которые можно было бы считать широко употребительными: *абсолютно, абстрактный, артист, ассортимент, аспирант, армия, артиллерия, бюро, газовый, гениальный, демократ, идеологический* и т. п. Этот неполный перечень основывается на следующем предложении авторов «Частотного словаря»: «Для оценки употребительности важно учитывать не только частоту слова, но и количество текстов, в которых оно регистрируется. Узкотематические слова могут часто повторяться в специальном тексте».

Вместе с тем слово с достаточно большой частотой нельзя отнести к употребительным, если оно встречается лишь в одном или двух-трех текстах. Так, слово *абсцисса* имеет частоту 10 и регистрируется в одном тексте драматургии и одном тексте художественной прозы. Однако есть такие иноязычные слова, значения которых хорошо известны, а частота их употребления, казалось бы, не может подвергаться сомнению, но, по данным «Частотного словаря», они имеют самую низкую частоту — 1: *алфавит, анонимный, аптечка, астма, баскетбол, боксер, бронхит, вахтер, гигиена, диетический, зоология* и т. д.

Как представляется, значение известного предмета или понятия сразу осознается носителем языка независимо от того, часто или редко употребляется обозначающее его слово. Чем выше частота употребления иноязычного слова, чем меньше его иноязычный эффект, тем больше для него шансов укорениться в заимствующем языке. Заслуживает внимания точка зрения А. И. Смирницкого: «Слово существует в употреблении. Оно может употребляться чаще или реже, большим или меньшим числом говорящих на данном языке... Для того, чтобы слово действительно существовало в языке, употребление слова должно быть общественным. Общественное употребление слова — это прежде всего употребление его в общении, т. е. в реальном, материальном его звучании. Поэтому подлинное существование слова — в звучащей речи» (Смирницкий А. И. Значение слова. — ВЯ, 1955, № 2).

Важно также учитывать частотность иноязычной лексики в газетно-журнальных текстах и в драматургии, в наибольшей степени отражающих общественное употребление слов. В научных же и публицистических текстах, как и в художественной прозе, содержатся такие иностранные слова, которые, по мнению А. А. Брагиной, «имеют общую черту. Они, как правило, книжные, специальные» (Русская речь, 1981, № 4). В таком случае представляется, что газетно-журнальные и драматургические функционально-речевые сферы более активны с точки зрения массового носителя языка. Ряд иностранных слов переходит в словоупотребление, в повседневную речь общества, иными словами, становится его достоянием за счет увеличения роли радио, телевидения, периодической печати и театра. Это обстоятельство, между прочим, отнюдь не меняет факта признания определенного воздействия других жанров, например художественной прозы, на широкий круг читателей.

Детальное сопоставление словарей и изучение имеющегося в них материала даст возможность сформировать словник Словаря иностранных слов нашего времени. Словник такого словаря справочного типа, предназначенного для широкого круга читателей, будет включать в себя как специальные термины, так и неспециальные слова, разные по характеру образования, происхождения и функционирования в русском языке: *авеню, автогенез, автохтонный, видеосигнал, евродоллары, ионотерапия* и мн. др.

С точки зрения перспективного развития русского языка, многие иноязычные слова, видимо, утратили свой иностранный эффект; они так органично вошли в состав языка, что использующие их люди перестали думать о возможности замены их какими-либо исконными словами. «Когда чуждое слово, — пишет Я. Гримм, — случайно западет в воды какого-нибудь языка, то оно носится по ним, пока не примет его цвета и, наперекор своей натуре, не ста-

пет похоже на туземное» (Цитируется по кн.: Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 1. СПб., 1876, с. 190). Поэтому в Словарь иностранных слов не должны входить такие слова, как, например, *авария, автобус, автомобиль, адрес, академия, аптека, армия, бандероль, бассейн, бульвар, бегемот, вальс, ветеран, витамин, газ, гараж, генерал, гимнастика, декрет, диктор, директор, доктор, идея, инженер, институт, информация, история* и др. «Надо ли доказывать, что лишь редкому современному читателю понадобится справляться о значениях приведенных слов...» (Апажев М. Л.— Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та).

Как видно, словари иностранных слов последних лет отстают от самого процесса освоения заимствованных слов русским языком. По-видимому, не нужно придерживаться правила традиционной лексикографии, которое соблюдается в современной практике составления словарей иностранных слов: «...лучше давать лишнее, нежели опускать то, об излишестве чего могут быть разные мнения» (см.: Предисловие к «Словарю русского языка, составленному Вторым отделением имп. Академии наук». Вып. 1. 1891). Тем не менее такой подход к решению вопроса о составе словника Словаря иностранных слов не имеет категорического характера. Известно мнение Л. В. Щербы о том, что любой словарь — всегда компромисс по тем или иным соображениям практического характера. По его словам, «трудно ожидать скорого окончания какого-либо хорошего словаря. А словари нужны, и надо находить какой-то компромисс» (Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии).

Остаются открытыми вопросы отбора в Словарь иностранных слов специальных терминов, включение одних из них и отбрасывание других. Например, по вполне понятным причинам значительное количество медицинских терминов, регистрируемых в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов», не засвидетельствовано в «Словаре иностранных слов» (1980). В то же время в этих словарях зафиксированы слова, которые, с одной стороны, известны специалисту не только данной отрасли, но и широкому читателю (*аденоиды, акушерка, аллергия* и т. д.), а с другой,— встречаются слова, не получившие широкого распространения.

В целом следует признать, что пути решения проблемы словника Словаря иностранных слов чреваты препятствиями, однако, по замечанию Л. В. Щербы, «трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого».

РОЖЕ ЛУЗАЙА-МАМИНГИ,
аспирант Университета дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

В ПРОЦЕССЕ совместной деятельности люди называют предметы, вещи, явления, с которыми они имеют дело. Однако человеческий язык устроен так, что с помощью названий мы обозначаем и отдельный, конкретный предмет, явление: река *Волга*, и явление вообще: *река*. Даже собственное имя мы можем отнести и к отдельному лицу или предмету, и ко множеству. «*Всякое слово (речь) уже обобщает*», — писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 29, с. 246). Языковеды и логики говорят поэтому, что слово обозначает предмет и выражает понятие. В первую очередь это относится к названиям.

Все понятия делятся на общие, частные и единичные. Общие понятия охватывают все предметы известного класса или признаки, присущие им: *млекопитающие*, *трудоспособность*, *синева*. Частные, или особенные понятия характеризуют только часть предметов данного класса или их признаки. Например, из всех видов помидоров можно выделить сорта «Нистру», «факел», «колокольчик», «новинка Приднестровья». Когда же класс или часть класса расчленяется на отдельные предметы, получают единичные понятия. Так, выделив из всех городов отдельный город, получим единичное понятие, которое названо собственным именем: *Москва*.

Терминология

В мире
названий:

РУБИН,

ЛАДА,

МИШКА

КОСОЛАПЫЙ

Названия, связанные с общими понятиями, являются нарицательными именами: *город, завод*. Единичные понятия выражаются собственными именами: *Москва, Горьковский автозавод*.

Для частных, или особенных понятий создан специальный способ обозначения, который лингвисты в последнее время называют номенклатурой. Вообще слово *номенклатура* (от латинского *nomenclatura* — перечень, роспись имен) имеет несколько значений: перечень названий, терминов, категорий, употребляемых в какой-либо отрасли науки, техники и пр. (например, в экономике — классифицированный перечень производимой продукции...); система абстрактных и условных символов, назначение которых дать максимально удобное с практической точки зрения средство для обозначения предметов (см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1984). Это название для обозначения частных понятий выбрано языковедами именно потому, что оно удобно и точно выражает мысль.

К номенклатуре относят списки наименований изделий какого-либо одного предприятия: все модели тракторов завода «ЧТЗ»; товары какого-либо магазина. Наименования классов однородных предметов, обладающих общими существенными признаками и различающихся второстепенными, называют номенклатурными знаками. Большей частью это относится к искусственным предметам, либо созданным человеком, либо таким, в создании которых человек принимал участие. Современные люди живут в мире номенклатуры — названий сортов, марок, артикулов. Утром мы чистим зубы пастой «Лазурь» или «Жемчуг», пьем кофе «Арабика» или чай «Экстра», едем на работу в автобусе «Икарус», пишем карандашом «Кох-и-нор», считаем на микрокалькуляторе «Электроника». Вечером включаем телевизор марки «Рубин-714», сидя в кресле из гарнитура «Надежда».

ПОЧЕМУ ПОМОРИН НАЗЫВАЕТСЯ ПОМОРИНОМ?

Номенклатурные знаки должны удовлетворять ряду требований. Прежде всего, выполняя рекламную функцию и являясь средством привлечения внимания покупателя, потребителя к положительным качествам товара, они должны быть информативны. В самой их форме содержится такой элемент, который сообщает потребителю необходимые сведения о предмете, товаре. В названиях современных тканей часто имеется конечная часть *-лон*: *видлон* (начало слова взято из названия болгарского города *Видин*); *мтилон*, где *мти* — сокращение словосочетания «Московский текстильный институт», а элемент *-лон* — последняя часть названия популярной ткани *нейлон*.

Еще одно требование предъявляется к номенклатурным знакам: запоминаемость. Так, названия холодильнику «Саратов-II», автомобилю «Жигули» даны по месту производства. Кроме того, номенклатурные наименования должны быть легко произносимы: таким является название слухового аппарата «Беруши» (от словосочетания «Берегите уши!»). Даже сокращению, по возможности, придают удобную звуковую форму: «ЗВИ» (стиральная машина завода имени *Владимира Ильича*). И уж совсем легко произнести название, совпадающее со словом русского языка, — *СПРУТ* (спасательный плот, разборный, универсальный, туристский).

Такие знаки удовлетворяют еще одному требованию — экономности. РЭМ-300К — репродукционная электрографическая машина для бумаги формата до 300 мм и из серии К, то есть из класса машин, не изменяющих масштаба копии. Это название и информативно, и произносимо, и экономно. Кассетный магнитофон «Электроника-стерео-203» — из этого обозначения потребитель узнает и характер воспроизведения звука, и класс аппаратуры (первая цифра индекса), и номер модели (третья цифра). Название зубной пасты «Поморин» было дано от болгарского города *Поморие*, где добывают сырье для производства пасты, *-ин* — суффикс, широко используемый в названиях химических соединений, лекарственных препаратов.

Как видно из приведенных примеров, каждый элемент номенклатурного знака выполняет определенную функцию, а все вместе они служат для рекламы предмета.

РАЗНЫМИ ПУТЯМИ — К ОДНОЙ ЦЕЛИ

Как-то на совещании работники парфюмерной промышленности жаловались на то, что они не знают, как придумывать названия для своей продукции. Действительно, уже ослабили силу рекламного воздействия духи «Наташа» и одеколон «Саша», крем «Вечер» и мыло «Хвойное». А ведь способов создания номенклатурных знаков известно много. Вот, к примеру, некоторые из них.

Самый простой путь — назвать предмет по его отличительному признаку, который может быть выражен образно. Так, новую миниатюрную модель пылесоса «Вихрь» назвали «Мини-вихрь» — здесь и яркий образ, и модный элемент *мини*-. От слова, обозначающего признак предмета, можно образовать производное; по этому пути пошли авторы чистящего средства «Чистоль»: они присоединили к основе слова *чистый* суффикс *-оль*, известный по словам *персоль*, *полироль* и др.

К слову-названию добавляется числовой индекс: таким образом обозначается и номер модели (радиоприемник «Рига-3»), и класс

аппаратуры (магнитофон «Комета-209» — второй класс, модель 9). Если одним словом не удастся назвать предмет, используют словосочетания: сорт помидоров — «новинка Приднестровья», груш — «бере зимняя Мичурина», конфет — «Мишка косолапый».

Широко распространены в сфере номенклатуры сокращения. Здесь и использование названий предприятий, выпускающих предметы: автомобили «ЗИЛ»; и перечни признаков самого предмета: МСА — мастика сланцевая автомобильная. Мы уже видели, что некоторые сокращения похожи на слова: СПРУТ. Вот еще пример: ЭРА — электрографический репродукционный аппарат. К сокращениям могут добавляться числовые индексы, которые отражают порядковый номер модели (самолет конструкции А. С. Яковлева — ЯК-42) или характеристики предмета. Кроме звуковых и буквенных сокращений, применяют слоговые: название кисломолочного продукта для детей *биолакт* составлено из греческого *bios* — жизнь и латинского *lactens* — молочный; лекарства *даукарин* — из первых слогов латинских слов *Daucus carota* (сорт моркови) и суффикса *-ин*.

Образование номенклатурных знаков из частей слов, легко узнаваемых и несущих пуглую потребителю информацию, широко используется в названиях лекарственных препаратов. Слово *теодибаверин* состоит из начала и конца трех слов: *теобромин*, *дибазол*, *папаверин*. Есть и такие названия, в которых используется хорошо известная середина слов: *пирafen* состоит из *амидопирин* и *фенацетин*.

Таким образом, авторы новых товаров могут найти разные способы названий для своей продукции.

СИЛА СЛОВА

Особенно ярко рекламную функцию осуществляют товарные знаки. Это — «зарегистрированные в установленном порядке обозначения, служащие для отличия товаров (услуг) одних предприятий от однородных товаров (услуг) других предприятий» (Положение о товарных знаках. — Вопросы изобретательства, 1974, № 7). Известно, что хорошо подобранное название может способствовать успеху реализации продукции. Существуют разные виды товарных знаков, и среди них словесные занимают особое место, так как могут наиболее точно и ярко отражать положительные свойства обозначаемых ими изделий и услуг.

В Положении о товарных знаках подчеркивается, что они должны обладать новизной, популярностью, авторитетностью, различаемостью и запоминаемостью. Заметим, что большая часть этих признаков присуща и номенклатурным единицам. Поэтому неслу-

чайно многие обозначения, прежде чем стать товарными знаками, как бы проходят стадию номенклатуры. Вот некоторые знаки, зарегистрированные в СССР: *АСТРА* (фирма, выпускающая изделия из самоцветов), *Хлороль* (инсектицидные препараты), *Трель-1* (телефонные приставки), *РЭМА* (радиоэлектронная медицинская аппаратура), *ВУ* (мебель Великоустюгской мебельной фабрики), *АЛТТРАК* (тракторы Алтайского тракторного завода), *ДИПТОН* (устройства объемного звучания). Здесь и слова, и сокращения, и искусственные образования, и сочетания с числовым индексом, которые есть и среди номенклатурных названий.

Товарные знаки отличаются от номенклатурных обозначений тем, что они регистрируются и пользуются охраноспособностью в нашей стране и за рубежом. Поэтому не могут быть зарегистрированы названия, тождественные или сходные с товарными знаками, ранее зарегистрированными в СССР. Не допускаются, как правило, к регистрации географические наименования. Таким образом, не все номенклатурные единицы могут стать товарными знаками. Но четкие, выразительные, лаконичные обозначения становятся ими, рекламируют товар на внутреннем и внешнем рынке, служат «маркой» предприятия и его продукции. Достаточно вспомнить такие наименования: автомобиль «Лада», серия фотоаппаратов «Зенит», радиоаппаратура завода «ВЭФ». Эти товарные знаки, хорошо известные далеко за пределами нашей страны, пришли из быстро развивающегося, выразительного класса языковых единиц — из номенклатуры.

В. М. ЛЕЙЧИК,

кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В некоторых сложных словах есть общая часть *крио-*: *криобиология*, *криотерапия*, *криогенный*. Что означает *крио-*?»

А. Г. Шаховской, Ярославль

Крио- первая часть сложных слов, означающая: связанный со льдом, с низкими температурами. Восходит к греческому *kryos* — холод, мороз, лед.

■

«Где правильно поставить ударение в слове *медикаменты*?»

К. И. Вурмистрова, Таруса

На предпоследнем слоге: *медикаме́нты*.

Николай Семенович ПОСПЕЛОВ 1890—1984

Видный советский лингвист и филолог Николай Семенович Поспелов — автор оригинальных и глубоких работ в области грамматики русского языка и стилистики художественной речи. Он оставил нам не только свои научные труды, многие из которых вошли в основной фонд классической советской филологии, но и воспитал не одно поколение учеников и последователей, плодотворно работающих сейчас в научных учреждениях, вузах, школах. Имя этого ученого знают и помнят в разных уголках нашей страны, оно широко известно славистам зарубежных стран.

Н. С. Поспелов прошел большой жизненный путь. Он родился 12 декабря 1890 года в Серпухове, под Москвой. В 1914 году Н. С. Поспелов окончил историко-филологический факультет Московского университета и поступил в Высший педагогический институт, чтобы более основательно подготовиться к преподавательской деятельности. С 1915 года Н. С. Поспелов вел предметы русского языка и литературы в московских гимназиях, а после Великой Октябрьской социалистической революции, вплоть до 1929 г., — в средней школе; в течение ряда лет работал в комвузах. С 1935 года он становится доцентом кафедры русского языка сначала Вечернего рабочего литературного университета (ныне Лите-

ратурного института имени А. М. Горького СП СССР), а затем областного и городского педагогических институтов; с 1944 года И. С. Пospelов — доцент, позднее — профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Несколько ранее, с 1942 года, началась его научно-исследовательская работа в Академии наук СССР — Институте языка и письменности народов СССР, Институте языкознания, Институте русского языка.

Педагогическая и научная деятельность И. С. Пospelова, продолжавшаяся более 60 лет, была исключительно плодотворной. Его лингвистические идеи, воплотившиеся в многочисленных исследованиях, широки и многоаспектны, вместе с тем отчетливо целенаправленны. Труды ученого составляют несколько исследовательских направлений, в каждом из которых по-новому поставлены многие традиционные для русистики проблемы. Научные интересы И. С. Пospelова были устремлены, с одной стороны, к смежным с литературоведением сферам стилистики, стиховедения и языка писателя и, с другой, к таким собственно лингвистическим темам, как грамматический строй языка, грамматические категории, синтаксические построения разных типов.

По стилистике художественной литературы в 30-х годах И. С. Пospelов написал статьи о Маяковском и Горьком. Позднее, в конце 50-х годов, он обратился к творчеству И. А. Гончарова (о формах несобственно-прямой речи в художественной прозе писателя). Однако любимейшим и неизменным «героем» научного творчества И. С. Пospelова на протяжении всей его жизни был, несомненно, Пушкин. Прозе Пушкина, особенностям ее синтаксиса посвящены статьи, относящиеся к 30-м и 50-м годам.

В 1937 году было опубликовано небольшое по объему исследование Николая Семеновича, обобщающее его наблюдения над пунктуацией стихотворных текстов Пушкина: именно оно послужило стимулом к дальнейшим изысканиям ученого в области стихотворной речи Пушкина. Это — кандидатская диссертация «Синтаксический строй поэмы Пушкина „Медный всадник“», защищенная в 1943 году и опубликованная спустя три года, и книга «Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина» (1960). Здесь на широком материале различных по своему метрическому строению стихотворных текстов («Руслан и Людмила», южные поэмы, «Евгений Онегин», «Медный всадник») показано структурное многообразие анализируемых образцов стихотворной речи и по существу впервые раскрыты основные особенности стихотворного синтаксиса Пушкина.

Одна из последних работ Николая Семеновича по этой излюбленной им тематике — статья «Синтаксический строй Онегинской

строфы в соотношении с ее метрическим членением и в соответствии с особенностями ее временного плана» (сб. Вопросы русского языкознания) — была опубликована в 1976 году, когда автору исполнилось 86 лет. Так постоянен и устойчив был интерес Н. С. Поспелова к творчеству Пушкина.

Другой областью научных интересов Н. С. Поспелова, в которой блестяще проявился его талант лингвиста-теоретика, было изучение на материале русского языка общих вопросов специфики грамматического строя языка, определение таких ключевых для теоретической грамматики понятий, как грамматические категории и части речи, а также выяснение принципов их соотношения. Работы Н. С. Поспелова в этом направлении создавались в основном в 50-е годы. Они публиковались не только в сугубо научных изданиях, но и в брошюрах, предназначенных для широкого круга читателей. Николай Семенович подготовил также популярное изложение учения о грамматическом строе русского языка, составившее главу методического руководства для преподавателей русского языка средней школы.

Специальное исследовательское внимание Н. С. Поспелов уделял таким частям речи, как имя существительное и слова категории состояния: он автор глав, посвященных имени существительному, в академической «Грамматике русского языка» и в учебнике «Современный русский язык. Морфология», изданном Московским университетом; им написаны статьи «В защиту категории состояния» (Вопросы языкознания, 1955, № 2) и «Из наблюдений над употреблением в современном русском языке слов категории состояния, восходящих к именам существительным» (сб. Акад. В. В. Виноградову к его 60-летию. М., 1956). Две последние из названных работ говорят об особом интересе Николая Семеновича к функциональному употреблению той или иной грамматической формы в контексте, а не только к ее структурным признакам.

Из общей концепции Н. С. Поспелова выделилось в оригинальное теоретическое построение его учение о грамматической категории времени в ее морфологическом и синтаксическом аспектах. В серии статей, опубликованных в 40—50-е годы, рассматривались также вопросы: отношение грамматического времени к объективному времени; сущность различия между абсолютным и относительным употреблением форм времени; значения временных форм глагола в разных условиях их функционирования, в разных по своей структуре типах синтаксических построений. Все это составило содержание докторской диссертации Н. С. Поспелова «Категория времени в грамматическом строе современного русского языка», которую он защитил в 1953 году. Проблема употребления

временных форм глагола занимала ученого и в последующие годы.

Еще в процессе изучения синтаксического строя «Медного всадника» Пушкина ученый пришел к мысли о необходимости различения, наряду с категорией предложения, также и понятия сложного синтаксического целого. Позже этот вопрос был выделен им в качестве одного из самостоятельных объектов синтаксического исследования. Обоснованию этой важной и плодотворной идеи были посвящены статьи «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке» и «Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры». Смело можно сказать, что эти работы, опубликованные в 1948 году, одними из первых заложили теоретические основы интенсивно развивающейся в наши дни лингвистики текста.

Столь же перспективными и современными были для русского, а также славянского языкознания выдвинутые Н. С. Поспеловым идеи в области теории сложного предложения (главным образом, бессоюзного и сложноподчиненного). Ученый создал свою классификацию бессоюзных сложных предложений. В составе сложноподчиненных он различал предложения одночленные и двучленные.

К циклу работ Н. С. Поспелова, посвященных сложному предложению, относятся статьи, написанные им в 50-е годы: «О грамматической природе сложного предложения», «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений», «Сложноподчиненное предложение и его структурные типы». К ним тематически примыкает и одна из последних работ Николая Семеновича, относящаяся к 1975 году, — «О структурно-семантической основе объединения и разграничения одночленных конструкций сложноподчиненного предложения в современном русском литературном языке».

Проблема сложного предложения интересовала Н. С. Поспелова и в ее историческом аспекте; соответствующие его наблюдения обобщены в книге «Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века» (М., 1964), в которой им написаны две главы об изменениях в строе сложноподчиненного предложения. Созданная Н. С. Поспеловым концепция сложного предложения получила широкое признание в нашей и зарубежной науке, она и сейчас продолжает быть актуальной, как и многие другие его идеи, сформулированные в трудах по синтаксису стихотворной речи, по общим вопросам грамматического строя языка, по теории грамматического времени, по синтаксису текста.

Приверженец традиций русского языкознания, Н. С. Поспелов в то же время чутко воспринимал созвучные ему идеи своих современников. Некоторые работы Николай Семенович посвятил рассмотрению лингвистических взглядов других ученых. Таковы его

статьи об А. Беличе, С. Карцевском, его обстоятельная рецензия на книгу В. В. Виноградова «Из истории изучения русского синтаксиса» (Вопросы языкознания, 1959, № 3). Николай Семенович любил и хорошо знал русскую литературу. Он был глубоко предан науке о русском языке, для которой сделал так много. Ученый неоднократно достойно представлял советское языкознание за рубежом в качестве участника международных лингвистических конференций и совещаний.

Николай Семенович Поспелов был не только замечательным ученым, но и прекрасным человеком. Вот что писал ему академик В. В. Виноградов в одном из своих писем: «Трудно найти другого лингвиста, чей жизненный путь на всем его протяжении был бы так прям, последователен и высок. Углублялись, росли и становились все более значительными Ваши грамматические и стилистические идеи. Вы шли своей собственной научной дорогой мужественно и мудро и достигли больших результатов. Вы — чуткий, доброжелательный, душевно щедрый и благородный товарищ. Вы всегда далеки от обид и несправедливостей, и кажется, что это дается Вам легко, безо всяких усилий как живое и непосредственное выражение Вашей внутренней доброты и моральной чистоты».

*Е. А. ИВАНЧИКОВА,
доктор филологических наук*

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Развитие отраслей науки и техники, связанных с использованием энергии солнца, приводит к активному появлению названий явлений и предметов с корнем *гелио-* (от греч. *hēlios* — Солнце). Это сложные сокращенные наименования, состоящие из корня *гелио-* и второго корня, называющего конкретно сферу или предмет, где применяется солнечная энергия.

Гелиоэнергетика: «...шаги исследователей в области гелиоэнергетики становятся все

увереннее, а проекты — смелее» (Правда, 1984, 18 апр.).

Гелиокомплекс: «Металлургический гелиокомплекс — уже не фантастика... Приступая к проектированию гелиокомплекса, специалисты Государственного союзного проектного института столкнулись с совершенно непривычными для себя типами сооружений» (Правда, 1984, 18 апр.).

Гелиоприемник: «С помощью этого концентратора лучи соберутся в фокусе гелиоприемника, который, собственно, и служит печью» (там же).

Г. М.

Иван Константинович БЕЛОДЕД 1906—1981

Имя академика И. К. Белобеда занимает достойное место в ряду имен выдающихся советских языковедов. Ученый внес крупный вклад в развитие общего языкознания, лингвистической стилистики, истории литературного языка, лексикологии и лексикографии, в изучение языка художественной литературы, межъязыковых контактов, истории науки и культуры. Более трех десятилетий он направлял исследования в различных областях украинского языкознания. Под руководством и при непосредственном участии И. К. Белобеда были выполнены наиболее важные работы по украинскому языку советского периода — 5-томный академический курс «Современный украинский язык» и 11-томное издание первого толкового «Словаря украинского языка».

И. К. Белобеде принадлежит серия трудов о русском языке, его корнях, истории и современном развитии, тесных связях русского и украинского языков. Основные работы ученого — «Русский язык — язык межнационального общения народов СССР», «Развитие языков социалистических наций СССР», «Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе», «Язык и идеологическая борьба» и другие — изданы на украинском и русском языках. Последняя книга И. К. Белобеда «Всяк сущий в ней язык...» (Киев, 1981), вышедшая также на русском языке, адресована учителям-словесникам и всем тем, кто интересуется ролью языка в жизни советского общества.

*

Иван Константинович Белобед родился в 1906 году в селе Успенском на Кировоградщине в крестьянской семье. Он закончил педагогическое училище, а затем литературно-лингвистический факультет Харьковского университета. До Великой Отечественной войны работал учителем русского и украинского языков в сельской школе, преподавал в вузах Украины. С июня 1941 года и до

конца войны И. К. Белодед был в действующей армии, где прошел путь от рядового до майора, военного коменданта Порт-Артура. После войны по приглашению Л. А. Булаховского он работал в Институте языковедения имени А. А. Потебни АН УССР, здесь защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

В 1957 году И. К. Белодед был избран действительным членом АН УССР, назначен министром просвещения республики. С 1962 года и до конца своей жизни он бессменный директор Института языковедения, многие годы — вице-президент АН УССР. В 1972 году ученого избирают действительным членом АН СССР по специальности «Языки народов СССР». В 1971 году за подготовку и издание трехтомного «Русско-украинского словаря» И. К. Белодеду вместе с группой украинских языковедов присуждена Государственная премия УССР; в 1983 году (посмертно) как председателю редколлегии 11-томного «Словаря украинского языка» — Государственная премия СССР.

*

Важная веха в творческой биографии ученого — исследование языка и стиля произведений В. И. Ленина.

Творчество В. И. Ленина, его языковое новаторство, как убедительно показал исследователь, явились мощным фактором развития политического, научного, публицистического, ораторского, делового стилей русского литературного языка.

Многие страницы книг и статей И. К. Белододе посвящены ленинской теории национально-языкового строительства, политике Коммунистической партии в решении национального вопроса, роли русского языка как средства межнационального общения в СССР. «Граждане СССР всех национальностей, — писал в книге „Всяк сущий в ней язык...“ И. К. Белодед, — с любовью и уважением изучают русский язык и как язык братского великого русского народа, и как язык межнационального общения народов нашей страны, и как язык международного действия — в силу его высокого развития, красоты и силы. Это язык, несущий миру ценности передовой науки, идеи мира и прогресса, язык, с помощью которого советские люди приобщаются к передовым достижениям всего человечества и сообщают миру о своих достижениях».

Ученый постоянно подчеркивал значение русского языка для совершенствования языков народов СССР. В процессе творческого взаимодействия языков всех наций и народностей нашей страны вырабатываются новые черты их общности в лексике, терминологии, словообразовании, синтаксическом строе, образности. Эти про-

цессы языковой жизни народов СССР, по его мнению, будут и далее развиваться и углубляться. «...Однако национальные языки не сливаются, а широко развертывают свои внутренние возможности, свою национальную культуру и свои краски» («Всяк сущий в пей язык...»).

Живая связь между русским, украинским и белорусским языками, указывал И. К. Белодед, никогда не прерывалась: они развивались параллельно, взаимно обогащая друг друга, при водущем влиянии русского языка, русской литературы, культуры. И. К. Белодед занимался сопоставительными исследованиями восточнославянских языков, стоял у истоков нового научного направления — сопоставительной стилистики этих языков.

Постоянно возвращался И. К. Белодед к теме «Язык и идеологическая борьба», гневно обличая наших идейных противников, украинских буржуазных националистов в извращении национально-языковой политики партии, в спекуляциях на понятии «родной язык». Задача советских языковедов, утверждал ученый, содействовать усовершенствованию и обогащению языков народов СССР, усилению их действенности.

Снова и снова обращался исследователь к роли языка в жизни общества, в борьбе советского народа за утверждение коммунистических идеалов. Он показывал место языка в развитии просвещения и культуры, в материальной и духовной деятельности человека. Его глубоко волновали вопросы воздействия слова, понимания языка как средства познания, как искусства. Чутко реагировал ученый на все новое, что появляется в языке под влиянием развития общества. И. К. Белодеду принадлежат работы о языке современной науки, массово-политической и деловой информации, партийных документов. Он писал о качественных изменениях в устной разговорной речи в связи с научно-технической революцией, в результате распространения всеобщего среднего образования, роста общей культуры народа.

Многочисленные труды И. К. Белододеа по истории литературного языка и языку художественной литературы проникнуты идеей содружества двух литератур, двух языков — русского и украинского, благотворного воздействия передовой русской культуры, традиций Пушкина и Гоголя на развитие литературы и культуры Украины. В работах ученого раскрывается роль Ломоносова и Киево-Могилянской академии в формировании как русского, так и украинского литературных языков. Имена великого kobзря Тараса Шевченко, пламенного борца за счастье народа Ивана Франко всегда стояли в трудах И. К. Белододеа рядом с именами русских революционеров-демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Язык украинской советской литературы рассматривался им в контексте развития всей многонациональной литературы, единой социалистической культуры. Его перу принадлежат блестящие очерки о языковом мастерстве А. Довженко, О. Гончара, М. Стельмаха, о поэтической речи М. Рыльского, П. Тычины, А. Малышко. А рядом с этими исследованиями — тонкие наблюдения над стилизованным богатством Анны Ахматовой.

Много внимания уделял Иван Константинович практике функционирования русского языка на Украине, где сложилось гармоничное украинско-русское двуязычие. Русский язык, подчеркивал ученый, имеет на Украине устойчивую историческую традицию. Основная масса украинцев свободно владеет русским языком, который практически охватывает, параллельно и наряду с родным, все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни республики. Русская речь на Украине ориентируется на единые нормы литературного языка. Поэтому важное значение имеет повышение культуры русской устной речи. Заботой о чистоте, совершенстве обоих языков — украинского и русского — были проникнуты многие выступления ученого в печати, по радио и телевидению, перед широкой аудиторией слушателей.

И. К. Белодед вел большую и многообразную общественную работу как депутат Верховного Совета УССР, председатель Украинского комитета славистов.

Немало сил и энергии отдал ученый народному образованию, делу преподавания языков в школе, воспитанию словом. «Язык в школе, — считал он, — это не только грамматика и правописание, а целый комплекс воспитания, связанный с культурой человека вообще, с выработкой четкости, логики его мышления» (Белодед И. К. и др. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР. Киев, 1978). Лингвистические знания должны стать компонентом профессионального обучения школьника, подготовить его к будущей трудовой деятельности. И. К. Белодед обосновал задачи, принципы и методы параллельного изучения в школах родного и русского языков.

Иван Константинович был не только большой ученый, но и видный организатор науки и народного образования, человек высокого гражданского, партийного долга: он оставил огромное научное наследие (более 400 научных работ) и воспитал целое поколение языковедов, успешно продолжающих его дело.

*В. И. КОНОНЕНКО,
доктор филологических наук
Киев*

БЕЛЬГИЙЦЫ ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ

Брюссель, район Сен-Жосс, улица дю Меридьян, 21... Этот адрес хорошо известен всем друзьям Советского Союза, живущим в Бельгии. В небольшом и уютном здании размещается Ассоциация дружбы и сотрудничества «Бельгия — СССР», которая вносит большой вклад в развитие дружественных отношений между нашими странами, знакомит бельгийцев с достижениями советской культуры и науки.

Ассоциация выпускает свой бюллетень. На его страницах всегда можно найти интересные и актуальные материалы о Советском Союзе, рекламу советских книг и товаров, отрывки из художественных произведений, заметки, посвященные деятельности самой Ассоциации. Открыв, например, номер бюллетеня за июнь-июль 1984 года, мы найдем очерк «Билингвизм: как его понимают в СССР». В нем рассказывается о роли русского языка как средства межнационального общения в Стране Советов, о внимании к развитию многочисленных языков народов СССР. Публикация этого очерка отнюдь не случайна: в самой Бельгии национально-языковой вопрос представляет собой проблему, во многом болезненную и не решенную до конца. Около 60% населения страны составляют фламандцы, говорящие на нидерландском (фламандском) языке; они живут в основном в северной части Бельгии. Около 40% населения страны — валлоны, говорящие на французском языке; они живут в основном в южной части королевства. Поэтому бельгийцы

всегда очень живо интересуются тем, как решается национально-языковой вопрос в СССР.

Одной из очень важных сторон деятельности Ассоциации «Бельгия — СССР» является преподавание русского языка, интерес к которому растет с развитием торговых, научно-технических и культурных отношений между нашими странами.

Конечно, сначала не просто было организовать даже краткие курсы русского языка: не было квалифицированных преподавателей, учебников и учебных пособий, технических средств. Однако энтузиазм друзей Советского Союза, интерес к русской речи, литературе, действенная помощь советской стороны позволили преодолеть известные трудности. Теперь при Ассоциации «Бельгия — СССР» успешно работает Институт русского языка. Как же идет преподавание русского языка в институте? Вот что отвечает на этот вопрос его директор Моник Деврим:

«Программа полного обучения в нашем институте рассчитана на семь лет. Хочу сразу подчеркнуть, что все занятия мы ведем, как говорят по-русски, «без отрыва от производства», то есть в вечернее время. Ведь это дает возможность посещать уроки большому числу бельгийцев. Семь лет обучения разделены на три этапа — начальный, основной и этап углубленного изучения русского языка. Начальный этап длится один год. На этом этапе слушатели занимаются шесть часов в неделю. Затем в течение трех лет они дважды в неделю посещают занятия, которые длятся два часа. На три года рассчитан и период углубленного изучения русского языка. Есть у нас и программа интенсивного обучения русскому языку, полный курс по этой программе рассчитан на шесть лет. Конечно, все это относится лишь к аудиторным занятиям. Кроме этого, слушатели нашего института активно участвуют во многих мероприятиях, проводящихся в Ассоциации; это также помогает им совершенствоваться, обогащать свои знания русского языка. Как и во всяком учебном заведении, мы не обходимся без экзаменов. Сейчас экзамены проводятся два раза в год: в конце января и в конце июня. Каждый слушатель, закончивший очередной этап обучения, получает соответствующее свидетельство. Так что, если человек прошел полный курс обучения в нашем Институте русского языка, у него будут три свидетельства об окончании всех трех этапов обучения.

Учебниками мы пользуемся самыми популярными и совершенными: «Старт», «Темп», «Русский язык для всех» и другими. Хорошо помогают в работе пластинки, магнитофонные записи отрывков из произведений русской и советской прозы, поэзии, русских и советских песен. Институт уже обладает большой библиотекой книг

на русском языке, которая постоянно растет. Наши слушатели с интересом читают советские журналы, газеты.

Состав слушателей нашего института весьма разнообразен — и по возрасту, и по профессии, и по социальному положению. Всех их объединяет большой интерес к русскому языку, уважение к Советскому Союзу, желание поближе познакомиться с замечательной русской культурой, с современной жизнью советских людей.

*

Во время поездки в Бельгию в 1984 году на семинар русского языка автору этих строк довелось познакомиться с преподавателями института. Главное, что запоминается в этих людях, раскрывающих перед своими студентами секреты овладения русской речью, год за годом терпеливо вводящих своих слушателей в мир русской фонетики и интонации, грамматики и лексики, стилистики и речевого этикета, — это искренняя и глубокая любовь к русскому языку, профессиональные знания и опыт, стремление к творческому поиску, терпение, доброжелательность и чувство юмора.

Институту русского языка при Ассоциации «Бельгия — СССР» оказывают помощь и советские преподаватели.

Летний семинар в Кербергене — особая форма работы по преподаванию русского языка в Бельгии. Хотя организует его все тот же Институт русского языка при Ассоциации, принять участие в работе семинара может любой бельгиец (и даже гражданин другой страны), с любым уровнем знания русского языка — от начинающего до дипломированного преподавателя русского языка, имеющего желание совершенствовать свои знания, получить дополнительную практику. Летний семинар проводился в Бельгии уже 14 раз, постоянно вызывая большой интерес и пользуясь популярностью у людей, изучающих и любящих русский язык.

Нужно было видеть, с каким удовольствием и терпением занимаются бельгийцы, постигая новые для них вопросы, такие, как употребление русских приставочных глаголов, глаголов движения, видов глагола, интонаций удивления, сомнения, предположения или выражений, связанных с русским речевым этикетом. Еще более активно проходили беседы и дискуссии, в ходе которых слушатели не только узнавали новые факты о жизни в СССР, но и огромное количество новых слов и выражений. Интерес аудитории вызвали лекции — «Школьная реформа в СССР», «История Москвы», «Происхождение русских фамилий», викторина «Кто лучше знает СССР?».

На заключительном вечере-концерте звучали русские и советские песни, стихи Пушкина, Лермонтова, Ахматовой.

Генеральный секретарь Ассоциации дружбы и сотрудничества «Бельгия — СССР» Марион Шуберт отметила, что изучение русского языка, языка мира и дружбы, помогает многим бельгийцам ближе познакомиться с жизнью Страны Советов, испытать на себе влияние ее великой культуры. Она подчеркнула, что руководство Ассоциации уделяло и будет уделять самое большое внимание Институту русского языка и оказывать помощь его полезной и интересной работе.

*

Каковы же конкретные причины интереса бельгийцев к изучению русского языка? Отвечают участники семинара.

Андре Ван дер Мерс, нотариус: «Почему я начал учить русский язык? Дело в том, что я очень люблю читать, люблю художественную литературу. Уже давно моим сокровенным желанием было получить возможность читать в оригинале русских писателей и поэтов. Достоевский и Чехов, Толстой и Гоголь, Пушкин и Тютчев — через их произведения мне открылись многие прекрасные духовные черты великого русского народа. Я собираю библиотеку русской и советской прозы и поэзии, книги по истории России, русской культуре, изданные, в первую очередь, в СССР. Конечно, пока я еще очень слабо владею русским языком. Однако моя мечта — хорошо его знать».

Альбер Превенерс, коммерсант: «Пожалуй, основной причиной, которая побудила меня начать изучать русский язык, было желание ближе познакомиться с жизнью в СССР, с различными этапами послереволюционной истории вашей страны. Ведь в буржуазной прессе, в книгах, выходящих на Западе, очень часто публикуются субъективные оценки многих фактов советской жизни. А теперь я смог выписывать даже газету «Правда»: читаю медленно, со словарем, но уже читаю! К тому же моя фирма имеет деловые отношения со многими странами, включая и некоторые страны социализма. Быть может, в будущем речь пойдет и об установлении таких же взаимовыгодных отношений с советскими внешнеторговыми организациями? Деловой человек должен знать язык своего возможного партнера...»

Сабина Фар, домохозяйка: «Русский язык для меня — не только система общения, как английский, немецкий, французский языки. Он для меня еще и символ добра и счастья. Я была в СССР уже почти двадцать раз. У меня там много друзей. Я хочу еще лучше знать русский, чтобы быть ближе к Советскому Союзу, стране, в которой я всегда бываю так счастлива! Есть и чисто практиче-

ские соображения. Хотя я занимаюсь в основном детьми, домом, по все же мне удается регулярно работать гидом-переводчиком с советскими туристами, приезжающими в Бельгию. Несколько раз я ездила в СССР и как переводчик некоторых наших деятелей культуры. Так что совершенствовать русский язык мне нужно постоянно. Как это у вас говорят: век живи — век учись!..»

Анна Буша, преподаватель русского языка в Торгово-промышленной палате Брюсселя: «Русский язык — моя профессия! Я не мыслю себя без русского языка. Но мои студенты очень требовательны, так что я не могу останавливаться на достигнутом. Только постоянно совершенствуя свои знания, я смогу квалифицированно и успешно преподавать. И, честно говоря, на этих курсах в Кербергене я почерпнула для себя очень много нового и полезного: и с точки зрения теории русской речи, и с точки зрения методики преподавания. Это было прекрасно!»

Участники семинара в Кербергене продемонстрировали хорошее владение русской речью не только на занятиях и в беседах, но и позже, когда некоторые из них выступили в качестве гидов, экскурсоводов во время поездки по Бельгии, организованной Ассоциацией.

*

Идет время. Осенью 1984 года к занятиям в брюссельском Институте русского языка приступили новые группы начинающих. Пожелаем же успеха всем друзьям русского языка в Бельгии. Пусть их учеба послужит подтверждением известной истины о том, что русский язык — это язык мира и дружбы.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
кандидат филологических наук

Рисунок С. Гавриловой

Одним из наиболее трудных вопросов, возникающих в процессе изучения «Слова о полку Игореве», является толкование его «темных мест». Термин «темные места» был введен в научный обиход А. Ф. Малиновским, который при подготовке памятника к изданию 1800 года выписал все для себя непонятное и озаглавил — «Темные места в поэме Игоря». Таких мест оказалось восемнадцать. В дальнейшем некоторые из них были объяснены и обоснованы с достаточной степенью убедительности, остальные до сих пор — предмет изучения и споров. Наблюдаются и такие случаи, когда то, что вначале казалось понятным, стало вызывать сомнения, «затемняться».

В научной литературе выдвинуты два предположения о причинах появления «темных мест». Первое, окончательно сформулированное М. В. Щепкиной, состоит в том, что дошедшая до нас рукопись «Слова», относящаяся к концу XV — началу XVI века, была написана беглым полууставом со значительным количеством сокращений и выносных букв. При переписывании появились различные ошибки и опiski. По-видимому, рукопись обветшала, была повреждена, ряд начертаний в ней поблек, затерся, особенно у края листа, и мог быть неправильно прочитан или пропущен первыми издателями. Много затруднений возникло при разделении на слова слитно написанного текста, раскрытии сокращений. Второе предположение, обоснованное Е. И. Чепур, иного плана. По убеждению исследователя, первоначальный текст «Слова» был написан не общепринятой кириллицей, а глаголицей, чтобы засекретить его и тем самым уберечь от уничтожения политическими противниками Игоря Святославича. Копиисту промежуточного текста не все буквы глаголического алфавита были понятны. Появились ошиб-

ЗАГАДКИ «ТЕМНЫХ МЕСТ» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ки, которые и привели к возникновению в дальнейшем «темных мест».

Трудно сказать, какому взгляду в конечном счете следует отдать предпочтение. Большинство исследователей согласно с М. В. Щепкиной, и все же причина появления «темных мест» окончательно не выяснена, а факт их существования — налицо. По справедливому замечанию академика С. П. Обнорского, «„темные места“ в своем большинстве... до настоящего времени не могут считаться разгаданными и объясненными с достоверностью».

Итак, поэт задает загадки...

«СОЛОВЕЙ СТАРАГО ВРЕМЕНИ...» Боян — идеальный певец-поэт, «соловей старого времени», внук (потомок) бога Велеса. Имя Бояна трактовалось и как нарицательное, обозначающее певца-поэта вообще, и как собственное. В настоящее время преобладает вторая трактовка, особенно после обнаружения в киевской Софии настенной надписи (граффити) второй половины XII века, в которой упомянута «Боянова земля», проданная за семьсот гривен княгине Марии Мстиславне. Исследователь этой надписи С. А. Высоцкий пришел к выводу, что Боян, упомянутый в граффити Софийского собора и в «Слове о полку Игоре», — одно и то же лицо.

Одни ученые считают Бояна то ли «вещим» сыном болгарского царя Бориса I, то ли внуком его, сыном царя Симеона, умершего в 927 году, другие — киевским боярином, тысяцким Яном Вышатичем. Гипотеза о Яне Вышатиче, человеке, принимавшем самое деятельное участие в политической жизни Киевской Руси, пришедшем к мысли о необходимости положить конец междоусобицам князей, и известном сказителе, повествования которого использовались летописцами, более убедительна.

Рассказ о самом характере творчества Бояна — также «темное место»: слагая песнь в честь кого-либо из князей, он «растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Еще Н. А. Полевой и А. С. Пушкин думали, что *мыслию* в данном случае — описка, что по аналогии с волком и орлом здесь упомянут какой-то зверек, лазающий или бегающий по деревьям. Позже В. И. Даль назвал такого зверька — «мышь» (так в Псковской губернии называли белку или векшу). Е. В. Барсов уточнил: *мышь* — не просто белка или векша, а летучая белка — летяга. По мнению Н. М. Егорова, *мышь* — лесная мышь («соная»), жизнь которой настолько связана с деревьями, что она и гнезда вьет на ветвях. В. В. Нимчук выдвинул предположение, что в первоначальном тексте могло быть не *мыслию*, а *мезгою* (древнер. *мезга* — древесный сок). Предложенный им перевод: «растекался весенним соком по дереву».

Помимо «мыслию по древу», в «Слове» есть близкое этому выражение — «по мыслену древу», в свою очередь, связанное с Бояном. Его пытались объяснить, как «древо жизни», «древо познания добра и зла». Еще одно предположение: «мыслено древо» — письмо на бересте. Возможно, Боян записывал свои песни на березовой коре. Тогда по *мыслену древу* значит «по древу разума». Если это так, то в новом свете выступит и выражение «растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы».

Автор, обращаясь к своему предшественнику в поэзии, подчеркивает, что в противовес его «замышлению» (фантазии) будет следовать «былинам сего времени» — правдиво рассказывать о том, что происходило на самом деле. Он отрицает бояновскую традицию восхваления князей-современников, полностью посвящая свой труд другой задаче — призыву русских сил к единению в лихую годину половецкой угрозы.

«БЫЛИ ВЕЧИ ТРОЯНИ». В памятнике слово *Троян* упоминается в таких выражениях: «рища в тропу Трояню», «были вечи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмом веце Трояни». Толкование этого слова в научной литературе различно: царь Трой-Пергама (П. П. Вяземский); Боян (так как Троян либо описка переписчика, либо неправильное прочтение первыми издателями — Н. С. Тихонравов); римский император Траян (Н. С. Державин); князь Рюрик, старший из трех братьев, призванных (по летописной легенде) от варягов на Русь (Г. П. Шторм) и другие.

Интересно предположение Н. И. Костомарова — «троян» может означать: отца, имеющего трех близнецов, тройку лошадей, род танца, растение, вообще тройку. Какое же из этих значений ближе всего подходит к «Слову»? По всей вероятности, считает Н. И. Костомаров, ответ на этот вопрос дает «Повесть временных

лет», ибо в легенде об основании Киева есть такая тройка — братья Кий, Щек и Хорив, родоплеменные князья полян.

Однако, по мнению ряда исследователей, в том числе Д. С. Лихачева, Троян — это языческий бог. Имя его упомянуто в апокрифе «Хождение богородицы по мукам»: «Троиана, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша» (список XII в.). Если такое мнение соответствует действительности, то выражение «рища в тропу Трояню», пишет Д. С. Лихачев, означает «носясь по божественным путям»; «были вечи Трояни» — «были века язычества»; «на землю Трояню» — «на Русскую землю» (Именно в этом же смысле русский народ называется в «Слове» «Дажьбожьим внуком»); «на седьмом веце Трояни» — «на последнем веке язычества». В «Слове» параллельно с христианским богом называются боги языческие (Велес, Стрибог, Дажьбог), но уже только как поэтические символы, художественные обобщения. На это смешение двух религий, двоеверие, характерное для первых веков христианства на Руси, обратил внимание К. Маркс: «Вся песнь носит героическо-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е, т. 29).

«КАРНА И ЖЛЯ». «За ним кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли, смагу людем мычючи в пламяне розе» — неясная фраза вызвала толкования мифологического и исторического характера. В. Ф. Миллер в словах *карна* и *жля* видел «олицетворение нравственного понятия». «Карна» — должно быть, испорченное от «кара», «наказание»; «жля» — *желя*, то есть жалость, скорбь, печаль. С таким значением слово упоминается и в летописном рассказе о походе Игорева войска. Сторонники В. Ф. Миллера под *карной* и *жлей* понимали то плакальщицу или в пленницу, то каких-то похоронных богов, а *смагу* (огонь, жар) связывали с обрядом сожжения мертвых.

А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский были уверены, что Карна и Жля — имена половецких ханов. Сторонники этого взгляда (их большинство) сближают «смагу... в пламяне розе», с «живым огнем» половцев, упоминаемым летописцами. В частности, В. Г. Федоров ссылается на Ипатьевскую летопись, в которой под 1184 годом рассказывается о походе хана Кончака на Русь и его похвальбе уничтожить все на своем пути, ибо обрел он «мужа басурманина», умеющего стрелять огнем и поджигать осажденные города; а также — на данные историка В. Н. Татищева, пользовавшегося старинной Черниговской летописью, ныне утерянной. Но ведь в «Слове» речь идет не о стрельбе, а «мыкании» *смаги*, и среди имен половецких ханов, зафиксированных письменными источниками, нет схожих с Карной и Жлей.

Дать новое истолкование загадочным словам попытался украинский советский писатель В. А. Шевчук в романе «Велесич» (1980): *карна* и *жля* упоминаются сразу же после того, как автор «Слова» изобразил разгром дружины Игоря и вторжение половцев на Русь. По-старотюркски (язык половцев относится к этой группе) *карна* значит грабеж, *жля* — очевидно, плач по убитым, *смага* — пожары. Таким образом, грабежи, убийства, пожары — вот что сопровождало половецкое нашествие, что заставило плакать русских жен.

«У ПЛЕСНЬСКА НА БОЛОНИ...» Много неясного для современного читателя в картине сна киевского князя Святослава, наполненной одновременно конкретными и символическими образами, вызывающими чувство тревоги, надвигающейся беды. Прежде всего, как следует понимать: «Всю ночь с вечера босуви врани възгряху у Плесньска на болони беша дебрьски сани и несошлю к синему морю»? Вот что по этому поводу пишет О. В. Творогов: «Предлагались различные исправления этого явно испорченного в мусин-пушкинском тексте места. Большинство исследователей приняло лишь поправку «босуви» на «бусови» (т. е. «серые») и «несошлю» на «несошася». Остальные поправки приняты лишь некоторыми комментаторами. Так, предлагалось читать: «беша дебрьски сани» с двумя толкованиями — «адские сани» или «живущие в дебрях змей». Перевод А. С. Орлова: «У Плесньска в предградьи были в расселинах змей и понесли к синему морю». Более вероятно другое понимание текста: вороны «возгряху» у Плесньска, были в дебри (лес в овраге, овраг) Кисаней и понесли к синему морю. Большинство ученых сходится во мнении, что *Плесньск* «Слова» — это плоскогорье вблизи Киева. Слово *Кисаню* Н. В. Шарлемань предлагал читать как «Кияню». По его мнению, «дебрь Киянь» — это лес в овраге, прорытом речкой Киянкой в окрестностях Киева. Перевод слова *болонь* (чаще — *болонье*) как *предградье* не совсем точен. *Болонь* — буквально — «заливной луг, низменность у реки».

Сказанное О. В. Твороговым следует дополнить некоторыми другими трактовками. Так, М. В. Щепкина предлагала поправку: «биша» вместо «беша», поскольку именно такое написание характерно для новгородско-псковских говоров, отразившихся в «Слове», и переводила: «У Плесньска на болони убивали лесных (подкольных) змей и несли их к синему морю». Естественно, возникают вопросы: кто убивал змей и зачем их несли к морю?

Различны суждения о слове *Плесньск*. Археологическая экспедиция Львовского исторического музея (1971) обнаружила остатки древнерусского города Плеснеска у с. Подгорцы Львовской области. Высказывалось предположение, что именно о нем идет речь в «Слове». (Если в Галицко-Волынском княжестве и был город с таким

названием, разгромленный монголо-татарской ордой, то все равно очень трудно связать сон Святослава с этим населенным пунктом, находившимся так далеко от Киева.) Нам представляется, что в разгадке этого «темного места» наиболее близок к истине Н. В. Шарлемань, считающий Плесньск урочищем Плоское или Плиске под Киевом, названное так потому, что здесь холмы носят характер плоскогогорья. Позднее — это северо-западная часть Подола. Плесньск, Кияиь, болонье были видны, по утверждению ученого, из окон терема Святослава.

«СЕ У РИМ...» Как известно, после поражения войска Игоря Половецкая орда, предводительствуемая Кончаком и Гзаком, вторглась в русские пределы. Между ханами возник спор, в результате которого Кончак двинулся на Киев, а Гзак — на Посемье. Кончак, потерпев поражение под Переяславлем, отступил к Римову и захватил его. «Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир под ранами».

Неясно, что представлял собой и где находился упомянутый здесь Римов. В «Поучении» Владимира Мономаха сказано: «Пошел на войско их за Римов». Выражение «за Римов» в древности означало: за землю Русскую. Отсюда возникло предположение, что этот город был важным стратегическим центром и находился на реке Суле (левый приток Днепра), по которой проходила граница между русскими и половецкими землями. Как свидетельствует археолог Ю. Липкинг, после проведения нескольких экспедиций ему удалось разгадать загадку Римова, находившегося на месте современного села Гочево (Курская обл.).

«ЯРОСЛАВНЫН ГЛАС». В плаче Ярославны наблюдается явление, о котором мы уже упоминали: то, что казалось само собой разумеющимся, в дальнейшем стало вызывать сомнения. В этом отношении показательны события, связанные с Дунаем и Путивлем. Высказывалась мысль, что Дунай в «Слове» употребляется не только в прямом (река Дунай), но и в переносном (вообще большая река) значении. Об этом писали Ф. И. Буслаев, В. Н. Перетц и другие, ссылаясь на произведения русского, украинского, белорусского несенного народного творчества: зачем Ярославне, которая чайкой хотела полететь к раненому мужу, и прекрасно знала, что река Дунай находится в противоположной стороне от Каялы, избирать маршрут, не оправданный логикой происходящих событий? А раз так, то здесь имеется в виду Дунай эпический — та река, на берегу которой тосковала молодая женщина, умоляя силы природы спасти ее «ладу», помочь попавшим в беду русичам (см. Русская речь, 1980, № 4, с. 57). Если Ярославна плакала на городской стене Путивля, то Дунай — это Сейм. Но место пребывания ее во время похода 1185 года и связанные с ним события тоже вызывают сомне-

ние. Общеприятая версия такова: Ярославна сопровождала Игоря от Новгорода-Северского до Путивля и там осталась ждать его возвращения, поскольку этот город был лучше укреплен, более надежен в случае нападения кочевников.

Путивль, названный в «Слове», обычно отождествляется с Путивлем, расположенным на правом берегу Сейма в ста километрах от Новгорода-Северского. Однако есть и другая версия, впервые высказанная Н. В. Шарлеманем: недалеко от Новгорода-Северского находилось княжеское село Путивск. Возможно, именно в Путивске, а не в Путивле, жила княгиня во время похода и пребывания мужа в плену. Аргументируется это словами самого памятника: «Трубы трубят в Новеграде,— стоять стязи в Путивле». Если здесь имеется в виду Путивль на Сейме, то сомнительно, могло ли войско Игоря, в котором, как известно, находилось всего шесть-восемь тысяч человек, растянуться на сотню километров? При таком толковании Дунай в плаче Ярославны — это не Сейм, а Десна, на берегу которой — Путивск. Н. В. Шарлемань не учел того обстоятельства, что приведенные им слова — одна из записок Бояна, цитируемых автором поэмы. Кроме того, трудно представить, чтобы Ярославна, ввиду постоянной опасности со стороны Поля, жила в селе, укрепленном гораздо хуже, нежели город Путивль, в котором также находился тогда и ее родной брат.

«РЕК БОЯН И ХОДЫ НА...» Фраза «Рек Боян и ходы на Святъ-славля песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти» настолько искажена, что смысл ее просто непонятен. Наиболее интересно объяснение И. Е. Забелина, предложившего читать «ходы па», как «Ходына» и считавшего, что это имя певца, подобного Бояну. Тогда получается: «Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы, о старом времени Ярослава — Ольговом, великокняжеские любимцы».

«Темные места» в «Слове о полку Игореве», уже около двух столетий являющиеся загадкой для исследователей, ни в коей мере не мешают по достоинству оценить его идейно-художественное богатство и значение. По справедливому замечанию П. Г. Антокольского, читатель может многое принять просто на веру. Ему не столь важно, к примеру, что означает «тропа Трояна», нет ли здесь ошибки переписчика. А ведь именно «тропа Трояна» в своей сказочной и загадочной очевидности остается в нашей памяти. Поэт задает загадки, а разгадывать их предоставлено тем, «кому ведать надлежит».

*В. И. ТИЩЕНКО,
доктор филологических наук
Каменец-Подольский
Рисунок В. Леонова*

Рог инрога

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (1980) читаем: «Кость инрогова, слоновая, рыба зуба — ценные сорта кости из бивней слона, моржа, иногда используемые как амулеты». Слоновая кость — это бивни слона, рыба — клыки моржа, а что такое инровая кость — из приведенного текста установить нельзя. В той же статье встречаем: «Мамонтова кость... Эту кость применяют в медицине в тех же целях, что и так называемый «рог единорога».

В Словаре (вып. 5, 1978; вып. 6, 1979) имеется несколько статей о словах: инорог (инрог), инороговый (инроговый), инорожец, инорожь, единорог, единорожь, единорожец, единорожцев (-ов). Основное значение для ин(о)рога формулируется так: «Носорог; сильное животное, имеющее бивни; фантастическое животное». Словам единорог и единорожец дается следующее толкование: «Носорог, животное, изображаемое в виде лошади или оленя с одним рогом на лбу». В словаре М. Фасмера отдельной статьи для слов единорог и ин(о)рог нет, а есть отсылка к слову индрик, которое рассматривается восходящим «к русск.-церк. и др.-русс. инѣрог, инорог — «единорог» (Книга Иова, 1394 г.), калька греч.» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, том II).

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СПб., 1893) слова единорожьецъ, а также инорог, инѣрог, инрог соотносятся с греческим *монокерос*.

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1894) разъясняется, что единорог (инрог)... баснослов-

ное животное, о котором древние писатели говорят как о звере действительно существовавшем. Плиний (римский писатель) описывает единорога как животное, имеющее голову оленя, ноги слона, хвост кабана, общую форму лошади и прямой черный рог посреди лба, длиной в два локтя (*локоть* — др.-рус. мера длины, равная 38—46 см.) Рог единорога (под видом которого часто сбывался клык нарвала, вывозимый порвежцами и датчанами из полярных стран) употреблялся на изготовление разных изделий, например скипетров и посохов, и ценился весьма дорого, особенно потому, что считался чудесным целительным средством.

Нарвал — редкое арктическое китообразное животное семейства дельфиновых, длиной пять — шесть метров и весом до тонны. Его отличительной особенностью является наличие прямого бивня размером до двух — трех метров, вырастающего, как правило, у самца в левой половине верхней челюсти. Гигантский зуб имеет спиралевидную, «закрученную» форму. Нужен он нарвалу, очевидно, для того, чтобы делать в ледовом покрытии пробоины, «продухи» для доступа воздуха подо льдом всему стаду. Нарвалы живут в малодоступных для исследователей областях Арктики, поэтому раньше, чем о самих животных, узнали об их бивнях, встречавшихся на полярных побережьях. Только в 1648 году был обнаружен и описан нарвал, погибший у английского острова Мэй. В 1655 году О. Вормиус по черепу нарвала из Исландии правильно отнес животное к семейству дельфиновых. В 1758 году Карл Линней, шведский естествоиспытатель, назвал его нарвалом, так он именуется в зоологии и сейчас — *Monodon monoceros*, то есть *однозубый единорог*.

*

Малоизвестным фактом является то, что в России примерно в то же время, что и в Западной Европе, наряду с фантастическими, стали распространяться и верные представления о «роге» инрога, как принадлежности северного морского животного.

Инроговая кость была самой драгоценной частью лекарственных запасов царя Алексея Михайловича. Известно, что он обсуждал с главой Аптекарского приказа вопрос о покупке трех клыков инрога за 10 тысяч рублей, колоссальную по тем временам сумму (Новомбергский Н. Врачебное состояние в допетровской Руси. Томск, 1907). Об этой и других подобных историях сохранились архивные документы. В 1655 году лейб-медик царя Артаман Граман освидетельствовал и оценил указанные три зуба инрога, которые принес в Аптекарский приказ для продажи «иноземец Петр Марселлис». А. Граман заявил, что «те роги прямые инроговые из Кронляндской земли (Гренландии? — Р. С.), а в Кронляндской земле

дикие люди такие рога находят». Кстати, парвал, по современным данным, «чаще встречается близ Гренландии и Канадского архипелага» (см.: Жизнь животных, т. 6, М., 1971, с. 300).

Затем врач в духе своего времени описал лечебные свойства предмета. «А лекарства в тех рогах: у которых людей бывает лихорадка и огневая, и от морового поветрия, или кого укусит змея, и от черной немочи, а те де роги природные, а не деланные». Далее объяснялось, как применять такое лекарство: «А принимать того инорога против двенадцати зерен с камнем безуем (окаменелое вещество, которое встречается в желудке горного козла и других животных, наделялось в старину лечебными свойствами.— Р. С.) с теплым репским или в романеи или в кинарси (названия вин.— Р. С.) и после того потеть». Далее шла речь о цене: «И толко дать за два рога болших — 5000 рублей, а меншой рог мочно дать менши — 1000 рублей». Царь распорядился отдать за два больших бивня соболями по указанной А. Граманом цене, а если купец не будет согласен — «задорожится, то, пождав, один купить, что надо» (Дополнения к «Актам Историческим», собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4, СПб. 1851)

*

Спустя два года (10 января 1657 г.) «торговый иноземец Артемей Артемьев» предложил еще один зуб инорога и хотел получить за него «900 рублей, а мерою та кость аршин с четвертью». В предыдущем случае А. Граман «малый бивень» оценил в 1000 рублей. Новый «рог» имел размер около метра и за него купец просил на 100 рублей меньше. Если учесть, что, скорее всего, цена была «с запросом», то можно думать, что меньший клык из трех, ранее продаваемых, был размером до полутора метров. А большие бивни, за которые предлагалось по две с половиной тысячи рублей за каждый (в среднем), вероятно, были близки к максимальным размерам (2—3 м.). В пользу этого предположения говорит и то, что А. Граман при оценке клыков в 1655 году отмечал их большую величину, каковая ему раньше вообще не встречалась «в иных государствах, в Цысарской и в Турской земле».

Освидетельствовать новый зуб было поручено прежнему врачу, а также Андрею Энгельгардту и Льву Личифинусу (или Личюфинусу). А. Граман уточнил, что «кость такова ж, которую прислал к государю из-за моря дохтур Яганус, и в той кости зделан ему, государю, посох, и которая кость ныне в Аптекарском приказе». Из этих слов можно заключить, что покупка трех клыков у Марселиса, очевидно, не состоялась: купец запросил за свой товар почти в два раза больше (10 тыс. руб.), чем ему предлагали (6 тыс. руб.).

Врач А. Энгельгардт о новом бивне сообщил следующее: «Про моноцероте, или инрога, древние философы разные и преудивительные дела сновидением творили». Из этого можно заключить, что сообщения о мифическом монокеросе Плиния и других древних авторов А. Энгельгардт считал незаслуживающими внимания. А почему, он далее пояснял: «И тому нынешнее искушение гораздо противно есть», то есть от древних взглядов знания 50-х годов XVII века значительно отличались. А заключались они в том, «что те роги растут у воденого зверя и у морской лошади». Точно таких терминов в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» нет, а есть близкие: «зверь морской», в общем значении «морское животное», а также «конь водяной, морской, речной», как названия гиппопотама. Приводимую точку зрения А. Энгельгардт аргументировал данными наблюдений: «Потому, что такие инроги морские пи единожды от плавающих по морю видимы бывают; и те их роги по времени с частью головной кости на край Американского моря, на берегу, также и у устья Давыдова и у устья Андриянского обретаются и оттуду к ним привозят».

Свидетельства очевидцев и имеющийся костный материал, а не указания древних авторов, были для А. Энгельгардта решающим основанием для установления действительной природы инрога. Правда, он еще не знал точно, какому из морских обитателей принадлежит бивень. А. Энгельгардт приехал в Россию в 1655 году и располагал еще неполными научными данными о предмете.

Далее он в своей записке отмечал, что бивни инрога продаются по очень высокой цене «только великим государем, цесарем, королем, курфистрам и речи посполитой». А ценность костей инрога в том, «что належит тому рогу сила, и все философы едиными усты говорят, что тот инрог противен есть всякой отраве и порчи...». Характеристику чудесных качеств бивня А. Энгельгардт дополнил еще тем, что ношение на себе кусочка такого зуба припошит пользу: «А как тот рог на вороту носят, сказывают, что от всякой отравы хранит; и помышление блудное, как в мысле иметь учнет, и тем погашает».

А. Энгельгардт объясняет, как отличить настоящую кость инрога от поддельной, то есть от бивня или рога другого животного. Он отмечает, во-первых, спиралевидную закрученность клыка нарвала: «Будет струя на том роге обвилась кругом, тем же подобием, как хмельной прут обвивается около дерева, и будто точено». Подчеркивает, что материал клыка тверд, плотен и «вельми тяжол», обладает замечательными лечебными свойствами, а также притягивает хлебные крошки и отталкивает мелкие предметы, например кораблик, сделанный из «тонкого белого железа». Приводится еще такая примета: если из кости инрога вырезать «кружало» (кру-

жок, ободок) и посадить внутрь наука, то он за его пределы не сможет выйти. Однако этому способу установления подлинности бивня инрога врач приписывал ограниченное применение: «Только той примете не самая веру иму, сырой неделаной, тот рог будет». Получается, что если кость инрога подвергнуть обработке, то сила его слабеет.

Это известие интересно сопоставить с экспериментом Ивана Грозного, который наблюдал англичанин Дж. Горсей незадолго до смерти царя (т. е. около 1584 г.). Посохом, сделанным из бивня инрога, он приказал начертить на столе круг и пустить туда пауков. Некоторые из них убегали, а другие не могли этого сделать и погибали (Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков. — Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сборник трудов. Отв. ред. В. Б. Кобрин. М., 1974).

*

Третий врач — Л. Личифинус не был согласен с мнениями А. Грамана и А. Энгельгардта: «Много докторы объявили нам, чему верить невозможно». Вначале он привел название животного, обладающего рогом, имевшим большую лечебную силу: «По-гречески моноцерос, а по-латине униконнис, се есть единорожец по-русски». *Униконнис* — по-видимому, искаженное *уникорнис* — индийский носорог. Л. Личифинус указал районы Индии, в которых водятся носороги, со ссылкой на имена наблюдавших их путешественников, в том числе венецианца Марко Поло (1254—1323). Зверь выглядит так: «...С коня величиною, светлоблистающая шерсть, глава оленья, разделенные пазногти, хвост кабазновый (кабаний. — Р. С.), шея не само долга и не само волосата, колена сухие, на лбу носит рог длиною три локти».

Описание Л. Личифинуса скорее рисует фантастического моноцероса, чем индийского носорога. Это могло произойти из-за того, что однорогий индийский носорог был отождествлен с мифическим единорогом, и его облик перенесен на действительное животное, чему способствовало распространение представлений о лечебной ценности рога носорога. Особенно «повезло» индийскому носорогу: «Он издавна преследовался человеком из-за легенд о целебной силе рога» (*Жизнь животных*, т. 6, с. 413). Данные о лечебных свойствах рога носорога, приводимые Л. Личифинусом, столь же легендарны, как и о клыке инрога, даваемые двумя другими врачами.

Инрога Л. Личифинус именует *индрога*. Это не описка. Академик А. И. Соболевский отмечал, что такое слово содержат «великоросские грамоты XVI—XVII вв.: кость индрогова-инорогова» (Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907).

Кстати, *индрог* отдельно, а также как вариант *ин(о)рога* в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» не учтен.

Представленный для освидетельствования клык нарвала Л. Личифинус считал слоновой костью: «Ипдрог, слоновой кости, не сойдет струи, потому что тоние и меньшие, и есть по-тяжелье и по-плотнее, и в достальном на его новую кость походит». По бороздам, обвивающим бивень, врач установил его принадлежность молодому животному, но он не был согласен, что оно обитало в северных морях. Лечебные свойства «индрога», приводимые Л. Личифинусом, скромные: «А обломки из него, как в перстень положены будут, и на персте носить, либо на шеи повешен будет,— бережет отрока от трясения; а которые в больших летех, тем надобно ли 5, 6 или 7 зерен».

Расхождения в оценке клыка ирога между Л. Личифинусом и двумя другими лейб-медиками состояли в следующем. А. Граман и А. Энгельгардт имели общий взгляд относительно исключительного лечебного значения кости ирога. Л. Личифинус так не считал, допуская лишь узко-медицинское его применение: «от трясения». Были расхождения и по поводу того, какое животное скрывалось под именем «ирога». А. Энгельгардт наиболее верно указывал, что им является некий морской зверь, морская лошадь, угадывая в них нарвала. Личифинус же полагал, что ипдрог — это слон. По-видимому, врачи не верили в действительное существование фантастического монокероса, считая, что под ним надо разуметь некое конкретное животное. В отличие от своих коллег Л. Личифинус считал, что им является не нарвал, а индийский носорог.

Если учесть, что целью экспертизы бивня ирога была его покупка, причем по дорогой цене, то существовавшие между врачами расхождения приобретали государственное значение. В случае правоты А. Грамана и А. Энгельгардта трата огромных средств на приобретение ироговых зубов себя оправдывала. Если же истина была на стороне Л. Личифинуса, то лейб-медик становился спасителем государственных средств. Объективно Л. Личифинус был ближе к истине, отказывая клыку ирога в лечебной универсальности.

*

Чтобы узнать истину, нужно было бы поставить эксперимент, как подсказывает современный здравый смысл. Именно такое решение было принято и тогда — в середине XVII века. Сохранился документ, из которого следует, что «по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малая и белая Росии самодержца, боярин Илья Данилович Милослав-

ский (глава Аптекарского приказа.— *Р. С.*) приказал тое кость свидетелствовать и опыт учинить дохтуром и оптекарем».

В опыте участвовали обе конкурирующие стороны — Л. Личифинус и А. Энгельгардт. Он заключался в том, что трем голубям давался мышьяк и кость инрога. Эксперимент имел две серии наблюдений. В первом случае одному голубю давался мышьяк в количестве «дву зерен (возможно, здесь описка, по смыслу вернее — одно зерно.— *Р. С.*) перцовых», кость инрога не давалась. Второму голубю — пять «зерен перцовых» кости инрога и одно зерно мышьяка. Третьему — одно зерно мышьяка, затем пять зерен кости инрога. Все голуби в течение четырех дней были живы. Во второй раз тем же голубям давался мышьяк и инрог в несколько измененных пропорциях. Первому голубю дали два зерна мышьяка. Второму — пять зерен инрога, а затем два зерна мышьяка. Третьему — сначала два зерна мышьяка, а после того пять зерен из кости инрога. Результат оказался таким: голуби, получившие один мышьяк, а также — мышьяк, а потом кость инрога — погибли. Голубь, которому «дано кости инроговы, да после того мышьяку, и тот голубь жив».

Прямых выводов из эксперимента в документе нет. Косвенным показателем «реабилитации» инрога являются приводящиеся там же сведения о покупке у Артемея Артемьева клыка за 900 рублей, как он и просил. Итак, Л. Личифинус потерпел поражение в научном споре, в котором он был по существу прав. Причина нам неизвестна: или опыт был недостаточно «чистым» и методически неверным, или он выполнялся недобросовестно.

*

Время сняло покров таинственности с бивня, лишило его ореола исключительности происхождения, а вместе с ним стали угасать заблуждения о его феноменальной лечебной силе. В 1669 году новое «поколение» царских докторов «кость морскова зверя» рассматривало медицински бесполезной: «Та кость морскова зверя, а не инрогова, и к лекарству не годитца». На основе этого текста можно предположить, что инрог в этот период стал отождествляться со слоном, индийским носорогом или другим *земным*, но никак не *морским* животным, каким был нарвал.

Тем не менее и десять лет спустя клык инрога, возможно, в новом понимании его происхождения использовался в качестве лечебного средства, о чем свидетельствует содержание царской «походной» аптечки. Сохранилась датированная 2 октября 1673 г. опись лекарств, отправленных при царском обозе в Троице-Сергиев монастырь во время путешествия Алексея Михайловича (Дополнения к «Актам историческим», т. 6, СПб., 1857). Здесь, в частности,

говорится: «Понеже, в третьем ящике в круглых сулейках (флягах с широким горлом — *Р. С.*) 10 сулеек водки апоплектики, 5 сулеек спирту земляничного без дрожжей; 10 нарядов камени крововику (минерала гематита, который применялся как кровоостанавливающее средство. — *Р. С.*) тертого, крововику ж нетертого полфунта; безую 5 нарядов без ипроговой кости, безую ж 5 же нарядов с ипроговой костью». Если ипроговая кость не случайно оказалась в одном ящике с кровоостанавливающим гематитом, то, значит, аналогично стали подходить и к применению кости ипрога.

Такое предположение подтверждается тем, что до конца XIX века порошок из бивня нарвала продавался в аптеках в качестве кровоостанавливающего средства. Оказалось, что кость ипрога содержит соли кальция, которые до недавнего времени находили применение при лечении легочного туберкулеза. Однако в 1956 году было экспериментально доказано, что данная точка зрения является заблуждением (см.: Беленький М. Кровоостанавливающие средства. — Большая медицинская энциклопедия. М., 1960). Следовательно, только совсем недавно были окончательно развеяны какие-либо надежды на целительную силу рога ипрога — зуба нарвала, некогда наделявшегося универсальными лечебными качествами и фантастическими свойствами.

Р. А. СИМОНОВ,
доктор исторических наук
Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что обозначает выражение *казанская сирота*?»

П. Д. Агешин, Харьков

Выражение *казанская сирота* является разговорным, ироническим. Обозначает оно «человека, прикидывающегося несчастным, обиженным, беспомощным и т. п., чтобы разжалобить кого-либо», например: «— Никита, да что же тебя упрашивать? Чего, как *сирота казанская*, к порогу прирос, пройди в горницу» (Бирюков. Чайка). Первоначально речь шла о татарских мирзах (князьях), старавшихся после покорения Казанского царства русскими (во времена Ивана Грозного) получить от русских царей всевозможные побрякки, жалуюсь на свою горькую участь.

ПЕРВЫЕ СОБИРАТЕЛИ ВЯТСКИХ СЛОВ

Изучением вятской диалектной лексики занимались как видные ученые — Д. К. Зеленин, Н. М. Каринский, так и скромные энтузиасты-любители, такие, например, как учитель сельской школы Н. М. Васнецов (брат художника А. М. Васнецова, автор известных «Материалов для объяснительного словаря вятских говоров», 1909 г.). Первые попытки научного изучения словарного состава вятских говоров относятся к середине XIX века. Кто же они, за кем более уверенными и твердыми шагами пошли другие?

В 1847 году в газете «Вятские губернские ведомости» была напечатана статья «Об особенностях наречия, в Вятской губернии употребляемого». В этой статье, проникнутой чувством горячего патриотизма и национальной гордости за свой народ, анонимный автор призывал сограждан откликнуться на призыв Русского Географического Общества заняться собиранием сведений о народном быте и языке: «Давно уже настала пора, как всякий из нас с гордостью может говорить: я русский, а национальная гордость должна заставить нас узнать язык свой вполне». «Будем же все... сколько можем, способствовать общему благу, да падет и наша малая лепта в общую сокровищницу знаний». Далее автор статьи кратко представил некоторые из характерных черт вятских говоров (чоканье и цоканье, употребление сочетания *ш'т'* вместо *чт*, твердость *ш*, «растянутость или певучесть» речи). Из морфологических особенностей отмечено «сокращение» творительного падежа множественного числа (например: *смотреть обоими глазами — смотреть обем глазам*). Эта статья носила характер предисловия к словарю вятского говора, в который вошло около 500 слов.

Автором данной статьи был учитель Вятской мужской гимназии Александр Петрович Тиховидов. Выпускник Казанского университета, ученик профессора К. К. Фойгта, А. П. Тиховидов принадлежал к числу тех немногих образованных и честных людей, которые

несколько разряжали удушливую атмосферу николаевской Вятки. Недаром его выделял и дружбу с ним высоко ценил на протяжении всей жизни М. Е. Салтыков-Щедрин. И. Михайлов в статье «Щедрин как чиновник» рассказывает, что Муравьев, сын генерал-губернатора Восточной Сибири, назначенный губернатором в Вятку, перед тем, как ехать на место назначения, спросил у Михаила Евграфовича: «Скажите пожалуйста, Вы описали такой край, таких людей, что отправляясь туда, страшно делается. Да есть ли там хоть один человек, с которым по-человечески можно было бы поговорить? — А есть и там.

И Салтыков указал на некоторых, и, в особенности, на А. П. Тиховидова, воспитанника Казанского университета, бывшего учителя вятской гимназии...» (см. кн.: Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров, 1975).

В Вятку Тиховидов попал сразу по окончании университета, в 1843 году. В Государственном Архиве Кировской области хранится формулярный список коллежского асессора Тиховидова, из которого явствует, что 3 марта 1843 года он был принят на должность младшего учителя Вятской губернской гимназии. Современники, описывая внешность Тиховидова, отмечают «высокую фигуру и смуглое лицо, некрасивое по чертам, но прекрасное по выражению, исполненному ума и глубокой доброты». Вот как рисует его Я. С. Степанов, учившийся у Тиховидова, впоследствии профессор Казанского университета: «Смуглый, выше среднего роста, с резкими южными чертами и большими черными глазами, остроумный, красноречив и охотник сострить на чужой счет (его громкий раскатистый смех часто слышался в перемену из учительской сборной комнаты), несомненно, очень талантливый и очень умный человек...»

Однако назаурядные качества Тиховидова не могли проявиться в полной мере на педагогическом поприще в условиях бессмысленной зубрежки и мертвой схоластики. Уроки изящной словесности в Вятской гимназии велись по старишке и состояли из риторики и пиитики. Тиховидов, по отзывам гимназистов, с небольшим рвением относился к своей учебной деятельности, основное внимание уделяя произведениям древнерусской литературы и из осторожности избегая говорить о современности, «полагая, что о Пушкине нужно или очень много, или лучше ничего не говорить» (Спицын А. А. См.: Памятная книжка Вятской губернии на 1892 г., с. 327). Между тем Пушкина и Гоголя он знал великолепно и нередко читал отрывки из них в классе. «Читал он весьма изящно, без пафоса, довольно тихо, но глубоким и задушевым голосом» (там же).

Будучи сотрудником местной газеты, Тиховидов не чуждался

и литературной деятельности. Он собирает (1842—1845) материалы для работы, носящей необычное название: «Путешествие русской литературы по чужим краям в историческом развитии». Основной труд Тиховидова — Словарь вятских слов — был перепечатан частично в том же году в «Московском городском листке» (около 150 слов) и целиком вошел в «Областной словарь великорусского языка», изданный Академией наук в 1852 году. Рукопись словаря А. П. Тиховидова (Словарь местных слов Вятской губернии, составленный старшим учителем русской словесности А. П. Тиховидовым. — Рукопись, 1848 г.), хранящаяся в Архиве Академии наук, составлена на основе собственных наблюдений автора над речью жителей города Вятки, а также слов, собранных в Слободском и Котельническом уездах штатными смотрителями местных училищ — Кулевым и Бажиным. В примечании к словарю Тиховидов отметил стремление крестьян к расширению своего словарного запаса, восприимчивость их ко всему новому — как характерную черту: «Известна черта простонародья — оно не задумается в минуту затруднения выразить свою мысль, — сочинить словцо или хвастнуть когда-либо слышанным русским или иноземным изломанным, не взирая на то, что это слово имеет совсем другое значение». Вероятно, под влиянием Салтыкова-Щедрина, называвшего туную схоластику, царившую тогда в гимназии, «искусством вить веревки из песка», Тиховидов оставляет в 1850 году службу в училище и поступает на должность уездного судьи в город Яранск Вятской губернии. Как человек прогрессивных взглядов, Тиховидов медленно продвигается по службе. Два раза под различными предложениями откладывалось присвоение ему очередного чина. В 1858 году он возвращается в Вятку, где служит советником Вятской судебной палаты, а затем управляющим Палатой Государственных имуществ; в 1859 году ведет активную деятельность в Комитете по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1863 году Тиховидов переводится в Пензу (очевидно, по рекомендации Салтыкова-Щедрина, который приезжает сюда на следующий год) и умирает здесь через два года от чахотки.

Другой учитель вятской гимназии (с 1857 по 1870), занимавшийся собиранием диалектных слов, — преподаватель словесности Виктор Павлович Москвин. За период с 1852 по 1855 год им было собрано до двух тысяч слов и выражений, составлены систематический указатель фонетических и грамматических особенностей говора и целый сборник произведений народной словесности. Часть этих материалов в настоящее время хранится в Архиве АН СССР, часть — в Архиве Русского Географического Общества. Словарь Москвина имеет два раздела. В первом — слова, отсутствующие в академическом Словаре, во втором — слова, отмеченные в словаре

без ссылки на Вятскую губернию. К словарю приложено очень подробное описание фонетических и морфологических особенностей вятского говора, которое имеет до сих пор научную ценность. Часть слов, собранных Москвиным, вошла в «Дополнение к областному словарю великорусского языка».

Все свободное от службы время Москвин отдавал изучению быта и языка вятских крестьян: исследовал приметы и заговоры Вятского края, собирал произведения фольклора. В 1865 году он передал инспектору Сахарову статью «Об особенностях, встречающихся в языке жителей Вятского края». Судьба этого и многих других его произведений неизвестна.

Это был подвижник науки, страстно преданный ей. «В своем бескорыстном увлечении наукой,— как отмечает А. А. Спицын,— он думал поднять учеников своих на ту высоту, на которой держался сам, радостно приветствовал первые проблески начинающейся у них мысли, верил в то, что идут за ним...»

*

Выполненные на уровне лингвистической науки своего времени, работы Тиховидова и Москвина, конечно, далеки от совершенства в диалектологическом плане. Понимая это, Тиховидов писал в примечании к своему словарю: «Можно с уверенностью сказать, что количество слов, помещенных в этом словаре, весьма приблизительно выражает местные слова Вятской губернии и хотя может быть еще пополнено, но уже не так значительно, и то при тщательном изучении всей Вятской губернии на выезде: тогда, конечно, найдутся и новые слова, и, думаем, с точностью определим характер вятского провинциализма, чего, к сожалению, мы сделать не могли, за неимением времени и средств».

И тем не менее их работы чрезвычайно важны уже потому, что пробуждали живой интерес широких научных и общественных кругов к изучению народного языка. Их использовал В. И. Даль. Большая часть собранных ими слов вошла в словари Академии наук, включена в «Словарь русских народных говоров», выпускаемый Институтом русского языка АН СССР.

Работы Тиховидова и Москвина по описанию лексики вятских говоров и теперь служат науке, помогая исследователям при изучении динамики диалектной лексики, и могут быть с успехом использованы при составлении словаря кировских говоров.

В. Г. ДОЛГУШЕВ

СЛОВА —

свидетели войны

Память вновь и вновь возвращает к суровым годам войны. Ленинград; тридцатиградусные морозы; тропинка вдоль Невского, по которой мы идем за водой на Фонтанку; замотанные в платки, одеяла, медленно бредущие фигуры... Паек хлеба (а это было единственное из того, что мы получали по продовольственным карточкам) сократился (иной раз не было и этого) и приходилось выискивать горчицу, столярный клей, чтобы как-то держаться. Но никогда не приходилось слышать ни слова о сдаче города врагу, ленинградцы продолжали работать и бороться...

В эти годы речь наша была наполнена словами военных лет. Одни из них были известны и ранее, но меняли свои значения, другие изменили свой внешний облик, третьи, казалось, вышли из употребления, но вновь вернулись к жизни. Все они — свидетели войны, блокады. Я расскажу о некоторых из них.

*

Широко употребительным словом было *дурáнда* — «остатки семян после выжимания из них масла; жмыхи» (17-томный Словарь). Это «старое» слово, которое зафиксировано еще Словарем 1847 года; есть оно также в Толковом словаре В. И. Даля. Представлено оно и в различного рода справочной литературе (Энциклопедия сельскохозяйственной жизни, Краткий технический словарь, Большая Советская Энциклопедия, II изд. и др.). Наряду с этим слово распространено в русских народных говорах со значением «льняные выжимки». В художественной литературе встречаем лишь единичные случаи употребления его. Обычно это произведения о крестьянском быте. Слово не вошло в обиходный язык, оно сохранилось в русском литературном языке как термин и продолжает жить в русских говорах.

Ни в одном из словарей мы не найдем прилагательного *дурандовый*, не встречается оно и в художественной литературе. А в блокадном городе оно также, как и *дуранда*, было хорошо известно: *дурандовые лепешки* были лакомством тех дней.

Близким по значению к слову *дуранда* было *шрот* — *шроты*: «...и мы поглощали иногда по две порции пустых щей из хряны и шроты с соевым молоком — меню, хорошо знакомое ленинградцам, жившим в блокированном городе» (Рациборская. Шоколадные кирпичики). Довоенные словари не знают этого слова. Первую фиксацию слова *шрот* находим лишь в 4-м томе «Словаря русского языка» за 1961 год. В нем оно не имеет помет, хотя толкование явно указывает на специальное употребление. 17-томный Словарь дает его с пометой «специальное» — «побочный продукт, получаемый при извлечении масла из измельченных семян различных масличных культур; используется в перемолотом виде как корм для скота»; «Раствор масла отделяют от обезжиренного остатка семян, называемого шротом» (Заболотский. Пищевые жиры).

Постепенно с изменением жизненных условий слово забылось и вновь стало принадлежностью терминологической лексики, хотя писатели в своих произведениях иногда используют его: «Селянин выложил на тарелку бурые комки, похожие по виду на холодные котлеты. Это и были шроты. — Как вы думаете, Семен Владимирович, из чего это делается? — Понятия не имею, что-то синтетическое. На Петроградской есть заводик, который вырабатывает эту штуковину... Попробуйте. Я из любопытства перепробовал все блокадное меню: хряну, дуранду, холодец из столярного клея...» (Крон. Дом и корабль).

Добрые воспоминания сохранили ленинградцы, пережившие суровую блокадную зиму, о маленькой железной печурке, которую называли *буржуйкой*, а чаще *временкой*. Эти слова-названия не были новыми. Поначалу слово *буржуйка* употреблялось преимущественно в Петрограде — Ленинграде, но, однако, скоро стало известно и за пределами его. А. Н. Толстой в романе «Хождение по мукам» писал: «Эти самодельные печки получили впоследствии широко распространенное название „буржуек“ или „пчелок“». Слово широко используется в современной художественной литературе и сейчас.

Такая же судьба и у синонимичного ему слова *временка*. В 1935 году Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова отмечает его как новое. Рассказывая о Ленинграде, писатели охотно употребляют это слово: «Пегов оглядел холодную неприветливую палату с железной временкой, от которой труба выведена прямо в окно, забитое фанерой» (Кетлинская. В осаде).

Таким образом, в русском литературном языке фактически ока-

залось два слова, обозначающих одну и ту же реалию, — *буржуйка* и *временка*. Какова их дальнейшая судьба? В современном употреблении намечается некоторое смысловое разграничение рассмотренных синонимов. И связано это в первую очередь с тем, что семантика слова *временка* значительно шире. В говорах оно употреблялось в разных значениях: «дорога, временно проведенная по линии строящейся железной дороги»; «колесная дорога, сделанная около полотна строящейся железной дороги»; а также — «что-либо сделанное для временного пользования», например временное деревянное помещение и т. п. С 60-х годов XX века все словари регистрируют это слово со значением «какое-либо временное строение»: «Многие семьи переезжают из временок в новые благоустроенные дома» (Марков. Грядущему веку). На основе указанного значения сформировалось другое, более отвлеченное, связанное с представлением о каких-либо временных преобразованиях вообще: «О том, что поездной туризм не мода, не временка, свидетельствует чуть ли не каждая из 15 тысяч анкет, полученных Ленинградским бюро» (Неделя, 1968, № 30) — в этом контексте *временка* обозначает «непродолжительное, преходящее явление».

*

В ту военную пору словом *зажигалка* повсюду называли зажигательную бомбу. Но ленинградцам было известно еще одно его значение, которое не вошло ни в один словарь и крайне редко встречается в художественных произведениях. Отсутствие спичек заставляло горожан мастерить различного рода приспособлений для высекания огня, их-то и прозвали *зажигалками*: «Жители Ленинграда, как робинзоны, мастерили из жести печурки, из банок — лампочки-коптилки, делали зажигалки, заменяющие спички» (Верзилин. По следам Робинзона).

Слово *коптилка* в конце XIX и даже в первое десятилетие XX века не было известно литературному языку. С пометой «областное» в 1913 году отметил его «Словарь русского языка» под редакцией А. А. Шахматова: «*Коптелка*. Маленькая керосиновая лампа без стекла». Слово имело широкое распространение в говорах русского языка: в Калужской, Смоленской, Псковской, Новгородской губерниях. Свидетельства об использовании его в художественной литературе единичны: «Желтый огонек рождался из тьмы неподвижный и скучный... Это был мертвый огонек лампочки-коптилки, молчаливый спутник долгих рабочих вечеров и ночей» (Шмелев. Гражданин Уклеikin).

В годы войны, когда люди вынуждены были пользоваться этим единственным для многих источником освещения, *коптилка* проч-

но входит в обиходную речь и теряет областную окраску. Писатели все чаще вводят его на страницы своих сочинений как наименование любого фитилька, опущенного в плошку с чем-либо горячим (жир, масло и т. д.). С этим значением оно и употреблялось в языке ленинградцев. В наши дни слово продолжает свою жизнь в художественной литературе: «Без сомнения они [дневники] писались на привалах, при свете копилки из тюленьего жира» (Каверин. Два капитана).

Слово *щель* — «укрытие от осколков снарядов, бомб в виде траншеи, окопа» в военное время было очень живо. Горожане сами рыли щели в садах и прятались в них при артобстрелах и бомбежках. Толковые словари регистрируют это значение лишь с 1949 года, помещая в разряд нейтральной лексики (см.: Словарь С. И. Ожегова). Во втором издании Большой Советской Энциклопедии (1957) слово зафиксировано с пометой «фортификационное»: «короткий узкий и глубокий ров, предназначенный для укрытия людей во время обстрела артиллерией, авиацией и в момент атаки танков». 4-томный Словарь сопровождает его пометой «военное» (1961). Колебания в стилистической оценке слова свидетельствуют о том, что оно находилось на грани нейтральной и терминологической лексики. В современном языке слово продолжает жить в произведениях о войне: «Щели дорыли через час. Сипцов сел на землю и опустил ноги в щель» (Симонов. Живые и мертвые).

*

Мы рассмотрели лишь малую часть слов, которые были в обиходе у ленинградцев военной поры. У каждого слова своя судьба, которую в конечном счете определила война. «Все слова рождены деянием, трудом», — справедливо отметил в свое время А. М. Горький. И все они так или иначе раскрывают нам «мир во всей сложности своей истории», — писал известный историк Б. Д. Греков.

*Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА,
кандидат филологических наук
Ленинград*

Из партизанского лексикона

В годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии широко развернулось партизанское движение. Вместе с белорусами в нем участвовали представители и других национальностей. В этих условиях основным средством общения стал русский язык, на котором велась также партизанская документация, издавались подпольные газеты, листовки и другие материалы.

В последние годы опубликовано большое количество мемуарной литературы — воспоминания участников партизанского движения. В них и личные впечатления самих авторов и их боевых сподвижников, и архивные документы военной поры. Отражены и особенности речи партизан. В этом отношении мемуары имеют несомненное преимущество перед художественными произведениями, авторы которых не были участниками боевых действий и при описании обстановки, событий, быта военного времени пользуются в основном средствами современного литературного языка.

*

Почти в каждом мемуарном произведении встречается наименование *Большая земля* — так партизаны называли советский тыл, откуда им доставлялись на самолетах оружие, боеприпасы, взрыв-

чатка, медикаменты, литература и куда они отправляли связанных, раненых, партизанские семьи, письма и т. д. Прибывшие к партизанам из-за фронта связанные, инструкторы, подрывники, как правило, назывались *москвичами*, хотя большинство из них не были жителями Москвы: «Оказывается, он уже слышал от своих связанных, что из-за линии фронта прибыл отряд, и между собой нас прозвали здесь „москвичами“» (Лесничий С. Далеко за фронтом).

Очень распространенным было выражение *рельсовая война* — уничтожение рельсов на железных дорогах, благодаря чему надолго задерживалось передвижение врага; одновременный массовый подрыв рельсов на больших участках назывался *концертом*. Диверсии на железных дорогах были одним из основных видов партизанской борьбы. Термин *железная дорога* в языке партизан превратился в *железку*: «Здесь он обучает молодых подрывников, сам водит группы на железку» (Зуевич И. Райком в подполье). Это давнее слово в словарях русского языка квалифицируется как просторечное и устарелое, но в партизанском лексиконе оно обрело новую жизнь и перешло в активный запас.

Для подрыва эшелонов применялись мины самых различных конструкций, в том числе и так называемые мины на удочку, которые устанавливали удочники. Вот описание удочника, данное в книге Р. Н. Мачульского «Вечный огонь»: «...среди подрывников, отличавшихся исключительной храбростью и выдержкой, выделялась группа, выполнявшая наиболее опасные задания. Это так называемые „удочники“. Подрывник обычно действовал так: подложит мину под рельс и быстро отходит от полотна, наблюдая за взрывом издалека. А „удочник“ привязывает к боевой чеке бечевку или провод длиной метров сто и, как рыбак, ожидает своей „добычи“, взрывая мину под паровозом. „Удочники“ действовали наперняка, подрывая не первый попавшийся эшелон, а тот, который везет важный груз,— живую силу и технику».

Метафоризации подвергались и названия обычных, самых распространенных видов оружия и воздушных транспортных средств. Станковый пулемет имел названия *станкач* или *максимка*: «Щемелев махнул фуражкой, и по врагу длинной очередью полоснул наш испытанный станкач „максим“» (Дедюля И. Партизанский фронт); «В группе сержанта мы обменяли свой пулемет на ручной.— Мои люди устали, обессилели. А дорога предстоит дальняя,— сказал я командиру группы.— Берите „максимку“, а пам дайте „дегтяря“» (Арзуманян С. Земля пылала); ручной пулемет конструкции В. А. Дегтярева (РПД) — *дегтярь* или *ручник*. Для пулеметов обоих видов употреблялось и общее название *машинка*. Малогабаритная граната, по форме напоминающая лимон, называлась *лимонкой*; «Каждый положил в сани продукты из запасов отряда

(будто на рынок едет), а за назуху на всякий случай — по две гранаты-лимонки» (Лесничий С. Далеко за фронтом).

Упрощения распространялись и на названия разных видов вооружения: *магнитка* — магнитная мина, применяемая подпольщиками для подрыва паровозов и автомашин: «Сохраняя спокойствие, не раз Люба проходила через посты охраны, неся в сумке по несколько магниток, полученных от партизан» (Попов Ф. Незабываемые годы); *самозарядка* — самозарядная винтовка конструкции Ф. В. Токарева (СВТ).

В партизанских зонах некоторые населенные пункты стали своеобразными административными центрами. В них размещались штабы бригад и отрядов, подпольные райкомы партии и комсомола, типографии, партизанские комендатуры, госпитали, мастерские и другие службы. И партизаны, и местное население такие центры называли *Малой Москвой* или просто *столицей*.

В партизанской топонимике интересно взаимоотношение названий *Суражские ворота*, *Витебские ворота* и *Витебский коридор*. В результате успешного наступления Красной Армии зимой 1942 года в обороне на стыке флангов немецко-фашистских армий групп «Центр» и «Север» в районе Суража образовался разрыв в линии фронта. Эту брешь сразу же использовали партизаны для связи с Большой землей, куда они направляли связных, раненых, призывников, хлеб и скот для Красной Армии. Поскольку для партизан, двигавшихся на восток, ближайшей целью продвижения был район Суража, то этот участок между фронтами стали называть *Суражскими воротами*: «Направляя в тыл группу Калашникова, наше командование не знало, что „Суражские ворота“ уже закрыты» (Короткевич А. Обелиск у дороги). Одновременно к партизанам через этот же разрыв шли партийные и комсомольские работники, связные, организаторские и подрывные группы и даже новозки с оружием и боеприпасами. Для идущих к партизанам в западном направлении основным ориентиром был город Витебск, потому они и называли этот же разрыв *Витебскими воротами* или *Витебским коридором*.

Если командиром отряда или бригады был не профессиональный военный, а в прошлом гражданский человек и несколько старший по возрасту, то его могли называть *Стариком*: «Командир отряда В. С. Пыжиков, которому тогда шел пятьдесят пятый год, по сравнению с другими партизанами выглядел стариком, к тому же его еще более старили борода и клипыш и усы. Поэтому Пыжикова обычно называли „Стариком“, а когда речь шла об отряде, говорили: отряд „Старика“» (Груздев К. В годы суровых испытаний), *Батькой* или *Дядей* с добавлением имени, большей частью в разговорной, фамильярной форме: *Батька Минай* (командир брига-

ды Минай Физинпович Шмырёв), *дядя Костя* (командир бригады Константин Сергеевич Заслонов), *дядя Леша* (командир бригады Алексей Капидьевич Флегонтов): «12 июля, когда враг вторгся на территорию района, народные мстители ушли в лес. В пути кто-то из партизан любовно назвал своего командира „Батька Минай“. Это имя пришлось по душе всем партизанам, так потом стали звать его и в народе» (Жилинин Я., Позняков И., Лузгин В. Без линии фронта); «Вечером вблизи Зборска я встретил Флегонтова. Спокойный и уравновешенный, Дядя Леша на этот раз сильно нервничал» (Ливенцев В. Партизанский край); «В сентябре 1942 года состоялось совещание командиров и комиссаров трех соседних бригад — „Старика“, „Дяди Коли“ и „Дяди Васи“» (Мачульский Р. Вечный огонь).

Иногда в мемуарной литературе описываются и ситуации, при которых возникали новые слова и выражения. В одной из книг рассказывается, как кочующие цыгане обнаружили в лесу груды шашек тола. Далекие от военного дела, они решили по форме и цвету, что это мыло, и забрали тол. Об этой находке узнали партизаны и отобрали у цыган взрывчатку, но после этого тол в шутку стали называть *цыганским мылом*. Взрывчатки не хватало, и партизаны научились выплавлять тол на кострах из артиллерийских снарядов и неразорвавшихся фашистских бомб. Это опасное занятие нередко кончалось трагически, поэтому место, где таким образом добывалась взрывчатка, называлось *чертовой кухней*: «В некоторых местах были оборудованы так называемые „чертовы кухни“, в которых смельчаки с риском для жизни выплавляли тол из артиллерийских снарядов и авиабомб» (Калинин П. Партизанская республика).

*

Можно полагать, что в мемуарной литературе о партизанском движении в Белоруссии зафиксирована только часть той специфической лексики и фразеологии, которая бытовала в устах народных мстителей. Относительно полный состав партизанских лексических употреблений может быть установлен лишь путем непосредственного опроса бывших участников партизанского движения. Изучение этой проблемы представляет несомненный интерес для исторической лексикологии русского языка.

Н. С. ЖУРАВСКАЯ

Минск

Рисунок В. Толстоногова

В середине XIX века энтузиасты многих стран ломали голову над изобретением аппарата, который мог свободно перемещаться в воздушном пространстве в любом направлении. До этого человек поднимался в небо только на шарах (аэростатах), целиком зависевших от стихии. Далеко не случайно такие полеты назывались *воздухоплаванием*.

Для покорения воздушного пространства человек искал аналогию в природе. Завидуя птицам, он мечтал о создании крылатой машины. Идея такой машины была высказана К.-Ф. Мервейном еще в 1782 году, то есть практически одновременно с запуском братьями Монгольфье своих первых шаров. Книга Мервейна «Искусство летать по-птичье» была издана и в Москве на русском языке в 1794 году. В ней помещена гравюра, изображающая «летательную машину, посредством коей люди могли бы летать... по ефирным долинам, соображая свой полет с птичьим».

Само слово *авиация* родилось во Франции гораздо позже, в 1863 году, когда Ландель издал свою книгу «Авиация или Воздухоплавание без воздушных шаров». Неологизм был принят и даже включен в энциклопедический словарь 1865 года в значении: «Способ передвижения по воздуху с использованием аппарата тяжелее воздуха, имитирующего полет птиц». Работа Ланделя была хорошо известна и в России, на нее сослался в своей книжке «Воздушный корабль» (1874) Н. Соколов.

В самом начале 1880-х годов стали появляться первые летательные аппараты тяжелее воздуха. Иногда их называли «птицеподобные летательные машины». Отношение к ним сначала было до-

вольно скептическое: «Автодинамическое летание считается... многими лицами несбыточной мечтой», — писал журнал «Воздухоплаватель» в 1882 году. Такие аппараты, чтобы отличить их от аэростатов, стали называть аэродинамами, иногда с дополнением в скобках «поясняющего» французского слова *aviation*. Этот термин неоднократно употреблял Д. И. Менделеев, живо интересовавшийся вопросами воздухоплавания и сам совершивший полет на воздушном шаре. В 1878 году он писал в Военно-морское министерство: «Воздухоплавание бывает и будет двух родов: одно в аэростатах, другое — в аэродинамах, потому что птица тяжелее воздуха и есть аэродинам» (см.: Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России).

На создание существительного *аэродинам*, видимо, оказало влияние то обстоятельство, что к этому времени уже существовал термин *аэродинамика*. В то же время название *аэродинам* вызвало недоумение, и уже в номере от 1 января 1883 года тот же журнал «Воздухоплаватель» поместил статью, в которой говорилось: «*Aviation* — слово, придуманное... для выражения идеи подражать полету птицы и произведенное от латинского *avis* — птицы и *action* — действие, движение; кажется, можно бы перевести по-русски просто Авиация, не прибегая ни к каким перифразам вроде Аэродинамов, нимало для непосвященных не выясняющих того, что Авиация вовсе не воздухоплавание, ибо что летает, то не плывет, а что плывет, то не летит».

В 1888 году русский врач Н. А. Арендт, занимавшийся проблемой планирующих полетов, выпустил свою книгу «О воздухоплавании, основанном на принципах парения птиц», в которой достаточно часто и вполне оправданно употребляет слово *авиация* (и прилагательное *авиационный*). Автор писал, в частности: «Авиация, как это видно уже из ее наименования, должна иметь своим объектом стремление исследовать и воспроизвести искусственное движение, аналогичное естественному полету птиц». Таким образом, слово *авиация*, построенное на базе двух латинских основ (франц. суф. — *tion* восходит к лат. *action*), можно было бы перевести как «птицелетание», «птицеподобное передвижение (в воздухе)». Такой именно смысл вкладывал в него и К. Э. Циолковский, опубликовавший в 1894 году статью (а в 1895 — брошюру) «Аэроплан, или птицеподобная (авиационная) летательная машина».

Появление нового термина в русском языке практически совпало с полетами первых моделей А. Ф. Можайского, названных им *летучками*. На смену воздухоплаванию пришла эпоха воздухолетания.

В начале XX века, особенно после полетов братьев Райт, авиация быстро стала завоевывать сердца и умы людей. Первый аэроплан поднялся в небо России в 1909 году. Слово *авиация* мелькало тогда практически во всех сообщениях на летную тему. Один из журналов тех лет писал: «Можете ли вы представить себе, что будет с нашим земным миром, когда авиация, т. е. летание на механических аппаратах тяжелее воздуха, войдет в стадию общедоступного пользования и промышленной, массовой фабрикации летательных аппаратов? О будущности авиации приятно хотя бы помечтать» (Аэро, 1909, № 1). Встречались и курьезные характеристики: «Авиация, как всем известно,— самый модный в настоящее время, самый увлекательный спорт... Авиация есть самый занятный, самый полезный для здоровья тела и души и, главное, *безопасный* вид спорта» (К спорту, 1911, № 3; курсив в подлиннике). Тогда же «Авиация» окончательно отмежеввалась от «воздухоплавания»: «Мы сознательно заменили слово «воздухоплавание» словом «авиация», так как эта выставка является специальной выставкой аэропланного производства; воздушных шаров на ней почти нет...», — писала газета «Речь» 10 декабря 1911 года.

Интересно, что наряду с термином *авиация* в русском языке в тот период было в употреблении и другое очень близкое по форме слово с тем же значением — *авиатика*: «Е. П. Сверчков — единственный из русских изобретателей по авиатике, у которого уже совершенно готов летательный аппарат» (Русский спорт, 1909, № 7). Интересно и свидетельство А. И. Куприна: «Тут же оказалось, что все его (пилота Уточкина.— А. Ш.) карманы наполнены кипами специальных журналов по авиатике» (Над землей, 1909). Употреблялось в это время и прилагательное *авиатический*.

Как известно, суффикс *-ик-а* служит для образования слов, обозначающих различные науки, отрасли знания и т. д., в том числе и связанные с полетами (*аэронавтика*, *аэростатика*). Значения слов с этим суффиксом приобретают оттенок комплексности, собирательности. *Авиатика*, по-видимому, является попыткой некоторого обрусения заимствованного слова *авиация*. Историческая традиция и международная практика закрепили в языке слово *авиация*.

1910-й год являлся «пиковым» для массовой пропаганды полетов в России и окончательного утверждения слова *авиация*. В этом году были организованы два праздника: весной — «Авиационная неделя» и осенью — «Первый авиационный праздник воздухоплавания». Летом в Гатчине была открыта «Школа авиации при Всероссийском аэроклубе». Прошло менее 10 лет с начала первых полетов на аэропланах. Возраст нового века также не превышал десятилетия, а русские журналисты уверенно нарекли его «веком

авиации». К 1910 году русская авиация уже стояла на третьем месте в мире после французской и германской.

Слово *авиатика* (теория и искусство летания с помощью машины тяжелее воздуха) зафиксировано в Словаре иностранных слов и научных терминов 1905 года (сост. А. Е. Яновский). Русская энциклопедия (т. I, 1911) дала статью об *авиации*, приведя в качестве синонима и *авиатику*. Военная энциклопедия (1911) посвятила *авиации* отдельную статью, а также дала толкование в статье *аэронавтика*. Это же издание отметило, что *авиация* «иногда заменяется термином *летание*». Именно *летание* в качестве основного названия, наряду с *авиацией*, употреблял и Арендт. Даже в 1913 году журнал «Летун» именовал себя органом, посвященным «воздухоплаванию, летанию и быстrokатной жизни».

От существительного *авиация* был образован неологизм для названия лица, летающего на аэропланах, — *авиатор*. Автором этого слова в русском языке, вероятнее всего, следует считать Арендта, который несколько раз использовал его в уже упоминавшейся работе 1888 года. Во французском языке оно стало общеупотребительным к 1900 году. В первое время во французском и английском языках слово *авиатор* означало не только пилота, но и летательный аппарат — антипод воздушного шара. Однако уже в самом начале XX века французский журнал «Аэрофил» предложил под словом *авиатор* понимать лишь человека, поднимающегося на воздушном снаряде, о чем в 1904 году информировал русских читателей журнал «Воздухоплаватель».

В начале 1910-х годов русские авиаторы, число которых быстро росло, назывались еще по-разному: *летателями*, *летунами*, *легчиками*, *аэропланистами* или, на французский манер, — *пилотами*. Встречалось и двойное название: *пилот-авиатор*. Первых женщин-авиаторов (или женщин-пилотов), как зарубежных, так и русских, в России называли *авиаторшами* и *авиатрисами*.

Позже, уже в 1920-х годах, для характеристики полетов за пределы атмосферы был предложен термин *суперавиация*, не прижившийся в языке и вытесненный словосочетанием *реактивная авиация*. Сегодня для названия заатмосферных полетов мы пользуемся словами: *космонавтика*, *астронавтика*.

Первая часть слова *авиация* превратилась со временем в словообразовательный элемент *авиа-* со значением «авиационный, относящийся к авиации». С помощью этого элемента в русском языке создано много сложных слов.

А. Н. ШУСТОВ

Ленинград

Рисунок В. Леонова

Вверх тормашками

В составе русской фразеологии есть слова, не употребляющиеся вне словосочетаний, в состав которых они входят. Одно из таких слов — *тормашки*, неразрывно связанное с оборотом *вверх тормашками*. В зависимости от глагольного окружения этот оборот может иметь различную семантику.

Ставить, переворачивать, переворачивать что-либо вверх тормашками значит «коренным образом изменять что-либо, делать что-либо абсолютно иным, не таким, как было»: «Если б Макару дать власть, что бы он мог наделать? Он бы со своей ухваткой всю жизнь вверх тормашками поставил!» (Шолохов. *Поднятая целина*).

Лететь, идти вверх тормашками — «рушиться, гибнуть, неожиданно пропадать»: «У буржуа — почва под ногами определенная...; семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это — и все полетит вверх тормашками» (Блок. *Интеллигенция и Революция*); «Человек к ним прижился и, может быть, счастлив. И вдруг у него все летит вверх тормашками» (Федин. *Первые радости*).

Значения «коренным образом изменять что-либо» и «рушиться, гибнуть» воспринимаются как вторичные, производные от более конкретного — «в перевернутом, опрокинутом положении; перевернув, опрокинув, поставив низом вверх». Это значение реализуется в сочетаниях с глаголами *лететь, падать, спускаться* и другими, имеющими конкретно-физическое значение: «[Лягушка] полетела вверх тормашками на землю» (Гаршин. *Лягушка-путешественница*); «— Уточкин! Уточкин! Уточкин! — кричал я в иступлении

вместе с толпой, чуть не падая с забора вверх тормашками» (Чуковский. Серебряный герб); «Только предворяю, кто ко мне сюда на крышу пожалует — и того я вверх тормашками вниз спущу» (Тургенев. Степной король Лир); «То он ворота вымажет дегтем у соседа., то капусту на грядках вверх тормашками пересадит» (Левитов. Сельское ученье).

Столь четкое «угадывание» первичного значения при неясности слова *тормашки* обусловлено наличием в русском литературном языке фразеологических «двойников» нашего оборота — *вверх ногами* и *вверх дном*.

Из этой фразеологической «триады» легко вывести и буквальное значение загадочного слова *тормашки*: поскольку в нашем выражении — множественное число, то *тормашки*, видимо, — «ноги», а не «дно». Поскольку оборот *вверх ногами* зафиксирован лексикографическими источниками уже в XVI веке и известен в других славянских языках (например, в болгарском — *кράката нагоре* «вверх ногами»), то *вверх тормашками* можно признать одним из специфично русских лексических вариантов этого ясного по образу выражения.

Вверх тормашками — одна из многочисленных диалектных вариаций более древнего и понятного *вверх ногами*. *Вверх барды*, *вверх бардами*, *кверху бардуй*, *вверх борты*, *вверх батарáшки*, *батарáшкой кверху*, *баттармóй кверху*, *бутурьем кверху*, *кверх ворóнками*, *кверх воронкой*, *вверх дном*, *квёрху жóбом*, *копылом вверх*, *кверху копылками*, *вверх копылками*, *вверх кувёрдышки*, *вверх тарáнками*, *вверх тарарáшками*, *вверх (кверху) тарары*, *вверх тарáшками* — вот лишь часть таких ярких народных оборотов, которым в литературном языке «не повезло» так, как их близкому фразеологическому «родственнику» со словом *тормашки*. Не все они, конечно, содержат в своем составе слова с конкретным значением «нога»: это могут быть и предметы, в которых верх и низ имеют четкое различие. Таковы, например, *дно* и *ворóнка*, «ненормальность» перевернутого положения которых очевидна.

Большинство же из приведенных диалектизмов включают именно локальные и экспрессивные обозначения ноги или обуви. *Барды* или *борты*, например, легко связать с диалектным названием голенища, *батарáшку* — со словом *батары* «высокие (почти до бедер) грубые сапоги из кожи», *копы́л* и *копы́лки* — с *копы́л*, *копы́лки* (или *копы́лки*) «ноги», «коленки», «каблуки» (ср. прямое значение этого слова — «короткий брусек в полозьях саней, служащий опорой для кузова») и т. д. Разумеется, такие обозначения ноги могут быть метафорическими, как в последнем случае.

Вероятно, таким же метафорическим, экспрессивным обозначением ноги являются и *тормашки*. Они явно народного происхож-

дения, поскольку широко и давно бытуют в архангельских, владимирских, ишимских, казанских, пермских и тверских говорах. Выражение с этим словом встречается в народной речи в трех формах — *вверх тормашки полететь*, *вверх тормашками* (*тормашкам*) и *вверх тормашкой*. Некоторые записи отражают высокую экспрессивность этого оборота: «Эй ты, тетка, на воз от лезть ровно корова на баню; ты бы бойчая, яка не вострая! — Да где вострая, поторопись, — дак и улетишь вверх тормашки!» (пермские говоры).

По мнению авторов «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (М., 1971), это слово образовано с помощью суффикса *-ка* от глагола *тормошить* «трясти, теревить, переворачивать» с перегласовкой *о* в *а*. В том же ключе, но более детализированно, эту версию разрабатывают авторы книги «Мир родной речи» (М., 1972) — З. Н. Люстрова и Л. И. Скворцов, добавляющие, что выражение *вверх тормашками* развилось из первоначальной диалектной формы *вверх тормашки* или просто *тормашки*. Действительно, если говорить о более древней форме нашего выражения, то, пожалуй, *вверх тормашки* и была первичной, ибо творительный падеж мн. числа в русских диалектах и в других славянских языках мог иметь такое окончание. Не случайно в одной из старых поговорок употреблена именно такая форма: *Полетел от Машки вверх тормашки*.

Что же касается этимологической связи *тормашек* с глаголом *тормошить*, то здесь возникают сомнения. Если сопоставить ряд глаголов с подобной основой и производные от них существительные, то окажется, что последние сохраняют ту же гласную, что и глагол: *спешить* — *спешка*, *сместить* — *усмешка*, *потешить* — *потешка*, *крошить* — *крошка*, *ворошить* — *ворошка*, *сушить* — *сушка* и т. д. Если бы глагол *тормошить* образовал существительное, то оно должно было бы дать — в соответствии с этой моделью — не *тормашки*, но — *тормѣшки*. Это подтверждается и реальным языковым фактом: в пермских говорах записано слово *тормошá* (а не *тормáша*!) «суматоха». С другой стороны, слова на *-ашка* по законам русского словообразования создаются, как правило, не от глагольной, а от именной основы: *морда* — *мордаха* — *мордашка*, *руб* (ср. *рубище*) — *рубаха* — *рубашка*, *бука* «жужжащее насекомое» — *букаха* — *букашка*; *птаха* — *пташка*, *плаха* — *плашка*, *таракан* — *таракашка*, *старикан* — *стикашка* и под. Следовательно, словообразовательные модели показывают, что основой *тормашек* был скорее всего не глагол, а существительное.

И действительно, в русских говорах находим слова, которые, вероятно, и стали исходом наших *тормашек*. В Рязанской области записано выражение *кверх* (или *вверх*) *тормáми*, из которого лег-

ко вывести исходное слово *тормы́*. Этот оборот означает прежде всего «кувырком, вверх ногами»: «Я взяла и слезла, а он и хлыснул лошадь, а аня на пятек, а он кверху тарма́ми пат са́ни». Может он характеризовать и что-либо перевернутое, опрокинутое или же беспорядок и перазбериху в доме: «Вос ковырну́лся... Шол, шол, папа́д в колею и хлабы́сь — кверху тарма́ми»; «Пришла́ — и до́ма все кверху тарма́ми, сви́нья буха́нку сажра́ла» [Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969]. Это же выражение известно и в Поволжье: «Ну и хозяйка: белье пестира́но, посуда вся вверху тарма́ми».

О том, что такая форма — отнюдь не редкий диалектизм, свидетельствуют и записи на Дону. Причем здесь оборот *вверх (кверху) тарма́ми* имеет весьма разнообразные словообразовательные варианты — *вверх (кверху) то(а)ро(а)ма́ном, вверх торомáн, вверх торомáню, вверх торма́ню, вверх торма́ни и вверх торомáми*: «Шол, шол, зацыпилси, как фпал вверх тараманам»; «Фсё пашло вверх тараманам» (Словарь русских донских говоров, т. III. Ростов-на-Дону, 1976). Здесь слово *тормы́* даже превращается в чистое наречие, которое может быть без предлога: «Упал тараманам с палатий». Аналогичное употребление отмечено для острогужского выражения *пошел турманом* еще в 1906 году.

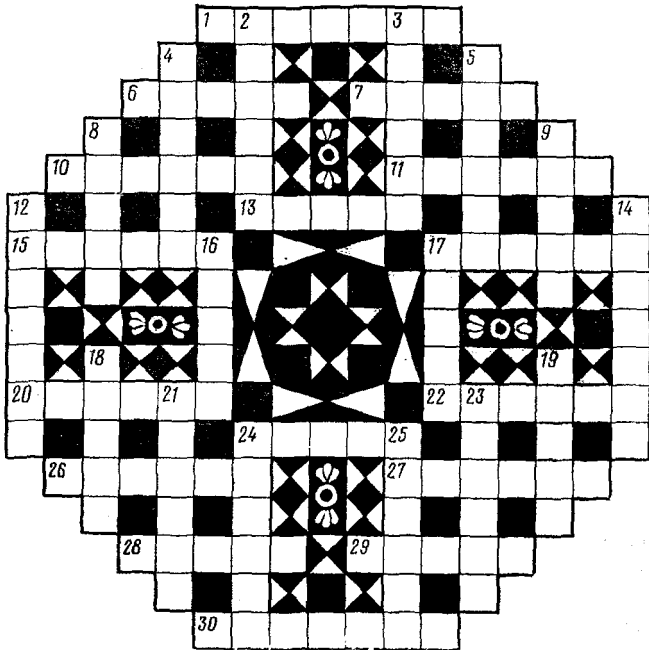
Скорее всего, именно от этого набора слов и образовались слово *тормашки* и фразеологизм *вверх тормашки*. Вряд ли мог произойти обратный процесс: в языке обычно более краткие формы корня слова впоследствии разворачиваются в производные цепи. Более того, — слова *тормы́* и *торман (турман)* полностью соответствуют словообразовательным закономерностям, упомянутым нами выше: *торма — тормашки* сходно с *морда — мордашка* или *бука — букашка*, а *торман — тормашки* напоминает *таракан — таракашка* или *старикан — старикашка*.

Итак, поиски истоков слова *тормашки* привели нас к диалектизму *тормы́, торма́ны*, который обозначал в некоторых областях России нижние конечности. Из большого числа подобных обозначений в живой народной речи в литературный обиход попало лишь одно — *тормашки*. Утратив свое самостоятельное значение «ноги», оно продолжает жить в составе всем известного фразеологизма.

В. М. МОКИЕНКО,
доктор филологических наук
Ленинград

Рисунок С. Гавриловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Направление в литературе и искусстве. 6. Чешский писатель-сатирик. 7. Роман Ю. Бондарева. 10. Драма В. Гюго. 11. Повесть в стихах М. Ю. Лермонтова. 13. Совокупность правил выбора и употребления языковых средств. 15. Действующее лицо пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 17. Вепгерский поэт, автор фольклорно-сказочной поэмы «Витязь Янош». 20. Советская поэтесса, автор поэмы «Зоя». 22. Трагедия В. Шекспира. 24. Роман И. Стаднюка. 26. Роман А. Моравиа, в котором широко показана жизнь народа Италии в годы второй мировой войны. 27. Одна из популярнейших песен довоенных и военных годов, музыка М. Блантера, слова М. Исаковского. 28. Персонаж романа Э. Хемингуэя «Фиеста». 29. В старину: кучер, перевозивший на лошадах почту, грузы и пассажиров. 30. Советская писательница, автор романа «Кафедра».

По вертикали: 2. Русский советский поэт. 3. Повесть Э. Казаке-

вича. 4. Фамилия актера, сыгравшего в кинофильме «Освобождение» роль Лукина. 5. Краткое изложение сути написанного, сказанного, прочитанного. 8. Пьеса А. Корнейчука. 9. Ткань, упоминаемая в песне «Коробейники». 12. Изречение, краткая цитата, предпосланная произведению. 14. Советский писатель, поэт, автор поэмы «Киров с нами». 16. Создатель какого-либо произведения, научного исследования. 17. Совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе. 18. Персонаж романа М. Горького «Мать». 19. Название памятника советскому воину в г. Пловдиве в Болгарии. 21. Детский сатирический киножурнал. 23. Фамилия красноармейца, весельчана и балагура в романе Д. Фурманова «Чапаев». 24. Немецкий композитор, поэт — драматург, теоретик искусства. 25. Фамилия одного из рабочих в пьесе М. Горького «Враги».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЕННОЙ ПОРЕ

Во время войны я был военным корреспондентом Ленинградского радиовещания, занимался сбором материала о борьбе партизанских соединений с немецко-фашистскими захватчиками. Иногда приходилось помогать партизанам в подготовке листовок для населения оккупированных врагом районов. Особенно запомнились своеобразные подражания «Письму запорожцев к турецкому султану». Характер и стиль таких «писем» не трудно себе представить. Они, чаще всего написанные в очень резких выражениях, ругали врага со всем гневом и острой выдумкой. Во время Великой Отечественной войны этот вид листовок-«писем» был действенным оружием наступательной, боевой агитации, усиливающей наше презрение к фашистам.

Голоса партизан, жителей оккупированных районов Ленинградской области как яркие иллюстрации и неопровержимые свидетельства повсеместной борьбы с лютым врагом нередко передавались по радио. Ленинградский инженер Н. Свиридов сделал для меня портативное устройство, отдаленно напоминающее современные репортажные магнитофоны. С этим довольно увесистым аппаратом я не расставался, с ним бывал и у партизан...

Однажды показал свои звукозаписи моему учителю, научному руководителю на аспирантуре, одному из крупнейших советских языковедов профессору Л. П. Якубинскому. Он тогда заведовал кафедрой русского языка в Педагогическом институте имени М. Н. Покровского (в 50-е годы этот институт был объединен с Ленинградским педагогическим институтом имени А. И. Герцена). Во время блокады Ленинграда Лев Петрович жил, как говорили в ту пору, на казарменном положении в помещении института; насколько ему позволяло здоровье, участвовал в тушении зажигательных бомб («зажигалок»), которыми, можно сказать, засыпала го-

род фашистская авиация. Лев Петрович был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Л. П. Якубинский с вниманием отнесся к моим звукозаписям. Он всегда интересовался разговорной речью (вспомним его широко известную работу «О диалогической речи»), особенно увлекали его синтаксические проблемы. И в этих звукозаписях он обнаружил для себя немало интересного.

В начале 1945 года до Дня Победы я был в Германии. В моем распоряжении находился более усовершенствованный магнитофон, чем тот, с которым я летал к партизанам, и возможности производить звукозаписи значительно расширились. Помимо оперативных репортажных звукозаписей, я попутно производил заготовки для будущих своих научных занятий.

Вернувшись из Берлина в Ленинград, я вскоре навестил Л. П. Якубинского и рассказал о массе звукозаписей, сделанных в предположении последующего изучения синтагмы. [Синтагма — это сочетание или тесное слияние двух (или нескольких) языковых единиц, расположенных в определенной линейной последовательности, т. е. выстраивающихся одна за другой в потоке речи; ритмико-интонационная единица речи, речевой такт.] Его очень обрадовало мое сообщение. «Я много думал по этому поводу,— сказал он.— Я теперь быстро поправляюсь, и мы займемся твоими материалами».

Увы, этого не случилось. В конце августа 1945 года Якубинского не стало. Жизнь моя в дальнейшем сложилась так, что синтагмой мне не довелось заниматься. А рассказал я это к тому, чтобы показать лишний раз, как во время войны, даже в тяжелейших условиях, веря в Победу, ленинградские филологи не забывали о своей науке и что-то заготавливали впрок, на мирную жизнь.

*В. П. Петушков,
кандидат филологических наук
Ленинград*

«МЫ НЕ ЗАБУДЕМ, НЕ ЗАБУДЕМ...»

«Мы, ветераны Великой Отечественной войны, до сих пор душой не расстаемся с песнями, которые полюбили с той грозной поры. Читая газеты, мы часто встречаем знакомые слова из этих песен. И это очень приятно. Просим рассказать о словах, которые перешли в нашу речь из военных песен, и не только старых, но и песен последних лет: „Фронтовики, наденьте ордена!“, „Не стареют душой ветераны“ и других».

*Крыгин Николай Прокофьевич,
ветеран Великой Отечественной войны,
кавалер ордена Славы III степени.*

На письмо Н. П. Крыгина редакция попросила ответить кандидата филологических наук О. Г. Сальникова (Магнитогорск).

*

Неизгладимый след в искусстве и в памяти народной оставили песни о Великой Отечественной войне. Как верно заметил Николай Прокофьевич, их пламенные строки нередко становятся газетными заголовками: «И помнит мир спасенный...», «Фронтовики, наденьте ордена!», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» и другие. Мы встречаемся с песенными цитатами в названиях повестей и кинофильмов, радио- и телепередач, в названиях глав из военных мемуаров и школьных учебников: «Несокрушимая и легендарная», «Так начиналась война», «Под грохот сотен батарей», «В белоснежных полях под Москвой», «Уходили в поход партизаны». На памятниках советским воинам высечены слова из любимых народом песен: «Шумел сурово Брянский лес...»; «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, дорогая моя столица...» и др.

Судьбы военных песен в жизни народа и его языке складываются по-разному. Неотделима от Великой Отечественной войны «Священная война» А. В. Александрова и В. И. Лебедева-Кумача. Родившись в первые дни войны, эта песня покорила всех суровой красотой и правдой и вскоре превратилась в гимн борющегося народа. Из нее часто цитируются слова: «Вставай, страна огромная», «Идет война народная», «ярость благородная», а выражение «священная война» стало синонимом Великой Отечественной войны. Песни военных лет имели призывный характер, вдохновляли воинов Советской Армии на ратные подвиги в защиту Родины.

Песня в период войны привлекла к себе внимание многих советских поэтов и композиторов. Всем известны и любимы «Вечер на рейде», «Играй, мой баян», «Соловьи», «На солнечной поляночке» В. П. Соловьева-Седого; «Ой, туманы мои, растуманы» В. Г. Захарова, «Заветный камень» Б. А. Мокроусова, «В лесу прифронтовом» и «Моя любимая» М. И. Блантера, «Темная ночь» Н. В. Богословского, «В землянке» К. Я. Листова, «Дороги» и «Смуглянка» А. Г. Новикова и многие другие на слова поэтов А. Фатьянова, Е. Долматовского, Я. Шведова, А. Суркова, А. Жарова, М. Исаковского, А. Чуркина, М. Лисянского, Л. Ошанина и других.

Публицистический стиль наших дней обогатился устоявшимися формулами из этих и многих других песен военных лет. Не следует думать, что песенная цитата становится крылатой лишь в силу ее литературных достоинств и содержания. Мелодический и композиционный факторы тоже весьма существенны: ведь песня представляет собой музыкально-поэтическое произведение с его жанровыми законами. И если в русской народной песне запоминается прежде всего запев как ее мелодическое зерно, то из воен-

ной песни чаще цитируют отрывки припевов с простой запоминающейся мелодией.

Фрагменты песен 1941—1945 годов — это своеобразные историзмы, которые «оживают» в годовщины победных сражений Великой Отечественной войны. В новых контекстах общеизвестные слова могут слегка изменяться, например: «*Шла война народная*», «*Дорогая наша столица*», «*Война народная, священная, победная...*». Но значительные семантико-стилистические сдвиги здесь редки и затрагивают лишь цитаты из бытовых и лирических военных песен: «Прощай, любимый город!» > «Прощай, любимый лагерь!»; «Играй, играй, рассказывай» (заглавие статьи о народных исполнителях); «Все, что было задумано» (статья на спортивную тему). Большинству же афоризмов из песен военных лет присуща высокая стилистическая окраска. Народ-языкотворец дал как бы охранную грамоту этим песням — живым свидетелям великих трагических событий.

И после окончания Великой Отечественной войны продолжают создаваться песни, посвященные памяти о ней. Лучшие песни-воспоминания, созданные в 1950—1970 годы В. Соловьевым-Седым, М. Фрадкиным, В. Баснером, А. Пахмутовой, Д. Тухмановым в содружестве с поэтами М. Матусовским, Р. Рождественским, С. Гребенниковым, Н. Добронравовым, В. Харитоновым, а также авторские песни Б. Окуджавы, М. Ножкина, В. Высоцкого получили всенародное признание, но их языковая судьба уже несколько иная.

Послевоенные песни разнообразнее в жанровом отношении. В них свободнее смешиваются краски трагедии, лирики, шутки; масштабы исторических битв сменяются деталями военного быта, подробностями личных судеб людей. Неудивительно, что цитаты из этих песен глубже проникают в разнообразные стили языка. Иногда песня становится композиционной основой газетной информации, как, например, в заметке «На безымянной высоте»: «Восстановлена фронтовая землянка на безымянной высоте... Вспой здесь посадят и молодую сосенку — вместо той, что сгорела во время боя от вражеского снаряда. *Землянка в три наката и сосна над ней* станут частью мемориала в честь сражавшихся здесь героев...» (Комсомольская правда, 1980, 26 марта). В художественном тексте песенная цитата может завершать абзац, углубляя и «озвучивая» все повествование: «Тихонько гудели проходящие где-то рядом телеграфные провода. И в их монотонном гудении слышалось разное: то что-то похожее на попискивание морзянки, то будто в далеком оркестре начинали настраивать скрипки, а иногда прорывалось глухое подземное ворчанье — „то ли гроза, то ли эхо далекой войны“» (Васильев. Судомо-гора).

Песенные цитаты преобразуются по тем же моделям, что и

обычные фразеологизмы (путем замены компонента, расширения или сужения состава): «Что-то с памятью *твоей* стало» (Б. Ласкин); «Горячий снег, горячий *лед!*» (репортаж о хоккейных матчах в Лейк-Плэсиде); «Боевые *спутницы* мои» (Советский патриот, 1980, 8 марта); «Последний *шаг*, как последний бой — он самый трудный» (Физкультура и спорт, 1980, № 1); «Не стареют душой...» (Магнитогорский рабочий, 1983, 5 мая); «Эхо далекой войны» (Советская Россия, 1984, 28 июля); «[В свою очередь] сотни норвежцев оказывали помощь Советской Армии и *как могли приближали день Победы*» (Правда, 1984, 24 окт.).

Фрагменты из послевоенных песен часто встречаются и в разговорной речи, например: «Бери шинель, пошли домой!»; «Еще немного, еще чуть-чуть»; «Где же вы теперь, друзья-однополчане?»; «Этот день мы приближали как могли». Трудно сказать, какие песенные цитаты станут подлинно крылатыми или перейдут в пословицы, поговорки, а какие забудутся нашими потомками вместе с отзвучавшими песнями. Но в пользу некоторых песенных фраз говорит их активное использование в прессе и в живой речи (в этом отношении они опережают крылатые выражения из других источников) и особенно вхождение их в системные отношения с устойчивыми народными оборотами и крылатыми словами, например: «Последний бой, он трудный самый» — «последний и решительный бой».

«Беспредельный», «живой как жизнь» русский язык и в наши дни обогащается ежеминутно. Среди источников, питающих его фразеологию, достойное место занимают песни о Великой Отечественной войне.

«ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ...»

Несколько месяцев тому назад на экранах телевидения шел фильм с таким названием — «ТАСС уполномочен заявить...». Аббревиатура ТАСС расшифровывается как *Телеграфное агентство Советского Союза*. Агентство — существительное среднего рода. Так почему же ТАСС уполномочен, а не уполномочено? Не ошибка ли это? Этот вопрос интересует многих читателей.

В наше время широко распространен способ образования сложносокращенных слов из начальных букв тех слов, которые составляют какое-либо наименование. Например, Московский Художественный академический театр мы называем МХАТ. Коротко и удобно. МИД — это Министерство иностранных дел, ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов, ВАК — Высшая аттестационная комиссия. Подобных примеров можно привести множество.

Интересен путь освоения аббревиатур русским языком. Первоначально аббревиатуры имеют тот же грамматический род, что и основное слово словосочетания, от которого образована эта аббревиатура. Некоторые сложносокращенные слова такого типа сохранили этот род, например, сокращение *ВКАС* женского рода, так как стержневым словом его является существительное женского рода *академия* — Военная Краснознаменная академия связи. Однако нередко бывает и так, что часто употребляющееся в языке сложносокращенное слово утрачивает свой прежний грамматический род и приобретает новый в соответствии с формальным показателем. Так, аббревиатуры *ТАСС*, *МИД*, *ВАК*, *ВТЭК* (врачебно-трудовая экспертная комиссия) оканчиваются на согласный, то есть оформлены как существительные мужского рода. Именно поэтому они и воспринимаются как слова мужского рода. В разговорной речи такие аббревиатуры могут склоняться: работаю в *МИДе*, заключение *ВАКа*, решение *ВТЭКа*. И, заметьте, изменяются они по падежам по типу склонения существительных мужского рода с основой на твердый согласный. Это говорит об освоенности подобных сокращений языком. Теперь, очевидно, не будет вызывать сомнений правильность фразы «ТАСС уполномочен заявить...», где сказуемое согласуется в роде с подлежащим, выраженным словом, оформленным как существительное мужского рода.

Л. Н. Кузнецова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В последнее время в сообщениях по радио и телевидению приходится слышать слово «мóрось». Правомерно ли такое употребление, если есть литературное слово *изморось*?»

Н. П. Руднева, Коломна

4-томный «Словарь русского языка» АН СССР дает одинаковые значения для слов *мóрось* и *изморось*:

Мóрось — «очень мелкий, медленно падающий дождь», например: «Снегопад, пурга, морось... — все эти малоприятные приметы арктической осени приходилось все чаще и чаще вписывать в вахтенный журнал» (Бадигин. Три зимовки во льдах Арктики).

Изморось — «очень мелкий дождь» — «Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось» (Арсеньев. Дерсу Узала). В современном литературном языке правомерно употребление обоих слов (и *морось* и *изморось*).

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что обозначает слово *жуировать*, которое встречается в литературе?»

Г. В. Потий, Белебей

В буржуазно-дворянском быту *жуировать* означало вести праздную, паразитическую жизнь, искать в жизни наслаждений, удовольствий. Тот, кто вел такой образ жизни, назывался *жуиром*. Пришло в русский язык это слово из французского, где *jouir* означает «наслаждаться».

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 1. Реализм. 6. Гашек. 7. «Берег». 10. «Эрнани». 11. «Джюлио». 13. Норма. 15. Панова. 17. Петефи. 20. Алигер. 22. «Отелло». 24. «Война». 26. «Чочара». 27. «Катюша». 28. Барнс. 29. Ямщик. 30. Грекова

По вертикали: 2. Есенин. 3. «Звезда». 4. Санаев. 5. Резюме. 8. «Фронт». 9. Ситец. 12. Эпиграф. 14. Тихонов. 16. Автор. 17. Право. 18. Сизов. 19. «Алеша». 21. «Ералаш». 23. Теткин. 24. Вагнер. 25. Акимов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), **Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Н. А. РЕВЕНСКАЯ** (ответственный секретарь), **Л. И. СКВОРЦОВ** (зам. главного редактора), **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ**

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.02.85

Формат бумаги 84×108¹/₃₂

Усл. кр.-отт. 524,3 тыс.

Подписано к печати 17.4.85

Печать высокая.

Уч.-изд. л. 9,0

Бум. л. 2,5

Заказ 1063

Т-02734

Усл. печ. л. 8,4

Тираж 60 900

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6